

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2

2022

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 2

2022

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2022

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2022 г.

№ 2

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технические редакторы

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рубцов Игорь Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барсегян С.В. Особенности процесса формирования у будущих учителей физики готовности к реализации технологии перевернутого обучения	9
Концевич И.В. Духовно-нравственные основы культуры казачества в педагогической практике Григорополисского сельскохозяйственного техникума имени атамана М.И. Платова	18
Лидак Л.В., Тимошенко Т.А. Аксиологический подход к исследованию ценностных ориентаций подростков в современной социальной ситуации	26
Мусин О.А., Гордеева П.А. Особенности формирования культуры здоровья курсантов военных училищ	39
Редун Р.Г. Структурные компоненты системы педагогической медиации	45
Шидов А.З. Человек российской воинской культуры как идеал воспитания военнослужащих контрактной службы	53

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головлёв А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 5. Замирение аргунских горцев (летняя экспедиция 1858 г.)	61
Дударев С.Л. К вопросу о российской политике на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в.: особенности интеграции и формирования историко-культурного партнерства (по данным ГАКК)	78
Жарков А.В. Изменение уровня грамотности населения в 1939–1959 гг. (на материалах Свердловской области)	93
Карапкова О.Г., Хабибулина Е.Б. Особенности изучения Северного Кавказа в исследовательской традиции французских и франкоязычных специалистов	103
Малахова А.С., Малахов С.Н. Кампания по изъятию церковных ценностей на Кубани в 1922 году: общественные настроения в восточных районах	109

Матвеев В.А.	
Дезинтегрирующие воздействия на этническую общность русских славян в века разъединения	123
Месропян А.Э.	
Участие потребительской кооперации в восстановлении хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг.	139
Панарин А.А., Панарина Е.В.	
Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны	148

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Губанова М.А.	
Социокультурная методология исследования национальных ценностей России	158
Лебедева Л.Н.	
Формирование нового стиля мышления в процессе информатизации общества	168
Омельченко С.В.	
Перспективная социальная ответственность: социально-философский аспект анализа	179
Равочкин Н.Н.	
Методологическая роль социального конструктивизма для исследований политико-правовых институтов (часть 2)	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	205

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Barseghyan S.V.</i> Features of the Process of Formation of Future Physics Teachers' Readiness to Implement the Technology of Flipped Learning	9
<i>Kontsevich I.V.</i> Spiritual and Moral Basis of Cossacks Culture in the Pedagogical Practice of Grigoropolisskiy Agricultural College Named After Ataman M.I. Platov	18
<i>Lidak L.V., Timoshenko T.A.</i> The Axiological Approach to the Study of Value Orientations of Adolescents in the Modern Social Situation	26
<i>Musin O.A., Gordeeva P.A.</i> The Features of the Formation of Health Culture of Military Schools' Cadets	39
<i>Redun R.G.</i> The Structural Components of Pedagogical Mediation	45
<i>Shidov A.Z.</i> A Person of Russian Military Culture as an Ideal for Upbringing of the Contract Service Militaries	53

HISTORICAL SCIENCES

<i>Golovlyov A.A.</i> General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 5. Pacification of the Argunian Highlanders (Summer Expedition 1858)	61
<i>Dudarev S.L.</i> To the Question of Russian Policy in the Northwestern Caucasus at the Late XVIII – Early XIX Centuries: Features of Integration and Formation of Historical and Cultural Partnership (According to the GAKK)	78
<i>Zharkov A.V.</i> Changes in the Level of Population Literacy in 1939–1959 (on the Materials of Sverdlovsk Oblast)	93
<i>Karapkova O.G., Khabibulina E.B.</i> Features of the Study of the North Caucasus in the Research Tradition of French and French-Speaking Specialists	103
<i>Malakhova A.S., Malakhov S.N.</i> The Campaign to Seize Church Values in Kuban in 1922: Public Mood in the Eastern Regions	109

<i>Matveev V.A.</i>	
Disintegrating Effects on the Ethnic Community of Russian Slavs in the Age of Separation	123
<i>Mesropyan A.E.</i>	
The Participation of Consumer Cooperation Economic Recovery of Krasnodar Krai in 1943–1945	139
<i>Panarin A.A., Panarina E.V.</i>	
Creative Activity of the Theaters of the North Caucasus During the Great Patriotic War	148
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
<i>Gubanova M.A.</i>	
Socio-cultural Methodology of Research of National Values in Russia ...	158
<i>Lebedeva L.N.</i>	
The Formation of a New Style of Thinking in the Process of Informatization	168
<i>Omelchenko S.V.</i>	
Perspective Social Responsibility: the Social-philosophical Aspect of Analysis	179
<i>Ravochkin N.N.</i>	
The Methodological Role of Social Constructivism in the Research of Political and Legal Institutions (Part 2)	186
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	199
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	205

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.14

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИКИ ГОТОВНОСТИ К РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВЕРНУТОГО ОБУЧЕНИЯ

С.В. Барсегян

FEATURES OF THE PROCESS OF FORMATION OF FUTURE PHYSICS TEACHERS' READINESS TO IMPLEMENT THE TECHNOLOGY OF FLIPPED LEARNING

S.V. Barseghyan

Аннотация. Современный учитель должен владеть готовностью к инновационной деятельности, которая станет основой его профессионального роста. Проблема технологической подготовки учителя может быть решена в рамках средового подхода, когда обучающийся вовлечен в деятельность по этой технологии. Иммерсивный подход позволяет студенту быстро освоить суть технологии, ее особенности, «прочувствовать» ее сильные и слабые стороны. В статье рассмотрены особенности подготовки лекции и практического занятия по технологии перевернутого обучения.

Abstract. A modern teacher should have a willingness to innovate, which will become the basis of his professional growth. The problem of technological teacher training can be solved in terms of the environmental approach when a student is involved in the activities of this technology. The immersive approach allows the student to quickly master the essence of the technology, its features, and "feel" its strengths and weaknesses. The article discusses the features of preparing a lecture and a practical lesson using the technology of flipped learning.

Ключевые слова: готовность к инновациям, перевернутое обучение, подготовка учителя физики.

Keywords: readiness for innovation, flipped learning, physics teacher training.

Готовность к инновационной деятельности – одно из важных качеств современного педагога. Его становление начинается в вузе, когда будущий учитель ежедневно осваивает новые методы и технологии обучения. Если это качество станет компонентом его профессиональной деятельности, то учитель будет всегда открыт новому, будет искать те инновации, которые интересны именно ему. Являясь, с одной стороны, личностной характеристикой, готовность содержит в себе и владение учителем определенными

умениями: анализировать педагогические тексты, сопоставлять описанные в них технологии и свои возможности, возможности образовательной организации, в которой он работает, возможный интерес к этим технологиям обучающихся.

В этом случае можно говорить о деятельностной составляющей категории «готовность». Однако деятельностью можно овладеть только в деятельности – необходимо непосредственное участие будущего учителя в реализации новой технологии, обычно это происходит на практических занятиях по методике обучения.

Студенты включаются в квазидеятельность, воспроизводящую деятельность учителя и учащихся, подготовив для этого фрагмент урока с изученной технологией (тренинг). Подобный подход в практике педвузов существует давно, но в результате студентами в полной мере осознается только деятельность учителя. Сегодня этого недостаточно, есть и другой субъект деятельности – обучающийся. В быстро меняющемся мире быстро изменяются и учащиеся: разница между теми, кто учился пять лет назад, десять лет назад, и теми, кто учится сегодня, разительна. Учителю приходится в каждом новом условном поколении заново знакомиться с обучающимися, их особенностями, адаптируя освоенную технологию под этих «новых» обучающихся, или новую же технологию под «новых» обучающихся.

Умение поставить себя на место учеников должно быть развито тоже в период вузовского обучения. Это означает, что необходимо пересмотреть общий подход к подготовке учителя, саму методику формирования готовности к определенной педагогической деятельности там, где это возможно.

Анализ существующих на данный момент исследований показывает, что поиск такого подхода, такой методики еще идет. Таким образом, проблема исследования – как обеспечить готовность учителя к освоению и внедрению конкретных инноваций.

Подготовке будущего учителя к инновациям посвящены работы И.Б. Белявской, Л.Н. Горбуновой, И.А. Зязюна, В.В. Краевского, С.В. Кузьмина, В.С. Лазарева, С.А. Лисицына, И.В. Никишиной, И.Н. Пискаревой, М.М. Поташника, Н.И. Раитиной, В.А. Слостенина, С.А. Трифионовой, И.Д. Чечель и др. В работах Е.Э. Воропаевой, Т.А. Головятенко, И.Е. Пискаревой и др. исследовалось формирование готовности учителя к применению инновационных технологий на деятельностной (тренинговой). О.А. Крысанова рассматривала подготовку будущего учителя физики к инновационной деятельности, посредством ситуационных методических задач [7]. Все предлагаемые решения являются развитием деятельностного подхода к обучению, но не учитывают новые реалии – цифровизацию всех сфер нашей жизни и востребованность освоения новой деятельности зачастую уже в процессе ее выполнения, которая вскоре может стать обязательной.

Рассматривая технологии смешанного обучения (ротации станций, перевернутого обучения и др.), мы считаем перспективной идею освоения

этих технологий непосредственно в смешанном обучении. Например, технологии перевернутого обучения в процессе ее реализации при изучении методики обучения предмету. Идея возникла после недавнего пережитого вынужденного дистанционного обучения, когда освоение учителями его инструментов, поиск приемов, разработка средств с большей или меньшей успешностью проходила одновременно с внедрением такого обучения в практику. «Уча, учимся» – говорил Сенека. «Учись, учась» – говорим мы. В этом нет ничего нового – выполняя упражнения по русскому языку, ученик вырабатывает почерк.

Иммерсивное погружение в технологию (*иммерсивный* (англ.) – с эффектом «присутствия» за счет комплекса ощущений человека, находящегося в искусственно созданной среде [2]) активизирует аффективную составляющую деятельности, обеспечивая при погружении в процесс пропускание сущности технологии «через себя».

Р.М. Грановская считает, что иммерсивный подход в значительной мере опирается на внушение, а результатом внушения является необычайно высокая концентрация внимания и усиление (раскрепощение) творческих способностей [3]. Более традиционное обучение – через убеждение (в необходимости, эффективности, интересности) сегодня работает не всегда – инертность среднего обучающегося возросла.

Практика показывает, что и сегодня студент вуза продолжает ожидать, что его научат, покажут, расскажут, объяснят... Потому при изучении теоретического материала преобладает лекция, лабораторно-практические занятия проходят по инструкциям. Но уже появляются студенты, ожидающие предоставления больших возможностей обучения с помощью электронной информационно-образовательной среды.

Пассивность среднего студента на лекции даже у наиболее опытных и прогрессивных преподавателей неизбежна: если тебе предлагают что-то готовое, нет смысла напрягаться и осмысливать, это позиция поколения, которому открыт очень широкий доступ к информации. Очевидно, что на 50 % это время (лекционное) непродуктивно. Чтобы сделать его продуктивным нужно передать функции «источника информации» студенту – пусть он изучает материал самостоятельно, как и придется в дальнейшей «взрослой» деятельности, сам выбирает – дополнять ее или нет, какой именно информацией дополнять. Это тем более целесообразно, т. к. студент, который не хочет тратить лишнее время на учебу, в этом случае получает право распоряжаться своим временем, учится правильно его планировать, правильно ставить цели и задачи. Смешанное обучение позволяет это реализовать, сохраняя при этом все плюсы лабораторно-практических занятий. Смешанное обучение – это образовательная технология, в которой сочетаются очное и электронное обучение [9; 13]. Оно предоставляет ученику в электронной части возможность самостоятельного выбора времени, места, темпа обучения.

Отметим сразу, что технология смешанного обучения, как и все, на первый взгляд, более «близкие» традиционным технологии типа проектной, анализа ситуаций и пр., это все же инновационная технология, в рамках которой трудно примирить необходимость освоения (в т. ч. запоминания) знаний в рамках ФГОС и необходимость предоставить обучающемуся свободу создавать свой контент знаний (те, которые кажутся ему значимыми) из более широкого информационного поля, чем это дано в учебниках, которая может привести к эклектичности этих знаний (в противовес принятой в нашем образовании системности). Удивительным образом нашему образованию и ранее удавалось «примирить непримиримое», возможно, и сейчас удастся. Технология реализуется в большей или меньшей степени с помощью образовательных платформ (iSpring Suite, Цифровой колледж [изд. центр «Академия»]), из бесплатных наиболее освоена и имеет соответствующее программное обеспечения среда Moodle, более проста в использовании, как показала практика, но имеет свои минусы, среда Zoom [8]. Разработка информационного контента займет немало времени, если существует требование его высокого качества и валидности (действенности, практической полезности), но это окупится в дальнейшем.

Смешанное обучение реализуется в виде нескольких моделей, наиболее востребованы в профессиональном образовании модели «перевернутого обучения», ротационная и онлайн-лаборатория [1].

Модель перевернутого обучения предполагает перенос освоения теоретического материала на дом. Обучающиеся самостоятельно с помощью компьютеров или гаджетов прослушивают и просматривают видеолекции, текстовые источники и мультимедийные ресурсы, в том числе найденные самостоятельно, выполняют на компьютере тесты. Аудиторная работа отводится на обсуждение сложных вопросов теории и в основном – на применение ее на практике, причем здесь возможны все виды деятельности – индивидуальная, коллективная и групповая (преобладает). Затем дома переосмысленная теория применяется при решении практических задач. Такая организация обучения побуждает студентов, ранее получавших знания в готовом виде, без опоры на самостоятельную работу, сотрудничать, учиться друг у друга (иногда и списывать – но с этим бороться умеет каждый преподаватель), развивает коммуникативные навыки. Преподаватель, в традиционном обучении в обязательном порядке транслировавший знания, тративший на это как минимум половину учебного времени, становится «старшим» более опытным субъектом учебного процесса. Но при этом на начальном этапе преподаватель вынужден тратить много времени на подготовку материалов, предлагаемых для самостоятельного изучения студентами, искать и разрабатывать различные задания для работы с этим материалом, для организации активной деятельности на аудиторном занятии.

Такая модель при подготовке будущего учителя высвобождает время на развитие у обучающихся способов деятельности, компетенций – часть лекционных занятий (хотя бы 50 % часов) трансформируется в практические, остальные идут в «домашнюю» нагрузку студента и часы индивидуальной

работы преподавателя с учащимися. Обучающиеся получают возможность «проиграть» несколько вариантов фрагмента профессиональной деятельности, многократно повторить действия (там, где это возможно), обсудить их достоинства и недостатки. Возрастает объем творческой деятельности, есть возможность поработать с сетевыми ресурсами, обсудить видеозаписи занятия и т. д. Для этой модели очень важно наполнение информационной образовательной среды, сегодня многие используют «удаленные» ресурсы.

Рассмотрим, как подготовить лекцию в рамках технологии «перевернутого обучения». Она состоит из трех блоков – информационно-образовательного контент для самостоятельного изучения, задания к нему, материалы и вопросы для обсуждения к аудиторной части.

Начинаем с подготовки информационно-образовательного контента [10]. На учебники и учебные пособия даются ссылки. Теоретический материал предоставляется в виде:

- текстового файла либо лекции-презентации (не тезисно, а подобно справочнику с примерами);
- видеолекции (10–15 мин.) с основным содержанием;
- фрагмента пособия (ссылок на него).

Чтобы организовать разные виды деятельности и обеспечить достижение образовательных результатов преподаватель предлагает 5–7 вопросов и заданий на систематизацию, выделение главного, поиск дополнительной информации (требуется для ответа на вопрос), составление плана, формулирование вопросов (для сложных мест) и т. п., т. е. на перестраивание информации в новом виде, которая, как известно, лучше осознается и усваивается [6].

При построении учебно-информационного контента учитывается:

- значимость и сложность материала (основной + комментарии и примеры, сложный материал затем «дублируется» на очном занятии);
- необходимость визуального сопровождения – выделение главного, схемы, таблицы, алгоритмы, ЭОР и пр.;
- формируемые образовательные результаты (компетенции) и способ их контроля (задания должны быть ориентированы на главное);
- необходимость поиска дополнительного материала (не часто и не редко, для овладения информационной компетенцией), по ссылке или через свободный самостоятельный поиск;
- целесообразность разноуровневого материала (дополнительного, избыточного, углубленного) и разноуровневых заданий;
- «номенклатура» заданий – проблемные, дискуссионные, на систематизацию и пр., необходимость мини-теста.

В лекционный контент включают: формулировки понятий, закономерностей, особенностей, алгоритмов, описание основных процессов, технологий, методов, средств. Для курса методики обучения физике в содержание контента включаются вопросы теории методики – характеристика особенностей построения курса физики разных уровней, методов обучения физики с примерами,

методики изучения отдельных тем курса с видеоэкспериментом или ссылками на него, с ЭОР и пр. Логика представления – в виде законченных информационных блоков, каждый из которых может быть усвоен за 10 минут. В лекции – не более 3-х блоков, обязательны: тема, цель, план.

Практические занятия по технологии перевернутого обучения проводятся в аудитории и включают 3 блока:

- обсуждение рассмотренной дома теории, дополнение ее, ответы на вопросы;
- разбор ситуаций, проектирование, разработка планов, средств и пр. (групповая работа);
- рефлексия, контроль, взаимоконтроль и самоконтроль (необходимо подготовить вопросники, карточки самоконтроля, тесты и пр.).

В первом блоке важную роль играют вопросы, на задание которых лучше организовать самих студентов. Далее студентам предлагается разработать какой-нибудь методический материал – систему практико-ориентированных заданий, фрагмент урока с демонстрацией или использованием конкретного метода, подобрать материал для кейса по одной из тем курса физики и т. д. (в зависимости от темы лекции). Второй блок предполагает работу в группах – так удастся получить наилучший результат и каждый внесет свой вклад. Индивидуальная разработка с последующим обсуждением фрагментов уроков также возможны время от времени (для этого дается задание в лекции). Третий блок предназначен для контроля и подведения итогов.

Надо отметить, что в перевернутом обучении в аудиторном занятии предполагается индивидуальная работа на компьютере, что не всегда позволяет материальное обеспечение, но и не для всех дисциплин это строго необходимо.

Подготовка студентов-физиков имеет свои особенности: часто используется реальный или виртуальный эксперимент, можно разрабатывать уроки с исследовательской работой (с приборами), с межпредметными связями, можно разрабатывать и сравнивать уроки с разными приемами, технологиями и т. д. Пройдя через освоение материала с помощью технологии перевернутого обучения, студенты фактически овладевают этой технологией и способны ее реализовывать в школе. Они отмечают, что такая организация деятельности делает учебный процесс более активным и творческим, позволяя каждому внести свой вклад в результаты занятий. Традиционная лекция уместна там, где преподаватель способен увлечь всех студентов, где бурные эмоции, а не сухое информирование.

Подведем итоги. Готовность к внедрению инноваций у учителя нужно развивать, начиная с этапа подготовки в вузе. Формирование у будущих учителей умений использовать методы, технологии, средства обучения предмету более эффективно, если создать обучающую среду с их применением «на самих студентах».

Выполняя ту деятельность, организовывать которую они будут с учащимися, студент лучше ее понимает и запоминает, он видит сильные стороны и слабые места метода или технологии, он видит, чего следует избегать и как правильно реализовывать тот или иной аспект технологии. Собственный опыт бесценен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Н. В. Практика смешанного обучения: история одного эксперимента / Н. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – № 3. – С. 20–28. – DOI: 10.17759/pse.201823030.
2. Деркач, А. А. Акмеология : учебное пособие / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. – СПб. : Питер, 2003. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Грановская, Р. М. Элементы практической психологии / Р. М. Грановская. – М. : Речь, 2010. – 655 с. – Текст : непосредственный.
4. Дьякова, Е. А. Модели занятий в реализации технологии «перевернутого обучения» в профессионально-педагогическом образовании / Е. А. Дьякова. – Текст : непосредственный // Методический поиск: проблемы и решения. – 2020. – № 1. – С. 4–9.
5. Демьянова, О. Ю. Теоретические основы оценки готовности педагогов к инновационной деятельности / О. Ю. Демьянова. – Текст : непосредственный // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 1 (85). – С. 64–74.
6. Зорина, Л. Я. Системность – качество знаний / Л. Я. Зорина. – М. : Знание, 1976. – 64 с. – Текст : непосредственный.
7. Крысанова, О. А. Подготовка будущего учителя физики к инновационной методической деятельности в условиях реформирования образования : дис. ... д-ра пед. наук / О. А. Крысанова. – М., 2013. – 529 с. – Текст : непосредственный.
8. Ломоносова, Н. В. Система смешанного обучения в условиях информатизации высшего образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Ломоносова. – М., 2018. – 28 с. – Текст : непосредственный.
9. Медведева, М. С. Формирование готовности будущих учителей к работе в условиях смешанного обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. С. Медведева. – Н. Новгород, 2015. – 30 с. – Текст : непосредственный.
10. Овчинникова, Е. Н. Технология «перевернутого обучения» в условиях цифровизации образования / Е. Н. Овчинникова, С. Ю. Кротова. – Текст : непосредственный // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2020. – № 1. – С. 118–120.
11. Педагогические технологии дистанционного обучения : учебное пособие для вузов / Е. С. Полат [и др.] ; под ред. Е. С. Полат. – 3-е изд. – М. : Юрайт, 2020. – 392 с. – Текст : непосредственный.
12. Шек, Г. Г. Средовой подход как педагогическая инновация и условия его освоения : дис. ... канд. пед. наук / Г. Г. Шек. – Елец, 2011. – 148 с. – Текст : непосредственный.
13. Bergmann J., Sams A. Flipped learning: gateway to student engagement. Moorabbin, Victoria : Hawker Brownlow, 2015. 169 p.
14. Dziuban C., Graham C., Moskal P., Norberg A., Sicilia N. Blended Learning. The New Normal and Emerging Technologies // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 1–16.
15. Zhong X. L., Song S. Q., Jiao L. Z. Research on Teaching Design Based on "Flipped Classroom" Concept in Information Environment. Open Education Research. – 2013. – № 1. – Pp. 190–264.

REFERENCES

1. Andreeva N. V. Praktika smeshannogo obucheniya: istoriya odnogo e`ksperimenta [The practice of blended learning: the history of one experiment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018, vol. 23, No. 3, pp. 20–28. (In Russian).
2. Derkach A. A., Zazykin V. G. *Akmeologiya: uchebnoe posobie* [Acmeology. A Textbook]. SPb., Piter, 2003. 256 p.
3. Granovskaya R. M. *Elementy prakticheskoy psikhologii* [The Elements of Practical Psychology]. M., Rech, 2010. 655 p.
4. Dyakova E. A. Modeli zanyatiy v realizacii texnologii «perevernutogo obucheniya» v professionalno-pedagogicheskom obrazovanii [Models of classes in the implementation of the technology of "flipped learning" in vocational education]. *Metodicheskij poisk: problemy i resheniya. Regionalnyy nauchno-metodicheskij zhurnal (YuFO) = Methodical search: problems and solutions. Regional Scientific and Methodological Journal (SFD)*, 2020, No. 1, pp. 4–9. (In Russian).
5. Demyanova O. Yu. Teoreticheskie osnovy otsenki gotovnosti pedagogov k innovacionnoy deyatel'nosti [Theoretical foundations for assessing the readiness of teachers for innovative activity]. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Issues of Science and Education*, 2020, No. № 1 (85), pp. 64–74. (In Russian).
6. Zorina L. Ya. *Sistemnost – kachestvo znaniy* [Consistency is the Quality of Knowledge]. M., Znanie, 1976. 64 p.
7. Krysanova O. A. *Podgotovka budushhego uchitelya fiziki k innovacionnoy metodicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh reformirovaniya obrazovaniya* [Preparing a Future Physics Teacher for Innovative Methods Activities in the Context of Education Reform]. Doct. Diss. M., 2013. 529 p.
8. Lomonosova N. V. *Sistema smeshannogo obucheniya v usloviyakh informatizacii vysshego obrazovaniya* [The System of Blended Learning under the Conditions of Informatization of Higher Education]. Diss. Abstract. M., 2018. 28 p.
9. Medvedeva M. S. *Formirovanie gotovnosti budushhikh uchiteley k rabote v usloviyax smeshannogo obucheniya* [The Formation of the Readiness of Future Teachers to Work under Blended Learning]. Diss. Abstract. N. Novgorod, 2015. 30 p.
10. Ovchinnikova E. N., Krotova S. Yu. Tekhnologiya "perevernutogo obucheniya" v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [The technology of "flipped learning" in the context of digitalization of education]. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo = Modern Education: Content, Technology, Quality*, 2020, No. 1, pp. 118–120. (In Russian).
11. *Pedagogicheskie tekhnologii distancionnogo obucheniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Pedagogical Technologies of Distance Learning: A Textbook for Universities]. Ed. by E.S. Polat. M., Yurayt, 2020. 392 p.
12. Shek G. G. *Sredovoy podkhod kak pedagogicheskaya innovatsiya i usloviya ego osvoeniya* [The Environmental Approach as a Pedagogical Innovation and Conditions for Its Development]. Cand. Diss. Elets, 2011. 148 p.
13. Bergmann J., Sams A. *Flipped learning: gateway to student engagement*. Moorabbin, Victoria, Hawker Brownlow, 2015. 169 p.

14. Dziuban C., Graham C., Moskal P., Norberg A., Sicilia N. Blended Learning. The New Normal and Emerging Technologies. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2018, vol. 15, No. 3, pp. 1–16.

15. Zhong X. L., Song S. Q., Jiao L. Z. Research on Teaching Design Based on "Flipped Classroom" Concept in Information Environment. *Open Education Research*, 2013, No. 1, pp. 190–264.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Барсегян, С. В. Особенности процесса формирования у будущих учителей физики готовности к реализации технологии перевернутого обучения / С. В. Барсегян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 9–17.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Barseghyan S. V. Features of the Process of Formation of Future Physics Teachers' Readiness to Implement the Technology of Flipped Learning / S. V. Barseghyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 9–17. (In Russian).

УДК 37.035.6

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА
В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
ГРИГОРОПОЛИССКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ТЕХНИКУМА ИМЕНИ АТАМАНА М.И. ПЛАТОВА**

И.В. Концевич

**SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF COSSACKS CULTURE
IN THE PEDAGOGICAL PRACTICE
OF GRIGOROPOLISSKIY AGRICULTURAL
COLLEGE NAMED AFTER ATAMAN M.I. PLATOV**

I.V. Kontsevich

Аннотация. Статья посвящена духовно-нравственному воспитанию подрастающих поколений и возрождению культуры казачества в условиях среднего профессионального учебного заведения. Одним из важнейших инструментов формирования мировоззрения является патриотическое, духовно-нравственное воспитание, которое в современных условиях жесткого противостояния с ценностями западной культуры, является актуальным направлением воспитания молодежи. В статье обобщается опытно-экспериментальная работа по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию подростков в среднем профессиональном образовательном учреждении «Григорополиссский сельскохозяйственный техникум имени атамана М.И. Платова». Проведенные автором исследования, связанные с активным освоением воспитательного потенциала культуры казачества в образовательном пространстве техникума, будут способствовать развитию личности человека культуры, гражданина, патриота России.

Abstract. The article is devoted to the spiritual and moral education of the younger generations and the revival of the culture of the Cossacks in a secondary vocational educational institution. One of the most important tools for the formation of a worldview includes patriotic, spiritual and moral education, which is relevant under tough confrontation with the values of Western culture. The article summarizes experimental work on spiritual, moral and patriotic education of adolescents in the secondary vocational educational institution "Grigoropolisskiy Agricultural College Named after Ataman M.I. Platov". The research conducted by the author and related to the active development of the educational potential of the Cossacks culture in the educational space of a technical school will contribute to the development of a person of culture, a citizen, a patriot of Russia.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, патриотическое воспитание, казачий этнокультурный компонент, культурологический подход, человек российской культуры.

Keywords: spiritual and moral education, patriotic education, Cossack ethno-cultural component, cultural approach, a man of Russian culture.

В настоящее время одной из актуальных проблем организации педагогического процесса в среднем профессиональном образовании, является формирование духовно-нравственной культуры подрастающего поколения.

Развитие общества в последние десятилетия свидетельствует, что без воспитания патриотизма невозможно, по словам Президента В.В. Путина, восстановить «сильную независимую Россию», привить молодежи культурные и духовно-нравственные ценности [6, с. 45]. Духовно-нравственное, патриотическое воспитание становится одной из национальных идей новой России, средством консолидации общества и социально-экономического возрождения. В этой связи обращает на себя внимание опубликованный в декабре 2021 года Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7]. Природа данного указа вытекает из положений «Стратегии национальной безопасности», которая описывает мировоззренческое состояние общества на данный момент и обозначает те проблемы, которые предстоит решить обществу и государству, определяя государственную политику по защите традиционных ценностей в противостоянии деструктивной идеологии Запада. Среди таковых ценностей российской цивилизации в ее историко-культурной ретроспективе в Указе выступают: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за судьбу Отечества, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным и пр. [7].

В проекте Указа подчеркивается, что для укрепления и развития аксиологических основ российской цивилизации государство должно проводить системную и последовательную политику в сфере традиционных ценностей, «выработанных в ходе тысячелетней истории России», проводить исследования, направленные на поиск историко-культурных феноменов, веками работавших на единение российского общества.

В условиях Юга России одним из таковых является воспитательный потенциал культуры казачества, который на практике проявляется сегодня в современном феномене педагогики казачества – социокультурной концепции воспитания, основанной на традициях и инновациях культуры казачества Юга России. Базовой основой данной концепции в историко-культурной ретроспективе выступает система казачьего воспитания, являющаяся выразителем воспитательного потенциала казачьей культуры, основой которого являются социально-значимые ценности казачьей культуры [5].

Основными идеями педагогики казачества выступают: воспитание подрастающих поколений на идеалах и ценностях казачьей культуры, многовековой российской традиции народовластия; становление личности свободного (вольного) человека, укорененного в свою малую родину, культуру и историю России; воспитание молодежи в духе патриотизма, российскости, державности; становление в сознании молодежи психологической готовности к «служению Отечеству не за страх, а за совесть» [5]. Как видим, социально значимые ценности педагогики казачества полностью соответствуют основным направлениям Проекта Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» и положений «Стратегии национальной безопасности» Российской Федерации.

Педагогическими коллективами образовательных учреждений Юга России в современных условиях создаются эффективные и востребованные модели воспитания человека российской культуры – преемника и продолжателя российской цивилизации на основе воспитательного потенциала казачьей культуры. Общеобразовательные и профессиональные образовательные учреждения становятся основным государственным институтом, обеспечивающим целенаправленную систематическую деятельность по воспитанию личности, в условиях практического интегрирования неоднородных субъектов воспитания [4]. Духовно-нравственные ценности в мировоззрении подростков, формируются из структурных компонентов казачьей культуры на принципах преемственности, системности и непрерывности педагогического процесса.

Идеи по возрождению казачества связаны с общей направленностью государственной политики, направленной на системное восстановление духовно-нравственного воспитания, которое было заметно ослаблено в последние десятилетия педагогического реформаторства в России. Именно казачество Юга России является стержневым оплотом, хранящим традиционные ценности, усвоенные от предков. Во всех литературных источниках казачество ассоциируется с православием, которое стало духовной основой культурного рождения и становления казачества. Казаки имеют не только богатый опыт военно-патриотического служения, но и хранят казачьи традиции, которые передают своим детям, что способствует взаимодействию между учебным заведением и семьей в процессе воспитания подростков. Поэтому в образовании, особенно в казачьем учебном заведении, крайне важно выделить традиционную культурную основу духовно-нравственного мировоззрения казачества.

Традиционная культура, сформированная из компонентов православных ценностей, может стать воспитательной основой, способствующей вхождению в социум человека новой культурной формации знающего и уважающего тысячелетнюю историю своего Отечества, живущего не под страхом государственного закона, а по закону совести и справедливости [4].

Достижение поставленных целей духовно-нравственного, патриотического воспитания является стратегическим приоритетом государства в сфере образования, в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования», которая предусматривает необходимость внедрения системных мер по сохранению и развитию у молодого поколения этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в воспитании молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных, культурно-исторических ценностей [2, с. 96]. Необходимо учитывать, что педагогический подход в воспитании духовно-нравственных, патриотических качеств должен быть индивидуальным, тесно связанным с внутренним миром человека и его личными переживаниями [1].

В образовательном пространстве «Григорополисского сельскохозяйственного техникума имени атамана М.И. Платова» воспитание духовно-нравственных качеств человека российской культуры на основе воспитательного потенциала культуры российского казачества осуществляется уже более десяти лет. За этот период накоплен определенный педагогический опыт в духовно-нравственном, патриотическом воспитании подрастающих поколений, который целесообразно систематизировать на основе воспитательного пространства педагогики казачества. Процесс формирования казачьего компонента в образовательном пространстве «Григорополисского сельскохозяйственного техникума имени атамана М.И. Платова» выстраивается на основе следующих ценностей:

- экзистенциальные ценности (человек и его жизнь, свобода, достоинство, гуманизм);
- семейные ценности (семья и ее традиции, дом, родители, преемственность поколений);
- нравственные ценности (любовь, добро, совесть, долг, милосердие, взаимопомощь);
- познавательные ценности (истина, знание, мудрость, историческая память);
- национальные ценности (Родина, родной язык, национальная история, национальная культура, единство народов России);
- государственные ценности (служение Отечеству, гражданственность, патриотизм, ответственность за судьбу Отечества);
- профессиональные ценности (профессия, ответственность, созидательный труд).

На основании урочной и внеурочной деятельности в Григорополисском сельскохозяйственном техникуме имени атамана М.И. Платова разработана программа духовно-нравственного, патриотического воспитания «Образовательная программа дополнительного образования военно-спортивного казачьего клуба «ВОЗРОЖДЕНИЕ». Она направлена на поэтапное освоение подростками культурно-исторического, духовно-нравственного наследия казачества, своей малой Родины, военно-прикладных знаний с использованием воинских традиций кубанского и терского казачества. Программа разработана на основе культурно-педагогического опыта прошлого с учетом современных реалий. Раздел военно-патриотического воспитания в ней представлен культурными, духовно-нравственными ценностями, способствующими формированию патриотических качеств в подростковой среде, и основан на следующих принципах:

- системно-деятельностного подхода (координированная целенаправленная деятельность объединений военно-патриотического направления и казачьих обществ);
- активности (инициатива в формировании мировоззрения подростков, потребности служения Отечеству);

- адресного подхода (формирование патриотических качеств личности, использование индивидуальных форм и методов духовно-нравственного, патриотического воспитания);

- универсальности воспитания (целостный и комплексный подходы к воспитанию, использование опыта прошлых поколений, исторических казачьих традиций, чувства гордости за своих предков, воссоздание бытовой культуры и внутрисемейных отношений);

- учета региональных условий в воспитании духовно-нравственных, патриотических ценностей (знание семейной родословной своих предков, любовь к родному краю, месту проживания).

Казачество всегда было связано с православием, можно сказать, что православие является родовым признаком казачества, без которого оно теряет свою сущность [5]. Духовно-нравственное воспитание в техникуме осуществляется в синергии урочного обучения и внеурочной деятельности, межпредметной деятельности, а также на дополнительных занятиях по истории православной культуры, в которой акцентируется, прежде всего, гносеологический, духовно-нравственный религиозный аспект. Занятия еженедельно проводит настоятель местного храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиерей Петр Лугин. В процессе общения, полученные знания о таинствах, обрядах и богослужении Православной Церкви идентифицируются с казачьей культурой. Такой подход способствует самостоятельному выбору студентами нравственных ценностей, приобщению их к культуре и традициям своего народа [3].

В качестве основного методологического подхода протоиереем Петром Лугиным выбран культурологический подход, способствующий формированию представлений о православной культуре, являющейся частью жизненного уклада, обычаев и традиций казачества. Данный подход к воспитательному процессу отличается открытостью, так как, таким же образом, осуществляется связь с казачьими обществами, учреждениями культуры и спорта, военным комиссариатом, воинскими частями, общеобразовательными школами, средствами массовой информации, общественными организациями и объединениями.

Организация внеурочной деятельности осуществляется в Григорополисском сельскохозяйственном техникуме имени атамана М.И. Платова с учетом регионального своеобразия, традиций и культуры казачества Юга России. Результат усвоения студентами духовно-нравственных ценностей достигается в сотрудничестве учебного заведения, семьи и общественных организаций. В своей повседневной воспитательной деятельности Григорополисский сельскохозяйственный техникум имени атамана М.И. Платова постоянно взаимодействует со станичным казачьим обществом Нижне-Кубанского казачьего отдела СОКО ТКВ, государственным учреждением «Казачий центр», казаками-старейшинами и казачьей общественностью.

Для воссоздания культурного быта казаков создана и оформлена комната истории боевой славы и традиций Терского казачьего войска, подобран

материал о жизни и деятельности атамана М.И. Платова, чье имя носит техникум. Приобщение студентов к поисковой работе, это еще одно направление, благодаря которому постоянно пополняются экспозиции музеев и музейных комнат образовательных организаций. Регулярно проводятся соревнования по казачьим видам спорта с выходом на природу, организуются турниры по самообороне и рукопашному бою, общепризнанные в районе, а теперь уже и в Ставропольском крае, которыми руководит кошевой атаман Нижне-Кубанского казачьего отдела войсковой старшина И.С. Жиров. Особенно нравятся студентам еженедельные праздники казачьей кухни в столовой техникума.

Ежегодно ГБПОУ ГСХТ имени атамана М.И. Платова собирает молодежь Ставропольского края на проведение краевого фестиваля православной молодежи «Сретенская свеча», в котором принимают участие представители общеобразовательных школ Новоалександровского района, творческие коллективы Железноводского художественно-строительного техникума, Михайловского многопрофильного техникума имени генерала С.С. Николаева и многие другие.

Неоценимую помощь в актуализации казачьего песенного творчества среди студентов оказывает народный ансамбль казачьей песни «Станичники». Творчество этого народного ансамбля известно не только на Ставрополье, но и по всей России. Совместно с народным ансамблем казачьей песни регулярно проводится творческий конкурс «Казачье подворье», где студенты и гости в традиционной казачьей одежде методом социокультурной анимации воссоздают духовные, семейные и воинские традиции российского казачества.

В системе дополнительного образования создана и функционирует школа выживания казака в экстремальных полевых условиях. Казачата этой школы успешно выступили на соревнованиях на традиционных казачьих играх «Казачьему роду нет переводу» в г. Новопавловске Кировского района, а руководит школой отставной кадровый военный, начальник штаба станичного казачьего общества есаул А.В. Иванов. Молодые люди получают в игровой форме, в живом общении, не только эмоциональный заряд, но и раскрывают свои индивидуальные творческие способности, культурно образуются без назидания, в живом общении со сверстниками и старшими товарищами. Личность формируется постепенно и одним из важнейших инструментов формирования культурного мировоззрения является духовно-нравственное, патриотическое воспитание.

В рамках одной статьи невозможно описать всю деятельность по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию студентов нашего техникума. Подводя итог работы, сформулируем выводы и рекомендации по эффективности духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений на основе воспитательного потенциала казачьей культуры.

Для полноценного духовно-нравственного воспитания требуется систематизация воспитательного процесса, основанного на традициях российского казачества. Необходимо активизировать смысловые и экзистенциальные

компоненты, которые определяют специфику развития в процессе духовно-нравственного становления личности. Таким образом, духовно-нравственное и патриотическое воспитание, основанное на традициях российского казачества, станет в большей мере мотивировать подростков не просто усваивать быт своих предков, но и воспроизводить лучшие духовно-нравственные качества казачьей культуры в собственной жизни.

Необходимо систематизировать взаимодействие с общественными организациями и объединениями, учреждениями культуры и казачьими обществами. Повышать уровень использования новых информационных технологий и современных педагогических подходов к духовно-нравственному воспитанию, создавать условия для поддержки игровых и медиапрограмм, способствующих патриотическому воспитанию студентов. Продолжить изучение и внедрение опыта других образовательных организаций в практику военно-патриотического, духовно-нравственного воспитания молодежи: проведения творческих конкурсов, спортивных состязаний, фестивалей этнокультурной направленности. Все эти меры педагогического стимулирования будут способствовать тому, что духовно-нравственное, патриотическое воспитание молодежи на основе воспитательного потенциала казачьей культуры будут выступать как основа моделирования будущего воспитательного пространства российского образования через развитие личности человека культуры, гражданина, патриота России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаревская, Е. В. Воспитание как встреча с личностью : избранные педагогические труды : в 2 т. Т. 2 / Е. В. Бондаревская. – Ростов н/Д., 2006. – 504 с. – Текст : непосредственный.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» с изменениями 24 декабря 2021 года. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183093?marker=656010>.
3. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете православной антропологии / В. В. Зеньковский. – Клин : Христианская жизнь, 2002. – Текст : непосредственный.
4. Корольков, А. А. Педагогическая антропология в зеркале философии / А. А. Корольков, К. В. Преображенская, И. Б. Романенко – СПб. : Алетей, 2017. – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Лукаш, С. Н. Казачество Юга России: от традиции к инновациям : монография / С. Н. Лукаш. – Майкоп : Полиграф-Юг, 2012. – 480 с. – Текст : непосредственный.
6. Путин заявил о восстановлении сильной независимой России. – Текст : электронный // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20171219/1511256147.html>.
7. Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: https://zavtra.ru/events/teatral_naya_tusovka_protiv_osnov_gospolitiki_po_sohraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnih_tcennostej. – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Bondarevskaya E. V. *Vospitanie kak vstrecha s lichnostyu* [Vospitaniye kak vstrecha s lichnostyu]. *Izbrannie pedagogicheskie trudi v dvukh tomah = Selected Pedagogical Works in 2 vol.*, Rostov-on-Don, 2006, vol. 2, 504 p.
2. *Gosudarstvennaya programma Rossijskoy Federatsii "Razvitie obrazovaniya" s izmeneniyami 24 dekabrya 2021 goda* [The State Program of the Russian Federation "Development of Education" As Amended on December 24, 2021]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/556183093?marker=6560IO>. (In Russian).
3. Zenkovskiy V. V. *Problemy vospitaniya v svete pravoslavnoy antropologii* [The Problems of Education in the Light of Orthodox Anthropology]. Klin, Hristianskaya Zhizn Fund, 2002.
4. Korolkov A. A., Preobrazhenskaya K. V., Romanenko I. B. *Pedagogicheskaya antropologiya v zerkale filosofii* [Pedagogical Anthropology in the Mirror of Philosophy]. SPb., Ataleya, 2017. 176 p.
5. Lukash S. N. *Kazachestvo Yuga Rossii: ot traditsii k innovatsiyam* [Cossacks of the South of Russia: from Tradition to Innovation]. Monograph. Maykop, Poligraf-Yug, 2012. 480 p.
6. *Putin zayavil o vosstanovlenii silnoy nezavisimoy Rossii* [Putin announced the restoration of a strong independent Russia]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20171219/1511256147.html> (In Russian).
7. *Proekt ukaza Prezidenta RF "Ob utverjdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu traditsionnih rossiiskikh duhovno-nravstvennykh tsennostey"* [Draft Decree of the President of the Russian Federation "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. Available at: https://zavtra.ru/events/teatral_naya_tusovka_protiv_osnov_gospolitiki_po_sohraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnih_tcennostej. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Концевич, И. В. Духовно-нравственные основы культуры казачества в педагогической практике Григорополисского сельскохозяйственного техникума имени атамана М.И. Платова / И. В. Концевич. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 18–25.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kontsevich I. V. Spiritual and Moral Basis of Cossacks Culture in the Pedagogical Practice of Grigoropolissskiy Agricultural College Named After Ataman M.I. Platov / I. V. Kontsevich // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 18–25. (In Russian).

УДК 37.013

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

Л.В. Лидак, Т.А. Тимошенко

**THE AXIOLOGICAL APPROACH
TO THE STUDY OF VALUE ORIENTATIONS OF ADOLESCENTS
IN THE MODERN SOCIAL SITUATION**

L.V. Lidak, T.A. Timoshenko

Аннотация. В статье раскрываются особенности социальной ситуации, сложившиеся в стране и мире в последние два года. Характеризуется специфика осознания базовых общечеловеческих ценностей – ценностей сохранения здоровья, взаимопомощи, личностной поддержки, нравственного взаимодействия между людьми. Осуществляется теоретический анализ ценностных ориентаций подростков и ценностно-ориентационного единства в детских коллективах. Использована методология педагогической антропологии, определены возможные методы исследования ценностных ориентаций подростков. Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы исследования ценностных ориентаций подростков позволил рассмотреть ценности как важный социально-педагогический феномен, который требует конкретного исследования, отражающего особенности современной социальной ситуации в сознании и поведении подростков. Сделан ряд выводов и намечены пути дальнейших исследований особенностей ценностных ориентаций подростков. Показано, что опора на терминальные ценности, отраженные в сознании и поведении подростков, раскрывает перспективы жизненных смыслов и ценностей общественного признания личности; инструментальные ценности определяют совершенствование нравственных характеристик, которые являются детерминантами повседневной жизни, совместной деятельности и межличностных отношений в детских коллективах. Предполагается представить в следующих публикациях авторов содержательную характеристику терминальных и инструментальных ценностей современных подростков и педагогические условия их формирования в современной социальной ситуации.

Abstract. The article reveals the features of the social situation that have developed in the country and the world over the past two years. It characterizes the specificity of understanding the basic universal values – the values of maintaining health, mutual assistance, personal support, moral interaction between people. A theoretical analysis of the value orientations of adolescents and value-oriented unity in children's groups is carried out. The methodology of pedagogical anthropology is used, and possible methods for studying the value orientations of adolescents are identified. The choice of the axiological approach as the methodological basis for studying the value orientations of adolescents made it possible to consider values as an important socio-pedagogical phenomenon that requires specific research that reflects the features of the current social situation in the minds and behavior of adolescents. A number of conclusions have been made and ways for further research on the characteristics of adolescents' value orientations have been outlined. It is shown that reliance on terminal values reflected in the consciousness

and behavior of adolescents reveals the prospects for life meanings and values of social recognition of the individual; instrumental values determine the improvement of moral characteristics, which are the determinants of everyday life, joint activities and interpersonal relationships in children's groups. It is planned to present in the following publications of the authors a meaningful description of the terminal and instrumental values of modern adolescents and the pedagogical conditions for their formation in the current social situation.

Ключевые слова: ценности, ценностно-ориентационное единство, аксиология, культурно-историческая теория, подростки, социальная ситуация, терминальные ценности, инструментальные ценности, методы исследования.

Keywords: values, value-oriented unity, axiology, cultural-historical theory, adolescents, social situation, terminal values, instrumental values, research methods.

Социальная ситуация, возникшая в период 2020–2022 годов XXI века, оказалась крайне тревожной для всего мирового сообщества в целом, и для России в частности. Это связано с тем, что все страны были охвачены массовым заболеванием – пандемией коронавируса. Вынужденная самоизоляция, экономическая неопределенность, страхи перед возможным заболеванием, сама болезнь и трудности восстановления после перенесенного заболевания – вот те факторы, которые оказались доминирующими в обществе, в семье и в жизнедеятельности каждого человека. Сложившаяся ситуация, способствовала изменению ценностных ориентаций и массового сознания населения. Произошло осознание того, что главной ценностью является ценность здоровья и человеческой жизни. В обществе стало формироваться заботливое отношение к каждому человеку, тревога о здоровье больных, милосердие и сострадание к семьям, потерявшим родственников, уважение к медицинским работникам и волонтерам, оказывающим безвозмездную помощь нуждающимся. Таким образом, весь мир был справедливо обеспокоен ростом заболеваемости, а правительственные и общественные организации – поиском эффективных путей осуществления действенной помощи тем, кому она была необходима.

В связи с возникшей эпидемиологической катастрофой Правительством Российской Федерации был выдвинут комплекс важнейших задач перед учебными, медицинскими работниками, центрами социальной защиты, образовательными учреждениями по поддержке и сохранению жизни и здоровья каждого гражданина, по оказанию помощи слабым и немощным, по разработке противовирусных мер для формирования коллективного иммунитета. Для решения данных задач были организованы мобилизационные мероприятия, обеспечившие консолидацию усилий специалистов разного профиля. Были созданы условия для самоизоляции граждан и дистанционного взаимодействия при решении медицинских, социальных и образовательных задач.

Особые требования Правительство предъявляло образовательным учреждениям и организациям, осуществляющим воспитательную работу с подрастающим поколением. Краткая оценка работы образовательных учреждений

в сложившейся социальной ситуации позволяет констатировать, что педагоги успешно справились с поставленными задачами. Во всех учреждениях массово предпринимались антивирусные меры: помещения были оснащены дополнительным медико-профилактическим оборудованием и средствами оперативной гигиены. В связи с тем, что в период карантина образовательные учреждения всех уровней достаточно быстро перешли в режим дистанционного обучения, учебно-воспитательный процесс не прерывался. Для учащихся были предложены различные образовательные платформы, которые оперативно наполнялись содержательным контентом, а для педагогов были организованы курсы повышения квалификации по овладению технологиями дистанционного образования.

Не оставались в стороне от беды и происходящих событий молодые люди. В стране развернулось массовое молодежное движение «Мы – вместе». Юноши и девушки проявляли инициативу, направленную на участие в добровольческом движении по оказанию помощи пенсионерам, семьям с детьми и гражданами, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Отряды волонтеров состояли из молодых граждан, которые проявляли активную помощь населению и собственную гражданскую позицию. Оценки журналистов, наблюдения родителей и педагогов позволяют констатировать, что этот сложный период также не оставил равнодушными к общей беде не только юношество, но и подростков.

До настоящего времени остаются мало изученными проблемы влияния социальных вызовов на динамику ценностей и изменение ценностных ориентаций у подростков. Остаются открытыми вопросы о том, как изменилась сфера ценностных ориентаций подростков в связи с пандемией, ставшей основной угрозой для человечества в 20-е годы XXI века. Представляет интерес вопрос о том, какие проявления общей беды получили наибольшее осознание у подростков, какие переживания и проблемы их тревожили, какие мероприятия они предлагали предпринять для преодоления возникших проблем? Перед нами возникла задача – осуществить объективную оценку социальных переживаний и приобретенных ценностей подростков, проживающих в современной социальной ситуации, возникших в последние два года в связи с массовыми заболеваниями. Это позволит осуществить рефлексивное осознание тех гуманистических достижений, которые сформировались в этот сложный период не только в коллективном сознании граждан Российской Федерации, но и в сознании каждого отдельного подростка. Оценка ценностных ориентаций подростков, переживших период пандемии, позволит обогатить современную психолого-педагогическую науку и практику новыми педагогическими идеями совершенствования воспитательного процесса и выхода из проблемных ситуаций. Вместе с тем такой вектор исследований обеспечит формирование стрессоустойчивости подростков, проживающих конкретный исторический период, будет способствовать воспитанию в детских коллективах взаимопомощи, гуманизма, отношений общей заботы, сострадания, сочувствия, синтонности между сверстниками.

Необходимость научного осознания тех социально-нравственных ценностей, которые позволят противостоять возникшим угрозам, а также обеспечат создание новых воспитательных механизмов, объединяющих усилия людей разных поколений, позволит направить исследовательский поиск на совершенствование ценностно-ориентационного единства в детских коллективах.

Категория ценностных ориентаций широко обсуждается в педагогике, психологии, культурологии, социологии, философии. В отечественной науке проблема ценностей и ценностных ориентаций стала широко обсуждаться во второй половине XX века, в связи с возрастающим интересом к проблемам личности и общечеловеческим проблемам социального бытия.

Об этом свидетельствуют исследования отечественных и зарубежных философов Н.А. Бердяева [1], М. Вебера [2], Э. Дюркгейма [3], А.Г. Здравомыслова [4], М.К. Мамардашвили [5], В.П. Тугаринова [6], Г.П. Щедровицкого [7], В.А. Ядова [8] и др.

Раскрывая методологические проблемы развития личности, авторы ориентируются на ее структуру и строение, выявляют место ценностных ориентаций в динамике жизненного пути человека и его личностного роста. Так, А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов отмечали, что ценностные ориентации складываются из установок личности на освоение тех или иных ценностей материальной или духовной культуры. В результате формирования ценностных ориентаций у человека складывается ось сознания, вокруг которой вращаются его помыслы и чувства.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций является одной из самых дискуссионных в психолого-педагогической науке. Словарно-справочная литература свидетельствует о том, что понятие ценностей чаще используется в философии и социологии для обозначения объективных общественно значимых идеалов [9, с. 442]. В системе психолого-педагогического знания речь идет о субъективных идеалах и ценностях личности.

В системе гуманитарного знания сложилась традиция относить ценности к объектам культуры, а ценностные ориентации – к детерминантам развития личности. В.В. Давыдов, Т.В. Драгунова, Л.Б. Ительсон, А.В. Петровский и др. подчеркивали, что ценностные ориентации представляют собой «стержневую особенность личности, ее структурный центр», определяющий направление и содержание социальной активности личности, «систему новых стремлений, переживаний и аффективных реакций» [10, с. 109]. Ценностные ориентации определяют особенности мотивационных установок, потребностей и интересов человека, влияют на его избирательное отношение к объектам материальной и духовной культуры, способствуют формированию предпочтений в выборе видов деятельности, партнеров по общению и взаимодействию.

Диалектический подход к научному осознанию ценностей и ценностных ориентаций послужил основанием для исследования динамики ценностных ориентаций в онтогенезе. К проблемам совершенствования ценностных ориентаций у подрастающего поколения исследователи обращаются постоянно.

Примером классического подхода к формированию ценностно-ориентационного единства в детских коллективах явился опыт А.С. Макаренко, сложившийся в первой четверти XX века [11]. В его практическом опыте суть формирования ценностных ориентаций воспитанников детской колонии для беспризорников была основана на значимости совместной общественно полезной деятельности, на традициях коллективных отношений, основанных на принципах взаимного уважения, перспективных целей, постоянного развития, товарищеского соподчинения и требовательности к каждому члену коллектива. Ценности коллективных связей и отношений обеспечивали развитие сотрудничества юношей и девушек со взрослыми и сверстниками в различных видах деятельности, создавали атмосферу ценностно-ориентационного единства в детском воспитательном коллективе, совершенствовали богатство личностной культуры каждого представителя коллективного сообщества.

В 60–70-х годах XX века к изучению вопросов формирования ценностных ориентаций обратились сотрудники проблемной лаборатории Л.И. Божович [12]. Они осуществили глубокое исследование проблем развития личности и динамики ценностных ориентаций в онтогенезе подростков. В работах отечественных и зарубежных исследователей И.П. Иванова [13], Т.Е. Конниковой [14], Е.В. Титовой [15], Ф. Райса [16], Д. Шаффера [17] и др. были исследованы особенности воспитания ответственного поведения, условий формирования общей заботы субъектов взаимодействия, гуманизма и ценностно-ориентационного единства в детских коллективах.

Несколько позже, на рубеже XX–XXI веков, в творческих разработках научного коллектива под руководством Л.А. Регуш было представлено обоснование психологических проблем российских подростков [18, с. 143]. Учеными было выявлено, что проблемные озабоченности подростков связаны с отсутствием ценностно-ориентационного единства со сверстниками, рассогласованием с друзьями и взрослыми в оценках общественных отношений, в возникновении противоречий по поводу правил общежития и развития общества, в ситуациях проявлений безнравственности между людьми, демонстрации равнодушия и безразличия по отношению друг к другу, проявлений потребительского отношения человека к экологическим проблемам; в несоблюдении его прав и свобод, в демонстрации национализма и отсутствии чувства защищенности личности в обществе.

На рубеже XX–XXI веков появились методологические разработки, уточняющие аксиологические основания для оценок ценностных ориентаций и исследования значимости накопления ценностей в культурно-историческом пространстве. Методология аксиологического поиска была направлена на определение принципов и категорий формирования ценностных ориентаций личности.

В категориальном аппарате современной педагогической аксиологии расширены представления о структуре ценностей обучающихся и содержательных характеристиках их компонентов. Понятие «ценность» раскрывает

характеристику личности как субъекта ценностных отношений, а также отражает комплекс категорий, включающих такие аксиологические понятия, как «оценка», «потребности человека», «мотивация достижений», «ценностные ориентации личности», «ценностно-ориентационное единство групп и коллективов» и др.

В.А. Сластенин и Е.Н. Шиянов – одни из первых обратились к педагогической аксиологии в контексте изучения гуманистических проблем современного образования. Педагогическая аксиология не только получила дальнейшее обоснование и развитие в их трудах, но и выступила в качестве теоретического основания для исследования особенностей ценностных ориентаций личности [19]. Авторами отмечено, что, несмотря на широкое использование категорий «ценность» и «ценностные ориентации» личности, они имеют не только личный, но и общественно значимый смысл. При этом, в связи с постоянными изменениями, происходящими в социальной ситуации развития общественных отношений, они требуют уточнения и конкретизации, т. к. под их влиянием происходит изменение жизнедеятельности самого человека.

Диалектика ценностей состоит в преемственности их существования, как в мире, так и в сознании отдельного человека. Благодаря накоплению культурно-исторического опыта осуществляется появление общественно значимых событий и явлений, новых социальных достижений, обеспечивающих динамику социального прогресса. У человека, живущего в конкретной социальной ситуации, происходит формирование внутренних структур психики, которые, благодаря процессу интериоризации, способствуют присвоению им общественно значимых ценностей, входящих в копилку культурно-исторического опыта всего человечества.

В свою очередь, трансформация ценностных ориентаций каждой личности, каждого отдельного субъекта в систему социальных отношений, способствует обогащению и накоплению культурно-исторического опыта всего человечества, совершенствованию нравственного развития общества, социального прогресса в системе общественного взаимодействия. Эта мысль находит подтверждение в исследованиях Л.С. Выготского [20; 21], А.Н. Леонтьева [22] и др., посвященных методологическим проблемам развития психики. Характеризуя динамику и структуру развития личности подростка, Л.С. Выготский сформулировал два основных закона культурно-исторической теории развития высших психических функций, являющихся «основным ядром слагающейся личности».

Раскрывая первый закон культурно-исторической теории развития высших психических функций, Л.С. Выготский дает обоснование перехода «от непосредственных, природных, естественных форм и способов поведения к опосредованным, искусственным, возникшим в процессе культурного развития психическим функциям» человека. Автор отмечал, что культурное развитие поведения человека и освоение им ценностных ориентаций находится в преемственной связи с социально историческим развитием всего человечества. В работе «История развития высших психических функций»

Л.С. Выготский писал: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва в социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли».

Согласно второму закону культурно-исторической теории Л.С. Выготского «отношения между высшими психическими функциями было некогда реальным отношением между людьми; коллективные, социальные формы поведения в процессе развития становятся способами индивидуального приспособления, формами поведения и мышления». Для исследования сущностных характеристик формирования ценностных ориентаций подростков важен вывод Л.С. Выготского о том, что культурное развитие человека, способствующее освоению нравственных ценностей, формируется в двух планах: сначала в социальном плане, «интрапсихическом» в форме коллективного сотрудничества между людьми, а затем, в форме индивидуального бытия человека – в «интерпсихическом».

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского созвучна теории развития психики в системе человеческой деятельности А.Н. Леонтьева. Он отмечал, что в совершенствовании ценностных ориентаций субъекта огромную роль выполняют два ряда значений: «объективные значения» и «личностные смыслы».

Объективные значения ценностных ориентаций являются отражением действительности, выработанным человечеством и зафиксированным в форме знаний, умений, понятий, компетенций, способов деятельности, обобщенных образов действий и норм поведения. Объективные значения отражают действительность независимо от личностного отношения человека к ней. А.Н. Леонтьев констатировал, что человек попадает в мир культуры сразу после рождения. Он находится в готовой, исторически сложившейся системе общечеловеческих ценностей. Благодаря природной активности, познавательному интересу, социальной среде, воспитанию и образованию ребенок овладевает объективными значениями ценностей, созданных человечеством. Знакомство взрослого человека с базовыми ценностями способствует формированию собственных ценностных ориентаций личности в онтогенезе, обеспечивающих развитие личностной культуры и нравственной сферы субъекта. Таким образом, согласно теории А.Н. Леонтьева, значение представляет собой объективный элемент ценностей, существующих в культуре, а ценностные ориентации, представляют собой смыслы жизнедеятельности человека, выраженные в субъективном отношении человека к объективным ценностям и в принятии их.

Согласно гуманистической концепции Е.Н. Шиянова, ценностные ориентации представляет собой набор тех качеств, которые люди ценят и реализуют в практической деятельности. Такое понимание позволило автору разделить ценности на два класса: класс объективных ценностей, существующих независимо от человека, и класс субъектных, т. е. личностных ценностей [23, с. 164].

Класс объективных ценностей составляют природные, предметные и социокультурные явления. Класс субъективных ценностей складывается из этических норм и социальных стандартов, определяющих особенности деятельности, поведения, оценок, идеалов, принципов, нравственных установок конкретной личности. Если объективные ценности во многом изменчивы, динамичны и зависят от изменений в природных явлениях, от динамических процессов в научно-технической сфере, в социальной ситуации общественных отношений, то субъективные ценности стабильны, более устойчивы и проверены мировой историей существования человечества.

Методология аксиологического подхода к обоснованию ценностных ориентаций личности свидетельствует о том, что главные ценности, объединяющие народы и наполняющие жизнь каждого человека конкретными смыслами, одинаковы для всего человечества – любовь, труд, забота, доброта, здоровье, образование, гуманизм, мир на земле. Аксиологический подход получил широкое распространение в исследованиях современной воспитательно-образовательной практики. Он способствует конкретизации содержания целостного педагогического процесса и определяет задачи по формированию социально-нравственных качеств личности в условиях образовательной среды.

В центре педагогической аксиологии находится концепция взаимодействия человека и мира, обоснование ценности человеческой жизни, значимости и непрерывности процессов воспитания, обучения и образования человека на всех этапах его возрастного развития.

Стремление обосновать ценность непрерывного образования и развития личности в социальной ситуации современного Российского государства, позволит обеспечить формирование гуманистических отношений между людьми, будет способствовать совершенствованию чувства долга, гражданской позиции, общественной активности личности. Педагогическая аксиология, как методология формирования ценностных ориентаций личности, определяет ценностную и мировоззренческую систему в государстве, является основой культурного бытия общества и человека.

В исследованиях А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Левады [24], В.А. Ядова [25] и др. представлено понятие социального времени, отражающего исторический контекст бытия человека и человечества. Обращенность ученых к социальному времени влияет на систему ценностных ориентации, связанных с настоящим и будущим как общества, так и конкретной личности.

Основой ориентации личности в социальном пространстве выступает комплекс социально-нравственных ценностей, который находится в основе системы гуманистических отношений между людьми. Все это делает ценностные ориентации одной из главных, «глобальных» характеристик личности, а их развитие, соответственно, одной из основных задач гуманистической педагогики и одним из путей гуманизации общественной жизни.

Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы исследования ценностных ориентаций подростка позволяет рассмотреть

ценности как важный социально-педагогический феномен, который требует конкретного исследования, отражающего особенности современной социальной ситуации в сознании и поведении подростков. Одним из наиболее эффективных методов изучения суждений подростков признано анкетирование.

Для изучения суждений подростков о значимости тех ценностей, которые для них особенно важны в сложившейся социальной ситуации, была разработана и апробирована анкета «Ценностные ориентации современных подростков». Основанием для разработки авторской анкеты послужила адаптированная методика М. Рокича «Ценностные ориентации» [26, с. 524].

Известно, что методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича основана на ранжировании испытуемыми представленного списка ценностей, предварительно разделенных автором на два класса: класс терминальных и класс инструментальных ценностей.

К числу терминальных ценностей личности М. Рокич и его последователи отнесли комплекс установок, направленных на осознание личностью того факта, что поставленные ею дальние цели и дальние перспективы жизнедеятельности представляет общую глобальную ценность к которой нужно стремиться. К числу инструментальных ценностей относятся конкретные установки личности, отражающие ее базовые предпочтения и ближние цели. Ценностные ориентации и мотивационные установки, связанные с ними, носят нравственно-утилитарный характер. Инструментальные ценности, заданные ближними целями, достигаются традиционными средствами. Они являются стандартными, повседневными, влияющими на формирование ценностно-ориентационного единства в группах и классных коллективах подростков.

Терминальные ценности складываются таких показателей, как активная и насыщенная жизнь, бережное отношение к здоровью, стремление к выбору интересной профессии и значимой работы, установка на материально-обеспеченную жизнь, желание любить и быть любимым, ценность общественного признания, свободы, создания счастливой семьи, пожелание счастья другим и стремление к личному счастью, ориентация на творчество и др.

Инструментальные ценности складываются из таких качественных характеристик, которые являются детерминантами повседневной жизни человека. К инструментальным ценностям относятся такие показатели, как аккуратность, воспитанность, жизнерадостность, исполнительность, ответственность, терпимость, честность, чуткость, самоконтроль, уважительность и др.

Достоинство методики, предложенной М. Рокичем, состоит в том, что она раскрывает два класса ценностей, сформированных в сознании и поведении испытуемых, а также позволяет определить перспективные линии развития личности. Эффективность авторской анкеты М. Рокича состоит в том, что она может быть модифицирована другими исследователями в соответствии с динамикой и особенностями общественных событий, что позволяет изучать трансформацию ценностных ориентаций подростков,

живущих в конкретной или изменяющейся социальной ситуации. При анализе иерархии ценностных ориентаций подростков их можно объединять в конкретные блоки, отражающие ценности самоутверждения, конформизма или альтруизма личности в системе коллективных отношений.

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов и наметить пути дальнейших исследований особенностей ценностных ориентаций подростков:

- Социальная ситуация, сложившаяся в стране и мире в начале 20-х годов XXI века, оказала влияние на совершенствование ценностных ориентаций как взрослого населения, так и подрастающего поколения. Мировое сообщество пришло к осознанию важности ценностей сохранения здоровья, взаимопомощи, поддержки, нравственного взаимодействия между людьми.

- Ценностные ориентации подростков являются отражением тех настроений и тревог, которые доминируют в обществе. Под ценностными ориентациями следует понимать комплекс доминирующих качеств, определяющий социальные установки личности, выраженные в стремлениях, переживаниях и эмоциональных реакциях. Ценностные ориентации влияют на мотивационные установки, потребности, интересы человека, определяют его избирательное отношение к объектам культуры, к выбору видов деятельности и партнеров по взаимодействию.

- Методологическим основанием для исследования ценностных ориентаций личности является педагогическая аксиология – область междисциплинарных исследований, которая выступает смыслообразующим основанием человеческого бытия; она позволяет конкретизировать комплекс категорий, включающих такие аксиологические понятия, как «ценность», «оценка», «потребности», «мотивация достижений», «ценностные ориентации личности», «ценностно-ориентационное единство групп и коллективов» и др.

- Педагогическая аксиология находится в преемственной связи с философским и психологическим обоснованием гуманистической концепции, согласно которой ценностные ориентации делятся на два класса: класс объективных ценностей, существующих независимо от человека, и класс субъективных, т. е. личностных ценностей, которые человек осваивает и трансформирует в совместной деятельности и общении с другими людьми.

- Опора на методологию аксиологического подхода позволяет рассмотреть ценности как педагогический феномен, который требует выбора эффективных методов изучения взглядов и установок подростков. Основанием для разработки авторской анкеты «Ценностные ориентации современных подростков» послужила адаптированная методика М. Рокича «Ценностные ориентации личности», которая предполагает ранжирование суждений испытуемых в рамках двух классов ценностей, имеющих важное воспитательное значение: терминальных и инструментальных.

- Терминальные ценности, отраженные в сознании и поведении подростков, раскрывают перспективы жизненных смыслов и ценностей общественного признания личности. Инструментальные ценности определяют

совершенствование нравственных характеристик, которые являются детерминантами повседневной жизни, совместной деятельности и межличностных отношений в детских коллективах. Содержательная характеристика терминальных и инструментальных ценностей современных подростков и педагогические условия их формирования в современной социальной ситуации будут представлены в следующих публикациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Об иерархии ценностей. Цели и средства / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Судьба России. – М. : Советский писатель, 1990.
2. Вебер, М. Мотивы социальной действительности / М. Вебер. – Текст : непосредственный // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.
3. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114.
4. Здравомыслов, А. Г. Потребности, интересы, ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – Текст : непосредственный.
5. Мамардашвили, М. К. Философия и личность / М. К. Мамардашвили. – Текст : непосредственный // Человек. – 1994. – № 5. – С. 9–15.
6. Тугаринов, В. П. Философия и ценностные формы отражения / В. П. Тугаринов. – М., 1978. – Текст : непосредственный.
7. Щедровицкий, Г. П. Теория деятельности и ее проблемы / Г. П. Щедровицкий. – Текст : непосредственный // Философия. Наука. Методология. – М. : Школа культуры политики, 1997. – 641 с.
8. Ядов, В. А. Социология труда : словарь / В. А. Ядов. – СПб. : Наука, 2006. – Текст : непосредственный.
9. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 2000. – 442 с. – Текст : непосредственный.
10. Возрастная и педагогическая психология / В. В. Давыдов, Т. В. Драгунова, Л. Б. Игельсон [и др.] ; под ред. А. В. Петровского. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1979. – Текст : непосредственный.
11. Макаренко, А. С. Коллектив и воспитание личности / А. С. Макаренко. – М. : Педагогика, 1972. – 262 с. – Текст : непосредственный.
12. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М. : Просвещение, 1968. – Текст : непосредственный.
13. Иванов, И. П. Созидание: теория и методика воспитания / И. П. Иванов. – СПб. : Аверс, 2003. – 504 с. – Текст : непосредственный.
14. Конникова, Т. Е. Организация и воспитание ученического коллектива / Т. Е. Конникова // Очерки педагогики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. – Текст : непосредственный.
15. Педагогика общей заботы / ред.: Т. В. Трухачева, И. Д. Аванесян, Е. В. Титова. – СПб. : Образование, 1996. – 102 с. – Текст : непосредственный.
16. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – СПб. : Питер, 2000. – 656 с. – Текст : непосредственный.
17. Шаффер, Д. Дети и подростки: психология развития / Д. Шаффер. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 976 с. – Текст : непосредственный.
18. Психологические проблемы российских подростков (1993–2013 гг.) / под ред. Л. А. Ретуш. – СПб. : ЭЛВИ-ПРИНТ, 2015. – Текст : непосредственный.

19. Слостенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Слостенина. – М. : Академия, 2013. – 576 с. – Текст : непосредственный.

20. Выготский, Л. С. Динамика и структура личности подростка / Л. С. Выготский. – Текст : непосредственный // Педагогическая психология : собр. соч. : в 6 т. Т. 4. – М. : Педагогика, 1978. – 221 с.

21. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – Текст : непосредственный // Педагогическая психология : собр. соч. : в 6 т. Т. 3. – М. : Педагогика, 1978. – 145 с.

22. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М. : Наука, 1979. – 210 с. – Текст : непосредственный.

23. Шиянов, Е. Н. Педагогика: общая теория образования : учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / Е. Н. Шиянов. – Ставрополь : Изд-во СКСИ, 2007. – 636 с. – Текст : непосредственный.

24. Левада, Ю. А. Лекции по социологии / Ю. А. Левада. – М. : Вече, 2008. – Текст : непосредственный.

25. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов. – 2-е изд., расшир. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с. – Текст : непосредственный.

26. Практикум по возрастной психологии : учебное пособие / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. – СПб. : Речь, 2010. – 694 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. Ob ierarhii tsennostey. Celi i sredstva [On the Hierarchy of Values. Goals and Means]. *Sud'ba Rossii = Fate of Russia*. M., Sovetskiy pisatel, 1990.

2. Veber M. *Motivy sotsial'noy dejstvitelnosti* [Motives of Social Reality]. M., Progress, 1990.

3. Durkheim D. E. Tsennostnye i real'nye suzheniya [Valuable and Real Judgments]. *Sociologicheskije issledovaniya = Sociology Research*, 1991, No. 2, pp. 106–114. (In Russian).

4. Zdravomyslov A. G. *Potrebnosti, interesy, tsennosti* [Needs, Interests, Values]. M., Politizdat, 1986.

5. Mamardashvili M. K. *Filosofiya i lichnost'* [Philosophy and personality]. *Chelovek = Human*, M., 1994, No. 5, pp. 9–15. (In Russian).

6. Tugarinov V. P. *Filosofiya i tsennostnye formy otrazheniya* [Philosophy and Value Forms of Reflection]. M., 1978.

7. Shchedrovitskiy G. P. *Teoriya deyatel'nosti i ee problem* [The theory of activity and its problems]. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya = Philosophy. Science. Methodology*, M., School of culture of politics, 1997. 641 p.

8. Yadov V. A. *Sociologiya truda: slovar'* [Sociology of Labor: a Dictionary]. SPb., Nauka, 2006.

9. *Psihologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Ed. by A. V. Petrovskiy, M. G. Yaroshevskiy. M., Politizdat, 2000. 442 p.

10. Davydov V. V., Dragunova T. V., Itelson L. B. et al. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya* [Age and Pedagogical Psychology]. Ed. by A. V. Petrovskiy. M., Prosveshchenie, 1979.

11. Makarenko A. S. *Kollektiv i vospitanie lichnosti* [Collective and Personality Education]. M., Pedagogika, 1972. 262 p.

12. Bozhovich L. I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. M., Prosveshchenie, 1968.

13. Ivanov I. P. *Sozidanie: teoriya i metodika vospitaniya* [Creation: Theory and Methods of Upbringing]. SPb., Avers, 2003. 504 p.
14. Konnikova T. E. *Organizaciya i vospitanie uchenicheskogo kollektiva* [Organization and education of the student team]. *Ocherki pedagogiki = Essays on Pedagogy*, L., LSU, 1963.
15. *Pedagogika obshchey zaboty* [Pedagogy of Common Care]. Ed. by T. V. Trukhachev, I. D. Avanesyan, E. V. Titov. SPb., Obrazovanie, 1996. 102 p.
16. Rays F. *Psihologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [The Psychology of Adolescence and Youth]. SPb., Piter, 2000. 656 p.
17. Shaffer D. *Deti i podrostki: psihologiya razvitiya* [Children and Adolescents: Developmental Psychology]. SPb., Piter, 2003. 976 p.
18. *Psihologicheskie problemy rossiyskikh podrostkov (1993–2013 gg.)* [Psychological Problems of Russian Teenagers (1993–2013)]. ed. by L. A. Regush. SPb., ELVI-PRINT, 2015.
19. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyarov E. N. *Pedagogika: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Pedagogy: a Textbook for Students of Higher Education Pedagogical Institutions]. Ed. by V. A. Slastenin. M., Akademiya, 2013. 576 p.
20. Vygotskiy L. S. *Dinamika i struktura lichnosti podrostka* [Dynamics and structure of a teenager's personality]. *Pedagogicheskaya psihologiya. Sobr. soch. v 6 t. = Pedagogical Psychology. A Collection of Essays in 6 volumes*, M., Pedagogika, 1978, vol. 4. 221 p.
21. Vygotskiy L. S. *Istoriya razvitiya vysshikh psihicheskikh funktsiy* [The history of the development of higher mental functions] *Pedagogicheskaya psihologiya. Sobr. soch. v 6 t. = Pedagogical Psychology. A Collection of Essays in 6 volumes*, M., Pedagogika, 1978, vol. 3. 145 p.
22. Leontyev A. N. *Problemy razvitiya psikhiki* [The Problems of the Development of Psyche]. M., Nauka, 1979. 210 p.
23. Shiyarov E. N. *Pedagogika: obshchaya teoriya obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Pedagogy: General Theory of Education: a Textbook for Students of Pedagogical Institutions]. Stavropol, NCSI, 2007. 636 p.
24. Levada Yu. A. *Lektsii po sotsiologii* [Lectures on Sociology]. M., Veche, 2008.
25. Yadov V. A. *Samoregulyaciya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontsepciya* [Self-Regulation and Prediction of the Social Behavior of the Individual: Dispositional Concept]. M., CSPiM, 2013. 376 p.
26. *Praktikum po vozrastnoj psihologii: uchebnoe posobie* [Workshop on Developmental Psychology: a Textbook]. Rd. by L. A. Golovey, E. F. Rybalko. SPb., Rech, 2010. 694 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лидак, Л. В. Аксиологический подход к исследованию ценностных ориентаций подростков в современной социальной ситуации / Л. В. Лидак, Т. А. Тимошенко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 26–38.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lidak L. V., Timoshenko T. A. The Axiological Approach to the Study of Value Orientations of Adolescents in the Modern Social Situation / L. V. Lidak, T. A. Timoshenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 26–38. (In Russian).

УДК 796

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

О.А. Мусин, П.А. Гордеева

THE FEATURES OF THE FORMATION OF HEALTH CULTURE OF MILITARY SCHOOLS' CADETS

O.A. Musin, P.A. Gordeeva

Аннотация. Культура здоровья как универсальный механизм самоуправления человеком формирования своего конгруэнтного здоровья имеет особенности в процессе формирования индивидуализации не только в различных возрастных, но и в разных социальных группах. Цель исследования заключается в определении особенностей методов и технологий, способствующих формированию феноменов и процессов культуры здоровья курсантов военных училищ как социально значимых носителей культуры здоровья. Методы исследования: изучение отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования, педагогическое проектирование технологий формирования культуры здоровья, педагогическое наблюдение за процессом и результатами формирования феноменов и процессов культуры здоровья у данной категории населения, а также педагогический эксперимент, достоверность результатов которого подтверждена методами математической статистики. В результате исследования относятся разработанные авторами технология формирования отдельных феноменов и процессов культуры здоровья курсантов военных училищ в условиях учебно-тренировочного процесса и культурно досуговой деятельности. Данная статья рекомендована для обучающихся и преподавателей военных учебных заведений, а также для широкого круга читателей заинтересованных в решении проблем формирования феноменов и процессов культуры здоровья.

Abstract. The culture of health as a universal mechanism of self-management in the formation of personal congruent health has specifics in the process of the formation of individualization not only in different age groups but also in different social groups. The purpose of the study is to determine the features of methods and technologies that contribute to the formation of phenomena and processes of health culture of military schools' cadets as socially significant carriers of health culture. The research methods include the study of domestic and foreign literature on the problem of research, pedagogical design of technologies for the formation of health culture, pedagogical observation of the process and results of the formation of phenomena and processes of health culture in this category of the population as well as pedagogical experiment, the reliability of the results of which is confirmed by the methods of mathematical statistics. As a result of the research, the technology developed by the authors for the formation of individual phenomena and processes of health culture of military schools' cadets during the educational-training and cultural and leisure activities is applied. The article is recommended for students and teachers of military educational institutions as well as for a wide range of readers interested in solving the problems of the formation of phenomena and processes of health culture.

Ключевые слова: культура здоровья, оздоровительные технологии, курсанты военных училищ, носитель культуры здоровья.

Keywords: health culture, wellness technologies, military schools' cadets, health culture carrier.

Актуальность данного исследования состоит в том, что традиционно в Российской Федерации образ офицера, военнослужащего представляет для себя эталон и образец не только нравственных ценностей и культурно этических отношений в социуме, но также как носитель и популяризатор культуры здоровья. В существующих образовательных стандартах, указано, что значительное внимание в учебном процессе должно быть уделено оздоровлению военных курсантов, формированию у них принципов ЗОЖ, усвоения ими методов здоровьесберегающей деятельности и физического совершенствования. Вопросами формирования культуры здоровья военных, в частности физической культуры личности занимались: Ю.Г. Быченко, Д.Н. Курдюков, А.В. Буриков и др. [1]

Традиционно большое внимание в профессиональной подготовке российского офицерства уделялось занятиям по физической культуре и избранным видам спорта, при этом основными задачами этой подготовки, было формирование у военных конкурентоспособности, стрессоустойчивости, здоровых мотивов соревновательной деятельности. Однако проблема формирования у будущих военных культуры здоровья как универсального механизма саморегуляции их здоровой творческой деятельности, до настоящего времени не была рассмотрена [3; 4]. Следовательно, целью статьи является, определение эффективных методов и технологий формирования феноменов и процессов культуры здоровья курсантов военных училищ, в условиях их образовательного процесса их досуговой деятельности.

Авторами была разработана технология интерактивной навигации в сфере культуры здоровья для будущих офицеров Российской армии.

В рамках данной технологии на первом этапе была проведена комплексная диагностика здоровья курсантов обучающихся на первом курсе училища.

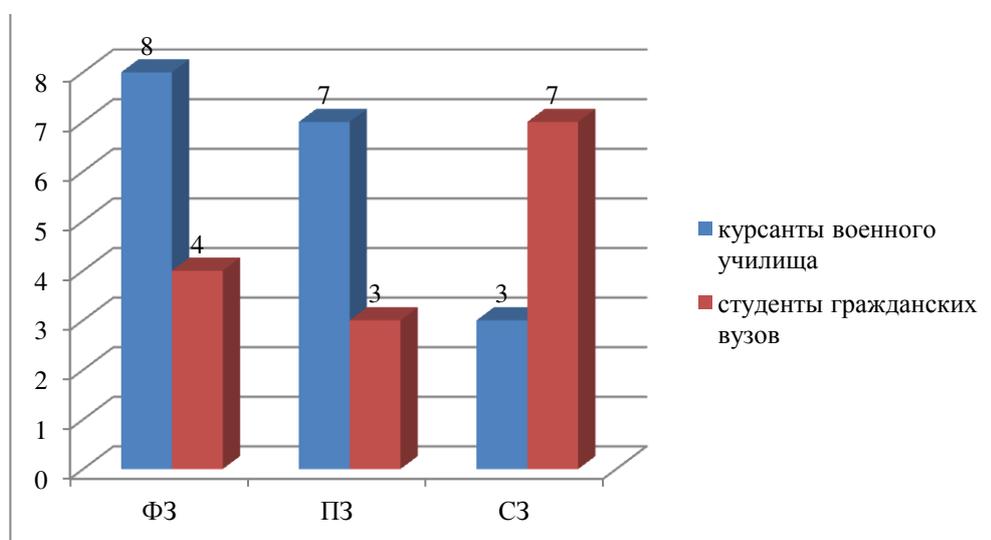

Рис. 1 – Показатели по видам здоровья курсантов военного училища и студентов гражданского вуза:

*ФЗ – физическое здоровье; ПЗ – психическое здоровье;
СЗ – социальное здоровье*

На основании данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что по сравнению со студентами гражданских учебных заведений, у курсантов военных училищ уровень физического здоровья находится на более высоком уровне, чему способствует специфика образовательных программ, а также высокая мотивация к физическому совершенствованию будущих военных. Рассматривая структуру психического здоровья, следует обратить внимание на то, что у студентов военных учебных заведений гораздо выше экстернальный локус контроля нежели, у студентов гражданских учебных заведений. Это связано в частности с тем, что в гражданских учебных заведениях студенты обладают большей свободой выбора, средств, методов, а также задач совершенствования своего здоровья, тогда как в военных учебных заведениях постановка задач здоровьесбережения делегирована преподавателям данного учебного заведения. В плане социального здоровья курсантов военных училищ первично также проигрывают студентам гражданских учебных заведений в связи с тем, что их учебный процесс осуществляется в условиях секвестрированного взаимодействия с другими социальными группами населения в отличие от студентов гражданских учебных заведений. В связи с вышеизложенным, встала задача определения особых методов формирования культуры здоровья будущих военных, как универсального механизма саморегуляции их действий [2]. Авторами была предложена в частности технология интерактивной навигации в сфере культуры здоровья, которая имеет особенности реализации в военных училищах.

Таблица 1

**Задачи технологии интерактивной навигации
в сфере культуры здоровья для разных учебных заведений**

Задачи	Для гражданских учебных заведений	Для военных учебных заведений
Формирование адекватного представления о принципах ЗОЖ	Реализуется в процессе лекционных занятий, а также участием в физкультурно-оздоровительных мероприятиях	Реализуется во время лекционных занятий, организацией и проведением спортивных мероприятий, а также при помощи дискуссий и кейс-методов
Развенчание мифов о правилах ведения ЗОЖ	Непосредственно в учебной деятельности не происходит	Реализуется в рамках участия круглого стола по соответствующим темам, оценки информационных контентов о ЗОЖ
Освоение механизмов управления процессом совершенствования своего здоровья (физического, психического и социального здоровья)	Реализуется во время практической подготовки	Реализуется при помощи обучающих интерактивных симуляторов в сфере ЗОЖ, а также во время выполнения практических заданий

На основании задач, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что учет особенностей организации учебного процесса в военных училищах по сравнению с организациями высшего образования гражданского направления позволяет оптимизировать процесс формирования следующих феноменов и процессов культуры здоровья у курсантов: ценностно-смыслового, мотивационного, деятельностного и коммуникативного.

На формирующем этапе эксперимента для совершенствования компонентов культуры здоровья курсантов военных училищ была применена технология интерактивной навигации в сфере культуры здоровья, цель которой заключалась в формировании адекватного представления о своих возможностях в сфере ЗОЖ, преодоление распространенных заблуждений.

Реализовывалась она в течение нескольких этапов:

1. На первом этапе у курсантов формировалось умение поиска достоверной информации о принципах ЗОЖ, вопросах построения здоровьесбережения, формирование индивидуального маршрута в достижении целей ЗОЖ. Методы, применяемые на данном этапе:

- составление кластера по теме «отличительные черты достоверных литературных и интернет источников»;
- составление иерархии целей собственной здоровьесберегающей деятельности.

В результате прохождения данного этапа у курсантов формируются умения поиска достоверной информации о ЗОЖ как среди литературных источников, так и среди широкого интернет пространства.

2. На втором этапе у курсантов формируются умения, связанные с отбором и адаптацией под собственные цели ЗОЖ, адекватных средств и методов физической культуры. Методы, применяемые на данном этапе:

- экспертная оценка найденных средств и методов физической культуры и соотнесение их с собственными целями ЗОЖ;
- проведение SWOT-анализа отобранных средств и методов.

В результате прохождения второго этапа курсанты научатся самостоятельно подбирать средства и методы физической культуры для совершенствования своей культуры здоровья.

3. На третьем этапе курсанты учатся управлять собственным механизмом совершенствования культуры здоровья исходя из своих целей и потребностей. Методы, применяемые на данном этапе:

- практико-ориентированные задания по совершенствованию своего здоровья (физического, психического, социального);
- диагностика состояния своего здоровья с прогнозированием дальнейших результатов собственной здоровьесберегающей деятельности.

В результате прохождения данного этапа курсанты овладеют навыками самостоятельной организации своей оздоровительной деятельности.

После применения данной технологии курсанты военного училища были повторно протестированы в совершенствовании компонентов собственной культуры здоровья. Результаты повторной диагностики приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Сравнение показателей уровня компонентов культуры здоровья
до и после проведения эксперимента**

Компонент культуры здоровья	До эксперимента	После эксперимента	t-критерий Стьюдента
Ценностно-смысловой	4,7 ± 0,33	8,9 ± 0,5	t = 1,64 при p ≥ 0,05
Мотивационный	5,4 ± 0,7	7,9 ± 0,8	t = 4,31 при p ≥ 0,05
Деятельностный	5,2 ± 0,22	6,8 ± 0,4	t = 6,17 при p ≥ 0,05
Коммуникативный	4,7 ± 0,45	5,6 ± 0,56	t = 4,2 при p ≥ 0,05

В результате применения технологии интерактивной навигации в сфере культуры здоровья в достоверных пределах увеличились показатели ценностно-смыслового и коммуникативного компонентов культуры здоровья. Прирост по ценностно-смысловому компоненту стал 4,2 балла, по мотивационному компоненту 2,5 балла, данные показатели увеличились в достоверных пределах. Деятельностный и коммуникативный компоненты культуры здоровья также увеличились, однако прирост оказался не сильно значительным. Это говорит о том, что данная технология в основном ориентирована на ценностно-смысловой и мотивационный компоненты культуры здоровья.

На основании проведенного исследования было определено следующие: авторская технологий показала эффективность по совершенствованию культуры здоровья военных курсантов училищ, что подтвердилось на основании методов математической статистики.

В дальнейшем планируется вести мониторинг собственного состояния трехкомпонентного состояния здоровья, а также компонентов культуры здоровья в течение всех годов обучения курсантов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буриков, А. В. Физическая культура как основа формирования здоровьесберегающего поведения курсантов военного вуза / А. В. Буриков. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования : материалы XIII Научно-методической конференции с международным участием, Ярославль, 22–23 марта, 2018 года. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 266–268.

2. Мусин, О. А. Образовательные технологии в основе формирования культуры здоровья населения / О. А. Мусин. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2021. – № 8. – С. 18–24.

3. Шалкаева, Е. Д. Профессиональное здоровье как элемент валеологической культуры курсантов военной академии связи / Е. Д. Шалкаева, А. Г. Климзов. – Текст : непосредственный // Юбилейная научно-практическая конференция – 2017 : сборник статей и тезисов Юбилейной научно-практической конференции, посвященной

150-летию преобразования медицинского департамента Военного Министерства в Главное военно-медицинское управление, Санкт-Петербург, 30 ноября 2017 года. – СПб. : Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова, 2018. – С. 136–138.

4. Шугалей, Д. В. Здоровьесбережение в образовательном процессе курсантов ФВА РВСН / Д. В. Шугалей, Н. В. Паков. – Текст : непосредственный // Известия Института инженерной физики. – 2017. – № 1 (43). – С. 91–93.

REFERENCES

1. Burikov A. V. Fizicheskaya kultura kak osnova formirovaniya zdorovyebeseregayushchego povedeniya kursantov voennogo vuza [Physical culture as the basis for the formation of health-saving behavior of cadets of a military university]. *Aktualnye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: Materialy XIII nauchno-metodicheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Relevant Problems of Improving Higher Education: Proceedings of the XIII Scientific-Methodological Conference with International Participation*, Yaroslavl, 2018, pp. 266–268. (In Russian).

2. Musin O. A. Obrazovatelnye tekhnologii v osnove formirovaniya kultury zdorovya naseleniya [Educational technologies in the basis of the formation of a culture of public health]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport = Proceedings of Tula State University. Physical Culture. Sport*, 2021, No. 8, pp. 18–24. (In Russian).

3. Shalkaeva E. D., Klimzov A. G. Professionalnoe zdorovye kak element valeologicheskoy kultury kursantov voennoy akademii svyazi [Occupational health as an element of the valeological culture of cadets of the military academy of communications]. *Sbornik statey i tezisev Yubileynoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu preobrazovaniya meditsinskogo departamenta Voyennogo Ministerstva v Glavnoye voyenno-meditsinskoye upravleniye = A Collection of Articles and Abstracts of the Anniversary Scientific-Practical Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Transformation of the Medical Department of the Military Ministry into the Main Military Medical Department*, SPb., 2018, pp. 136–138. (In Russian).

4. Shugaley D. V., Pakov N. V. Zdorovyeberezhnie v obrazovatel'nom processe kursantov FVA RVSН [Health saving in the educational process of cadets of the BMA SMF]. *Izvestiya Instituta inzhenernoy fiziki = Proceedings of the Institute of Engineering Physics*, 2017, No. 1 (43), pp. 91–93. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мусин, О. А. Особенности формирования культуры здоровья курсантов военных училищ / О. А. Мусин, П. А. Гордеева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 39–44.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Musin O. A., Gordeeva P. A. The Features of the Formation of Health Culture of Military Schools' Cadets / O. A. Musin, P. A. Gordeeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 39–44. (In Russian).

УДК 378

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

Р.Г. Редун

THE STRUCTURAL COMPONENTS OF PEDAGOGICAL MEDIATION

R.G. Redun

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные основы, определяющие педагогическую медиацию как систему профессиональной деятельности педагогов военного вуза, направленную на разрешение различных видов конфликтов, возникающих как между обучающимися, так и между обучающимися и образовательно-воспитательной средой.

Представленные автором структурные компоненты педагогической медиации: целевой ориентир, теоретические принципы, закономерности, функции и механизм реализации системы педагогической медиации, обеспечивающий дифференцированность применения средств и методов, а также возможность варьирования приемов медиативной деятельности, – рассматриваются с позиции лично ориентированной парадигмы военного образования, акцентирующей внимание на социальном партнерстве и решении актуальных жизненных проблем; показатели эффективности педагогической медиации определяются критериями новообразований субъектов конфликтов, формируемыми в результате профессиональной педагогической деятельности.

Abstract. The article researches the theoretical and applied basic principles that define pedagogical mediation as a system of the teachers' professional engagement at the military university aimed to the resolving of the difference conflicts among students as well as among the students and educational environment.

The structural components of pedagogical mediation presented by the author include the specific focus, theoretical principles, regularity, function and mechanism of pedagogical mediation system's realization that provides differentiation in the use of means and methods alongside the opportunity to range the manners of mediation activity. These components are considered from the perspective of the person-centered military education paradigm focused on the social partnership and solution of relevant problems. The effectiveness measures of pedagogical mediation are defined in terms of the new growth of the conflict's subjects developed during pedagogical professional activity.

Ключевые слова: педагогическая медиация, педагогическая деятельность, конфликты.

Keywords: pedagogical mediation, pedagogical activity, conflicts.

Целевые ориентиры современной системы воспитания подверглись значительным трансформациям, относительно традиционных советских. Широкое распространение парадигмы лично ориентированного воспитания (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.) коснулось и педагогической концепции военного образования. Как отмечают такие

исследователи, как Ю.П. Ветров и Е.С. Проказин, «...современные тенденции военного образования предопределяют особое внимание к личностно-профессиональному развитию курсантов... что предусматривает отказ от пассивно-созерцательных принципов военного воспитания» [1].

Теоретические изыскания привели к небезуспешной практической реализации данной парадигмы, однако ее потенциал далеко не исчерпан. В частности, это относится к личностно ориентированной деятельности педагогов, направленной на разрешение различных видов конфликтов, возникающих между обучающимися.

Глубокая социальная нестабильность современного общества нашла свое отражение в повышенной конфликтности поведения молодежи. Это объясняется как физиологическими факторами, характерными для данного периода возрастного развития, так и психологическими особенностями рассматриваемой возрастной категории.

Значение исследования конфликтов в образовательной среде сложно переоценить. Как отмечает И.В. Осипчук, конфликт может стать «...источником деструктивных психических состояний личности человека. Эти состояния характеризуются доминированием острых или хронических негативных эмоциональных переживаний: тревоги, страха, депрессии, агрессии, раздражительности, дисфории. Возникающие в этих состояниях аффекты могут достигать такой степени интенсивности, что они оказывают дезорганизующее воздействие на интеллектуально-мнестическую деятельность человека» [2], что в свою очередь приведет к сложностям в освоении учебного материала, а в крайнем случае – к несвоевременному прерыванию обучения в образовательной организации.

Группы обучающихся в высших военных заведениях не являются исключением в фокусе развития конфликтных ситуаций. Однако конфликты, возникающие внутри учебных групп курсантов, имеют ряд особенностей, связанных как со спецификой социальной среды, организации жизни и быта, так и с иерархией подчиненности. Еще одна особенность конфликта в коллективе курсантов заключается в том, что он разрушает налаженную систему связей, обеспечивающую единство воинского коллектива, формирует атмосферу соперничества, инициирующую межличностные столкновения, что нарушает принципы поддержания воинской дисциплины.

Авторское исследование, посвященное проблемам, инициирующим развитие конфликтов в образовательной среде военного вуза, проведенное в виде экспертного опроса педагогов военных вузов в период с 2016 года по 2019 год, позволило выделить наиболее существенные (табл. 1).

В экспертном опросе приняли участие педагоги Краснодарского высшего военного училища им. генерала армии С.М. Штеменко (46 человек) и Московского высшего общевойскового командного орденов Жукова, Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменного училища (24 человека).

Таблица 1

Проблемы, инициирующие развитие конфликта среди курсантов

№	Ответы экспертов – преподавателей и офицеров курса	Рез-т (%)
1.	Отсутствие опыта проживания и профессиональной деятельности в мужском коллективе	92
2.	Отсутствие навыков самостоятельного обучения и самостоятельного ведения быта	87
3.	Непонимание основ военной профессии	96
4.	Привязанность к социальным сетям и онлайн-среде	74
5.	Неадекватная самооценка (завышенная или заниженная)	81
6.	Идентификация личности с оценками по предметам	92

Проведенное исследование не только подтвердило наличие реальной проблемы развития конфликтов среди курсантов, отмечаемой большинством опрошенных педагогов военных вузов, но и необходимость работы с данными конфликтами в профессиональном плане.

Следовательно, профессиональная деятельность педагогов военного вуза, направленная на нивелирование конфликтов, возникающих в учебном коллективе курсантов, должна носить системный характер. Безусловно, система военного образования за многие годы существования выработала определенные механизмы и технологии нивелирования конфликтов, но современные реалии заставляют пересматривать сложившиеся подходы. От траектории подавления конфликта современное педагогическое военное сообщество приходит к пониманию необходимости его регулирования посредством целенаправленной профессиональной деятельности, влияющей на изменение структуры межличностного взаимодействия.

В данной статье мы акцентируем внимание на системе педагогической медиации, сущностью которой является нивелирование конфликтов в учебном коллективе путем ведения переговоров, реализации социально-педагогических программ и обоюдного удовлетворения интересов и запросов противоположных сторон с участием третьего незаинтересованного лица – медиатора.

Теоретическая разработка системы педагогической медиации как профессиональной деятельности требует определения ее структурных компонентов, системообразующих факторов и механизма реализации в условиях образовательной среды высшего военного заведения. Отметим, что к структурным компонентам, согласно педагогической теории, относим «...основные базовые характеристики педагогических систем, совокупность которых образует факт их наличия и отличает от всех других (не педагогических) систем» [3].

Одним из ведущих компонентов системы является целевой ориентир, определяющий направленность системы и предполагаемые эффекты от ее реализации. В данном случае конфликт, возникающий в учебном коллективе

курсантов, и будет являться целевым ориентиром. В целом психолого-педагогическая наука рассматривает конфликт как деятельность, объясняя это тем, что он (конфликт) имеет: цели и мотивы; результат, как соотношение желаемого и достигнутого; нормативное регулирование, обусловленное социальным существованием субъектов. Следовательно, педагогическая медиация должна быть направлена на разрушение целей и мотивов возникновения и развития конфликтов, а также на определение дальнейшего бесконфликтного взаимодействия сторон.

Результатом педагогической медиации должны стать некие новообразования личности обучающихся, способствующие прекращению конфликта как межличностного, так и с социальной средой. Критериальными показателями новообразований такие исследователи, как О.А. Сотникова, И.А. Маланов и др., считают:

- уровень поведенческой регуляции (способность личности регулировать взаимодействие с окружающей средой);
- уровень моральной нормативности (способствует адекватному восприятию и оцениванию своей социальной роли);
- коммуникативные навыки (отвечает за умение правильно взаимодействовать и выстраивать отношения с другими участниками социума, что также немаловажно)» [4].

Степень сформированности данных новообразований будут определять эффективность педагогической медиации.

Следующим компонентом являются теоретические принципы педагогической медиации. Значимо то, что теоретические принципы по своей природе являются квинтэссенцией парадигмальных концептов, поэтому они подвижны во времени и зависят от социального и общественного запроса. Анализ исследований Л.Н. Антоновой, М.В. Богуславского, Н.В. Елиной, Г.П. Зерновой, В.М. Корякина и др. [5; 6; 7], посвященных различным аспектам медиации в образовательной среде, в том числе, в среде военного вуза, позволил выделить следующие:

- осознание возрастающей личной и коллективной самоуправляемости;
- направленность деятельности на социальное партнерство;
- ориентация на решение жизненно важных проблем;
- активное вовлечение в медиативную деятельность субъектов конфликта;
- субъективная ориентированность как индивидуальная, так и направленная на целевые группы сторон конфликта;
- соблюдение интересов социального равноправия;
- ориентация на общесоциальные приоритеты;
- основная направленность деятельности медиатора на защиту пострадавшей стороны.

Конкретизация научно-методологического знания в контексте проблемы данного исследования позволила выделить закономерности, на основе которых строится педагогическая медиация:

- эффективность педагогической медиации возрастает, если процесс урегулирования конфликта строится на основании самоуправления и обеспечивается учетом интересов пострадавшей стороны;

- педагогическое взаимодействие, обеспечивающее разрешение конфликтной ситуации, организовано по принципу социального партнерства и равноправия сторон;

- востребованность педагогической медиации обеспечивается ее ориентацией на интересы враждующих сторон, интересы социальной группы, к которой принадлежат участники конфликта, и решением жизненно важных проблем;

- результативность педагогической медиации обеспечивается за счет соответствия и учета материально-пространственной среды, ее процессуальных и личностных аспектов.

Определение принципов и закономерностей педагогической медиации ведет к систематизации ее процедур, организации и реализации примирительных процессов, а также к профилактике рецидивов конфликтов.

Следующим системообразующим элементом педагогической медиации, является ряд функций. Как утверждают ученые Е.Н. Васильева и О.А. Кувшинова, опираясь на методологические положения теории Г. Спенсера, осмысление системного явления, к которым относится педагогическая медиация, необходимо проводить с опорой на выполняемые системой функции [8]. В частности, базовую функцию педагогической системы – поддержание солидарности в учебном коллективе, направленной на «постконфликтное взаимодействие его регулирование, пропедевтику развития нового конфликта» [9].

Обозначенная ранее позитивная направленность таких структурных компонентов как целевой ориентир, теоретические принципы и закономерности, определили комплиментарность функций педагогической медиации:

- профилактическую – предупреждающую дальнейшее развитие конфликтной ситуации и определяющую своевременное распознавание признаков конфликтной ситуации, выявление факторов развития конфликта (социальных и личностных), владение методами профилактики социальных конфликтов: социальных (социально-педагогическое планирование развития военного коллектива, планирование профессиональной карьеры; формирование навыков диалога; поощрение за успехи, справедливое, обоснованное взыскание и пр.) и личностных (метод согласия, который обуславливает привлечение к участию потенциальных противников в совместной деятельности; метод доброжелательности, инициирующий развитие эмпатии, понимания внутренних состояний других людей; метод уважения репутации партнера – допускает общение с конфликтером с позиции утверждения его достоинств; метод недопущения дискриминации – предполагает недопустимость общественного признания одного человека над другим в любой ипостаси; метод одобрения и др.);

- протективную – обеспечивающую удовлетворение интересов сторон конфликта и вступление в диалог с конфликтующими сторонами, определение возможностей уступок с обеих сторон; владение методами реализации компромисса, поиска альтернативы;

- интеграционно-инициирующую, объединяющую индивидов с группой, – актуальная диагностика возможностей интеграции индивида в группу и коллектив военного вуза; владение методами дивергенции, трансформации и конвергенции;

- коррекционную – автономизирующую индивидов, признающую их индивидуальность и ценность для референтной группы, расширяющую поле свободы и увеличивающую бремя ответственности перед социумом – реальное подтверждение права индивида на личную жизнь и личное пространство.

Механизмом реализации системы педагогической медиации является программа медиации конфликта в образовательной среде. Специфика механизма обусловлена имманентной структурой данной системы, определяющей ее воспитательную ценность. Целью разработки программы является, с одной стороны, достижение нового качества изучаемой системы, а с другой – стабилизация отношений в учебном коллективе военного вуза.

Справочное содержание программы педагогической медиации, направленной на решение конфликтов в среде военного вуза, отражает критериальные показатели новообразований курсантов, познавательно-воспитательные области новых знаний, выстроенные на основе выявленных теоретических принципов, и приемы медиативной деятельности, обусловленные установленными закономерностями (табл. 2).

Таблица 2

Справочное содержание программы педагогической медиации

№	Критериальные показатели новообразований	Познавательно-воспитательные области	Приемы медиативной деятельности
1.	Поведенческая регуляция	Социальная психология, культурология, психология, философия, этика	Активное слушание, обеспечение обратной связи, развитие рефлексии, генерирование альтернативных самостоятельных оценок
2.	Моральная нормативность	Социология, психология, педагогика, воспитательная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации, физическая культура	Организация самопознавательной деятельности, организация процесса достижения соглашений между сторонами конфликта
3.	Коммуникативные навыки	Психология, педагогика, воспитательная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации	Квалификация конфликта, снижение его накала, вовлечение в активную, содержательную деятельность

Итак, проведенный анализ позволяет резюмировать, что педагогическая медиация – это инновационный профессиональный метод регулирования конфликта в образовательной среде, направленный на его глубинное изучение и устранение причин и факторов развития.

Выявленные структурные компоненты системы педагогической медиации в военном вузе вполне отвечают посылам парадигмы личностно ориентированного воспитания. В частности, речь идет об умении эффективно управлять воспитательным процессом, а также освоении принципиально новых форм организации системы воспитания и осуществлении педагогической деятельности в новых условиях.

Предлагаемая как механизм реализации программа педагогической медиации обеспечит дифференцированность применения средств и методов, а также возможность варьирования приемов медиативной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветров, Ю. П. Основные характеристики рефлексивно-деятельностной парадигмы военного образования / Ю. П. Ветров, Е. С. Проказин. – Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Пенза, 15–16 июня 2021 года). В 2 т. – Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 70–73.
2. Осипчук, И. В. Смысловой аспект личностного адаптационного конфликта / И. В. Осипчук. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 464–467.
3. Ильина, Т. А. Педагогика / Т. А. Ильина. – М. : Просвещение, 1984. – 495 с. – Текст : непосредственный.
4. Сотникова, О. А. Социально-педагогическая адаптация личности как психолого-педагогическая проблема / О. А. Сотникова, И. А. Маланов. – Текст : непосредственный // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2020. – № 4. – С. 152–160.
5. Антонова, Л. Н. Реализация потенциала педагогической рискологии в сети школьной медиации Московской области : научно-методическое пособие / Л. Н. Антонова, М. В. Богуславский, Г. П. Зернова. – М. : АСОУ, 2017. – 69 с. – Текст : непосредственный.
6. Елина, Н. В. Военная медиация в Российской Федерации / Н. В. Елина. – Текст : непосредственный // Вестник военного права. – 2017. – № 2. – С. 7–14.
7. Корякин, В. М. Медиация как способ урегулирования споров и возможность ее применения к воинским правоотношениям / В. М. Корякин. – Текст : непосредственный // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 10 (160). – С. 2–4.
8. Кувшинова, О. А. Когнитивно-институциональный подход к исследованию социального института / О. А. Кувшинова, Е. Н. Васильева. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10-5. – С. 1145–1148.
9. Мосина, О. А. Медиация адаптационных конфликтов в профессиональном образовании военного вуза / О. А. Мосина, Р. Г. Редун. – Текст : непосредственный // Образовательный вестник «Сознание». – 2021. – Т. 23. – № 8. – С. 18–25. – DOI 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-8-18-25.

REFERENCES

1. Vetrov Yu. P., Prokazin E. S. Osnovnyye kharakteristiki refleksivno-deyatelnostnoy paradigmy voyennogo obrazovaniya [The main characteristics of the reflective-pragmatist paradigm of military education]. *Teoreticheskiye i prikladnyye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya: Sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = The Theoretical and Applied Issues of Economy, Management and Education: Collection of Articles of the II International Scientific-Practical Conference*, Penza, 2021, pp. 70–71. (In Russian).
2. Osipchuk I. V. Smyslovoy aspekt lichnostnogo adaptatsionnogo konflikta [The Meaning Aspect of a Personal Adaptive Conflict]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, No. 80, pp. 464–467. (In Russian).
3. Ilyina T. A. *Pedagogika* [Pedagogy]. M., Prosveshchenie, 1984. 495 p.
4. Sotnikova O. A., Malanov I. A. Sotsialno-pedagogicheskaya adaptatsiya lichnosti kak psikhologo-pedagogicheskaya problema [The social-pedagogical personal adaptation as a psychological and pedagogical problem]. *Pedagogical Review*, 2020, No. 4, pp. 152–160. (In Russian).
5. Antonova L. N., Boguslavskiy M. V., Zernova G. P., Antonova L. A. *Realizatsiya potentsiala pedagogicheskoy riskologii v seti shkol'noy mediatsii Moskovskoy oblasti* [The Implementation of pedagogical riskology potential in the network of school mediation of Moscow Oblast]. M., APA, 2017. 69 p.
6. Elina N. V. Voyennaya mediatsiya v Rossiyskoy Federatsii [Military mediation in the Russian Federation]. *Vestnik voyennogo prava = Vestnik of the Military Law*, 2017, No. 2, pp. 7–14. (In Russian).
7. Koryakin V. M. Mediatsiya kak sposob uregulirovaniya sporov i vozmozhnost' yeye primeneniya k voinskim pravootnosheniyam [Mediation as way of accommodation of disputes and opportunity of its implementation to the military relations]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*, 2010, No. 10 (160), pp. 2–4. (In Russian).
8. Kuvshinova O. A., Vasilyeva E. N. *Kognitivno-institutsionalnyy podkhod k issledovaniyu sotsialnogo institute* [The cognitive-institutional approach to the research of the social institution]. *Fundamental'nyye issledovaniya = Fundamental Research*, 2013, No. 10-5, pp. 1145–1148. (In Russian).
9. Mosina O. A., Redun R. G. Mediatsiya adaptatsionnykh konfliktov v professional'nom obrazovanii voyennogo vuza [The mediation of adaptive conflicts in professional education of a military university]. *Obrazovatelnyy vestnik Soznaniye = Educational Bulletin "Consciousness"*, 2021, vol. 23, No. 8, pp. 18–25. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Редун, Р. Г. Структурные компоненты системы педагогической медиации / Р. Г. Редун. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 45–52.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Redun R. G. The Structural Components of Pedagogical Mediation / R. G. Redun // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 45–52. (In Russian).

УДК 37.035.7

**ЧЕЛОВЕК РОССИЙСКОЙ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ**

А.З. Шидов

**A PERSON OF RUSSIAN MILITARY CULTURE
AS AN IDEAL FOR UPBRINGING
OF THE CONTRACT SERVICE MILITARIES**

A.Z. Shidov

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска воспитательного идеала в среде военнослужащих контрактной службы. В эпоху глобализации культуры, актуальность решения данной педагогической задачи продиктована необходимостью «культурологизации» процесса обучения и воспитания военнослужащих контрактной службы, как основы современной армии. Автором, с использованием методов абстрагирования и идеализации, последовательно раскрывается идеальный образ человека российской воинской культуры. На основе культурологического подхода описаны компоненты содержания процесса воспитания военнослужащих контрактной службы и раскрыта структура целостного образа человека российской воинской культуры. Научная новизна исследования заключается в подходе к обоснованию воспитательного идеала военнослужащего контрактной службы путем интеграции гуманистического образа человека культуры и защитника Отечества. Полученный в результате данного объединения образ человека российской воинской культуры является закономерным этапом развития личности военнослужащего в современном мире и выступает в качестве воспитательного идеала.

Abstract. The article examines the problem of searching for an upbringing ideal among the military personnel of the contact service. In the context of the globalization of culture, the relevance of solving this pedagogical problem is dictated by the need to "culturalize" the process of training and education of contract servicemen as the basis of a modern army. Using the methods of abstraction and idealization the author reveals the ideal image of a man of Russian military culture. On the basis of the culturological approach the components of the content of educating contract servicemen are described and the structure of the integral image of a person of Russian military culture is revealed. The scientific novelty of the study lies in the approach to substantiating the educational ideal of a contract serviceman by integrating the humanistic ideal of a man of culture and a defender of the Fatherland. The image of a man of Russian military culture obtained as a result of this association is a natural stage in the development of the personality of a serviceman in the modern world.

Ключевые слова: воспитание военнослужащих, культура, человек российской воинской культуры, духовность, нравственность.

Keywords: education of military personnel, culture, man of Russian military culture, spirituality, morality.

В последние десятилетия в российском образовании происходят значительные изменения, связанные с поиском путей преодоления духовно-нравственного кризиса в обществе. При этом модернизация российской системы обучения и воспитания затрагивает все социальные институты общества, в том числе и армию. Значительное увеличение численности военнослужащих контрактной службы, произошедшее в рамках военной реформы 2008–2018 гг., требует создания современных педагогических подходов к воспитанию данной категории военнослужащих. Для решения данной проблемы одной из важнейших задач является поиск воспитательного идеала военнослужащего контрактной службы, что подтверждает актуальность проводимого исследования.

Педагогическая теория и практика показывает, что с начала XXI века большое внимание исследователей уделяется развитию духовно-нравственной сферы человека. Как отмечает профессор М.В. Богуславский, сегодня мы видим большой интерес со стороны государства к культурно-историческому наследию, его использованию с целью формирования национальной идентичности и консолидации общества [4, с. 24–30].

Однако модернизационные процессы в современном обществе, направленные на гуманизацию и гуманитаризацию образования и воспитания в воинском социуме учитываются недостаточно. Отсутствует понимание субъектами воинского воспитания современных парадигм образования и воспитания, путей и средств их реализации в воинских коллективах, что приводит к отставанию системы воспитания военнослужащих от современных тенденций в образовании.

Слабая личностная ориентация и индивидуализация процесса обучения и воспитания военнослужащих контрактной службы в данных условиях приводит к их выпадению из всеобщей стратегии, направленной на «окультуривание» человека, его становление как личности, индивидуальности. Анализ руководящих документов по военно-политической работе показывает, что в процессе воспитания военнослужащих контрактной службы не в полной мере используется потенциал многовековой отечественной культуры, искусства и образования.

При этом в развернувшемся сегодня противостоянии стран одним из значимых аспектов в деле воспитания защитников Отечества является использование фактора «мягкой силы», основой которого являются культура, нравственность, религия, искусство, спорт [12]. Согласно «концепции мягкой силы», в глобальной конкуренции преимущество получает то государство, в котором человек, как нигде больше, укоренен в свою культуру, историю, религию, где созданы наилучшие условия для реализации себя как личности [13]. Исходя из этого, основой системы военно-политической работы в среде военнослужащих контрактной службы должна быть культурологическая направленность процесса обучения и воспитания.

В современных условиях процесс воспитания военнослужащих контрактной службы осуществляется по следующим направлениям: «формирование у военнослужащих патриотизма, военно-политического сознания, осознанного и добросовестного отношения к выполнению обязанностей военной службы,

приказов командиров и начальников; поддержание правопорядка и воинской дисциплины, мотивации к повышению профессионального мастерства, поддержке государственной политики в области обороны и безопасности страны; развитие чувства верности и преданности Отечеству» [8].

В данных условиях содержанием воспитания выступает формирование определенных (заданных) качеств личности, что позволяет отнести его к формирующему подходу к воспитанию (педагогической деятельности) [5]. В рамках данного подхода воспитание военнослужащих контрактной службы представляет собой подготовку воина-профессионала, готового в любой момент встать на защиту Отечества и выполнять приказы командиров и начальников. Выполняя формирующую функцию, субъекты воинского воспитания не считаются с личностными проявлениями, инициативой и индивидуальностью военнослужащих.

Современная отечественная педагогическая мысль нацеливает процесс обучения и воспитания на другой, гуманистический подход к педагогической деятельности (Ш.А. Амонашвили, В.А. Сухомлинский и др.). По мнению гуманистов, самое ценное в человеке – это сам человек, а процесс обучения и воспитания не нуждается в навязывании определенных знаний и требований к личности [2, с. 11–16].

Воспитание в данном случае требует активной деятельности самих воспитанников, «творения человеком самого себя, создание мира человека, как культурное творчество, как улучшение, культурное преобразование социума» [5]. Деятельность субъектов воспитания в рамках данного подхода связана с оказанием педагогической поддержки в духовно-нравственном становлении, постижении общечеловеческих ценностей, развитии духовного мира, формировании нравственного идеала [3].

В данных условиях важной задачей военно-педагогической науки является поиск и обоснование воспитательного идеала военнослужащего контрактной службы, создание образа, вписывающегося в общероссийскую модель воспитания. В рамках исследования под воспитательным идеалом нами понимается особый образ совершенного человека, наделенного совокупностью духовно-нравственных качеств, присущих человеку, обществу, народу и являющегося ориентиром для воспитания.

Поиск сущности человека, его воспитательного идеала связан с разрешением противоречия между духовным (социальным) и физическим (природным, биологическим) началом и имеет тысячелетнюю историю. Так, К. Маркс связывал его с окультуриванием «человеческих потребностей», З. Фрейд с культурным творчеством и психоанализом [10], К.Д. Ушинский и А.Ф. Лосев с душевным трудом, высокими нравственными помыслами [1], В.С. Шубинский со свободной творческой деятельностью [11]. Все указанные авторы едины во мнении, что главным способом разрешения противоречий развития человека и поиска духовно-нравственного идеала является его интеграция в культуру.

Исходя из принципа культуросообразности процесса воспитания [9], воспитательный идеал военнослужащего контрактной службы должен иметь

гуманистическую основу, направленность на обеспечение гармоничного, всестороннего развития личности военнослужащего контрактной службы, усиление его связи с обществом путем культурной и национальной идентификации.

Культурологический подход (Б.Т. Лихачев, Б.М. Бим-Бад, Е.В. Бондаревская и др.) в данных условиях придает воинской деятельности социально-гуманистический характер, способствует усвоению идеалов и ценностей многовековой отечественной культуры, тем самым приводя к гармоничному развитию и саморазвитию личности военнослужащего.

Для систематизации процесса воспитания в рамках данного подхода необходимо выделение основных компонентов содержания воспитания:

1) усвоение общечеловеческих ценностей (патриотизм, гражданственность, семья, наука, природа, искусство и литература) [6];

2) осмысление, многовекового духовного опыта;

3) забота о своей семье, своем народе и стране в целом, ответственность за мирную жизнь россиян, за благополучие и процветание российского общества;

4) забота о сохранении среды обитания и природе, экологическая культура;

5) культурная и национальная идентификация; освоение духовных и материальных ценностей культуры; изучение, сохранение и преумножение многовековой отечественной и военной культуры;

6) формирование опыта общественной деятельности, участия в общественных делах, противодействие жестокости и аморальному, антидуховному поведению, отстаивание прав человека, накопление опыта гуманного поведения;

7) освоение способов самовоспитания и самосовершенствования, рефлексия, самоанализ, психокоррекция.

В контексте рассмотренного подхода идеальный образ военнослужащего конкретизируется в рамках армейской среды в образ человека российской воинской культуры. Этот образ интегрирует в себе гуманистический идеал человека культуры и защитника Отечества, выражая взаимосвязь личности со своей Родиной, его ответственное, бережное отношение к ней, ее культуре, людям.

Направленность процесса воспитания во многом определяется его содержанием, т. е. тем, что предлагается воспитанникам в качестве предмета познания, рассуждения, размышления, преобразования. По мнению С.Н. Лукаша, поиск содержательного наполнения понятия «человек культуры» должен опираться на культурно-историческую педагогическую традицию и на базовые общероссийские ценности. Ученый считает, что именно в данном направлении лежит путь к раскрытию тех идей, которые составляют единую ткань российской культуры, «работают» на целостность, на «российскость» нашей державы, сплачивая нацию в единое целое [7, с. 60–66]. С учетом этого для описания целостного образа человека российской воинской культуры необходимо выделение тех качеств, которые будут характеризовать военнослужащего контрактной службы как члена российского общества и как защитника Отечества.

1. Духовность. В наиболее широком смысле духовность определяется как совокупность духовно-нравственных качеств личности человека, его душевная чистота, мир и гармония во взаимоотношениях с другими людьми. Воспитание духовности предполагает развитие духовных потребностей в познании и самопознании, рефлексии, красоте, общении с родными, друзьями, природой, творчестве и автономии своего внутреннего мира, поиске смысла жизни, счастья, идеала. Основным проявлением духовности человека российской воинской культуры является способность военнослужащих к культурной идентификации, осознанию своей принадлежности к определенной культуре.

2. Нравственность. Одной из основ личности человека российской воинской культуры является его нравственность, представляющая сформированную потребность поступать в соответствии с нормами морали и этики, творить добро и приносить людям благо, защищать их свободу и независимость, даже ценой собственной жизни. Воспитание нравственности связано с формированием знаний морально-нравственных норм общества, воинского социума и стремления к их соблюдению.

3. Гуманность. Гуманность, представляющая собой любовь ко всему живому и в первую очередь к человеку, милосердие, доброту, сочувствие и сопереживание, стремление к миру во всем мире, является по нашему мнению вершиной нравственности. Для воспитания этих качеств у военнослужащих контрактной службы необходима гуманизация форм и методов воспитания военнослужащих, а также наполнение его гуманистическими ценностями. В современных условиях распространения всевозможных форм насилия, агрессии, проявлениями жестокости и бесчеловечности, одним из основ деятельности человека, тем более военного, должна быть гуманность. Специфика воинской деятельности, связанная с применением оружия в отношении других людей, еще больше нацеливает на воспитание у военнослужащих гуманности и нравственности.

4. Созидательность. Успешность человека определяется тем, как человек способен преобразовывать окружающий мир и себя самого, взаимодействовать с другими людьми, с природой, ориентироваться в материальной и духовной жизни. Человек российской воинской культуры – это личность, стремящаяся к преобразованию, обогащению мира вокруг себя, к постоянному совершенствованию и творчеству. Для воспитания такой личности военнослужащего необходимо развитие его способности к преобразованию и жизнетворчеству.

5. Гражданственность. Представляет собой нравственную позицию, выражающуюся в чувстве долга и ответственности перед государством и людьми, осознании своей причастности к жизни Родины, принадлежности к многонациональному государству. Гражданственность выступает в качестве меры социализации военнослужащего как гражданина страны.

6. Патриотизм. Любовь к своему Отечеству у военнослужащих выражается в первую очередь в стремлении соподчинять интересы государства со своими собственными интересами, отдавая предпочтение первым. Помимо

этого важным проявлением патриотизма человека российской воинской культуры является уважение к историческому прошлому своего Отечества, национальным и культурным ценностям его многонационального народа.

Подводя итоги, можно сказать, что в образе человека российской воинской культуры, как воспитательном идеале, объединены наиболее значимые человеческие качества, присущие русскому народу и русскому воину: гуманность, духовность, нравственность, гражданственность, созидательность и патриотизм.

Разумеется, образ человека российской воинской культуры это лишь одна из граней индивидуально-личностной культуры человека, позволяющая военнослужащему найти свое место в общей культуре, в целостном образе человека культуры. При этом данный подход позволяет выделить военнослужащего и военную культуру в многообразии культурных достижений человечества. Из данного подхода вырастает понимание задачи воспитания военнослужащего как развития человека в человеке, формирования его духовных, творческих сил, духовно-нравственных и других качеств, необходимых для становления (воспитания) настоящего воина – защитника Отечества, ответственного за судьбу своей Родины и ее будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Л. В. К.Д. Ушинский о педагогических правилах воспитания человека / Л. В. Алиева. – Текст : электронный // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2014. – № 2 (17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-d-ushinskiy-o-pedagogicheskikh-pravilah-vospitaniya-cheloveka> (дата обращения: 30.04.2022).

2. Амонашвили, Ш. А. Паритеты, приоритеты и акценты в теории и практике образования / Ш. А. Амонашвили, В. И. Загвязинский. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 11–16.

3. Бермус, А. Г. Онтологический поворот в науках об образовании / А. Г. Бермус. – Текст : электронный // Непрерывное образование: XXI век. – 2013. – № 2. – URL: <http://1121.petsu.ru/journal/article.php?id=2081> (дата обращения: 30.04.2022).

4. Богуславский, М. В. Историко-педагогическое измерение современного российского образования / М. В. Богуславский. – Текст : непосредственный // Проблемы и перспективы развития современного образования в контексте его историко-педагогической интерпретации : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXIII Сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО / под ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой. – Волгоград : Редакционно-издательский центр ВГАПО, 2020. – С. 24–30.

5. Бондаревская, Е. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич. – Ростов н/Д., 1999. – 560 с. – Текст : непосредственный.

6. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – М. : Просвещение, 2013. – 26 с. – Текст : непосредственный.

7. Лукаш, С. Н. «Российскость» как базовая парадигма человека культуры / С. Н. Лукаш. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (105). – С. 60–66.

8. Об организации военно-политической работы в Вооружённых Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404. – URL: <http://www.base.garant.ru/72713628> (дата обращения: 30.04.2022). – Текст : электронный.
9. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / сост. С. Ф. Егоров. – М., 1988. – 415 с. – Текст : непосредственный.
10. Фрейд, З. Бесстрашие истины : [пер. с нем.] / З. Фрейд ; вступ. ст., сост. С. Капелуш, А. Литвинов. – М. : Вагриус, 2006. – 512 с. – Текст : непосредственный.
11. Шубинский, В. С. Педагогика творчества учащихся / В. С. Шубинский. – М. : Знание, 1988. – 80 с. – Текст : непосредственный.
12. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations / S. P. Huntington. – 1996. – 368 p.
13. Ney, J. Soft power: means to success in World Politics / J. Ney // New York: Public Affairs Group, 2004. – 29 p.

REFERENCES

1. Alieva L. V. K.D. Ushinskiy o pedagogicheskikh pravilakh vospitaniya cheloveka [K.D. Ushinsky on the pedagogical rules of human education]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = National and Foreign Pedagogy*, 2014, № 2 (17). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-d-ushinskiy-o-pedagogicheskikh-pravilah-vospitaniya-cheloveka>. (In Russian).
2. Amonashvili Sh. A., Zagvyazinskiy V. I. Paritety, priority i akcenty v teorii i praktike obrazovaniya [Parities, priorities and accents in the theory and practice of education]. *Pedagogika = Pedagogy*, 2000, No. 2, pp. 11–16. (In Russian).
3. Bermus A. G. Ontologicheskii povорот v naukakh ob obrazovanii [The ontological turn in the educational sciences]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Continuing Education: 21st Century*, 2013, No. 2. Available at: <http://lll21.petsu.ru/journal/atricle.php?id=2081>. (In Russian).
4. Boguslavskiy M. V. Istoriko-pedagogicheskoe izmerenie sovremennogo rossiyskogo obrazovaniya [Historical and pedagogical dimension of modern Russian education]. *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennogo obrazovaniya v kontekste ego istoriko-pedagogicheskoy interpretatsii. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – XXXIII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki RAO = Problems and prospects for the development of modern education in the context of its historical and pedagogical interpretation. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference – XXXIII session of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education, Volgograd, Publishing Centre of VSAPE, 2020, pp. 24–30.*
5. Bondarevskaya E. V., Kulnevich S. V. Pedagogika: lichnost v gumanisticheskikh teoriyakh i sistemakh vospitaniya [Pedagogy: Personality in Humanistic Theories and Education Systems]. Rostov-on-Don, 1999. 560 p.
6. Danilyuk A. Ya. Kontsepciya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii [The Concept of Spiritual and Moral Development and Education of the Personality of a Citizen of Russia]. M., Prosveshchenie, 2013. 26 p.
7. Lukash S. N. «Rossijskost'» kak bazovaya paradigma cheloveka kultury ["Russian-ness" as a basic paradigm of human culture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 2016, No. 1 (105), pp. 60–66. (In Russian).

8. Ob organizatsii voenno-politicheskoy raboty v Vooruzhyonnyh Silakh Rossijskoy Federatsii: prikaz Ministra oborony RF ot 22 iyulya 2019 g. № 404 [On the organization of military-political work in the Armed Forces of the Russian Federation: Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of July 22, 2019, No. 404]. Available at: <http://www.base.garant.ru/72713628>. (In Russian).

9. Ushinskiy K. D. Pedagogicheskie sochineniya v 6-ti tomakh [Pedagogical Essays in 6 Volumes]. M., 1988, vol. 1. 415 p.

10. Freud S. Besstrashie istiny [The Fearlessness of Truth]. M., Vagrius, 2006. 512 p.

11. Spubinskiy V. S. Pedagogika tvorchestva uchashchikhsya [Pedagogy of Student Creativity]. M., Znanie, 1988. 80 p.

12. Huntington S. P. The Clash of Civilizations. 1996. 368 p.

13. Ney J. Soft power: means to success in World Politics. New York, Public Affairs Group, 2004. 29 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шидов, А. З. Человек российской воинской культуры как идеал воспитания военнослужащих контрактной службы / А. З. Шидов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 53–60.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shidov A. Z. A Person of Russian Military Culture as an Ideal for Upbringing of the Contract Service Militaries / A. Z. Shidov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 53–60. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (470.6)

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ. ЧАСТЬ 5. ЗАМИРЕНИЕ АРГУНСКИХ ГОРЦЕВ (ЛЕТНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1858 г.)

А.А. Головлёв

GENERAL NIKOLAY IVANOVICH EVDOKIMOV AND CHECHNYA. PART 5. PACIFICATION OF THE ARGUNIAN HIGHLANDERS (SUMMER EXPEDITION 1858)

A.A. Golovlyov

Аннотация. Пятая часть из серии статей о генерале Н.И. Евдокимове посвящена событиям, происшедшим в августе–сентябре 1858 г. в горах Чечни и завершившим второй этап плана командующего русскими войсками, связанного с замирением аргунских горцев. Показано, как с появлением войск Н.И. Евдокимова в Шатоевской долине, происходило развитие процесса добровольного вхождения чеченских горных обществ в состав России. Рассмотрены объективные предпосылки, обусловившие масштабный переход аргунских горцев из-под власти имама Шамиля в русское подданство. Подчеркивается ключевая роль Н.И. Евдокимова в замирении аргунских горцев, который по отношению к ним применял не военные, а дипломатические методы. Отмечено, что при Н.И. Евдокимове стало организовываться новое административное управление в покорившихся горских обществах, с учётом местных порядков и обычаев. Общим итогом действий Н.И. Евдокимова в августе–сентябре 1858 г. стало окончательное отпадение от имамата западных и центральных районов горной Чечни.

Abstract. The fifth part of a series of articles about General N.I. Evdokimov is devoted to the events that took place in August–September 1858 in the mountains of Chechnya and completed the second stage of the plan of the commander of the Russian troops associated with the pacification of the Argunian highlanders. It's shown how, with the appearance of N.I. Evdokimov's troops in the Shatoevskaya Valley, the process of voluntary entry of Chechen mountain ethnic societies into Russia took place. The objective prerequisites that caused large-scale transition of the Argunian highlanders from the power of Imam Shamil to Russian citizenship are considered. The key role of N.I. Evdokimov in the pacification of the Argunian highlanders who used not military but diplomatic methods is emphasized. It's noted that under N.I. Evdokimov, a new administrative management began to be organized in the conquered mountain ethnic societies taking into account local orders and customs. N.I. Evdokimov's actions in August–September 1858 resulted in the final fall from the imamate of the western and central regions of mountainous Chechnya.

Ключевые слова: генералы Н.И. Евдокимов и П.И. Кемферт, имам Шамиль, наибы Батока и Кази-Магома, Чечня, замирение, аргунские горцы.

Keywords: Generals N.I. Evdokimov and P.I. Kemfert, Imam Shamil, Batoka and Kazi-Magoma naibs, Chechnya, pacification, Argunian highlanders.

События, произошедшие в горах бассейна р. Аргун после вхождения русских войск в августе 1858 г. в Шатоевскую долину, в трудах национальных историков характеризуются неохотно и вскользь. Данное обстоятельство можно связать с тем, что события эти плохо вписываются в канву идеологемы об антиколониальной борьбе чеченского народа против русского царизма, внедрённой в советское время и вполне устраивающей и теперь многих грозненских историков. Для них предпочтительнее муссировать темы, льстящие обострённому национальному самолюбию и связанные с победами войск имама Шамиля и его предшественников над царскими войсками, писать об антирусских и антисоветских восстаниях, создавать образы мужественных и суровых, но вместе с тем благородных и великодушных борцов за независимость, несгибаемых и стойких народных вождей, и на их героических примерах исподволь воспитывать поколения идейных последователей, праведных воителей для новых битв с «империей»¹. Всё это в совокупности позволяет считать, что обстоятельное освещение событий, происходивших в горах Чечни в конце летней (1858 г.) экспедиции ген.-л. Н.И. Евдокимова, не только целесообразно, но и актуально.

После занятия русскими войсками Чанты-Аргунского ущелья и их вступления в самый центр Шатоевского общества², ген.-л. Н.И. Евдокимов приступил к выполнению заключительной части второго этапа своего плана, а именно, к замирению аргунских горцев. Практически бескровное замирение чеченского населения, жившего в верхних частях бассейнов Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, состоялось в августе–сентябре 1858 г.

Несколько раньше, в начале июля 1858 г., ген.-л. Н.И. Евдокимов, пройдя с войсками через труднодоступный горно-лесной пояс Чечни к аулу Малые Варанды, и встреченный его жителями дружелюбно, писал: «Не решаюсь еще говорить слишком много об этом обстоятельстве, но пример этот может распространиться далеко» [3, с. 1090]. Осторожное предположение Н.И. Евдокимова о том, что пример, показанный маловарандинцами, может повториться и в других местах Шатоевского общества, вскоре подтвердилось. Как мы уже знаем [1], жители чеченского аула Зонах добровольно признали русскую власть. Однако то, что произошло позднее в центре Шатоевского общества, а вслед за ним и в других этнических обществах Чечни, населявших горы в бассейнах рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргун, вряд ли ожидал даже Н.И. Евдокимов. Как только русские войска прорвались

¹ Народными предводителями могут быть кьонахий (кьонахой) и баьччий (баьччанаш). Кьонах – славный, достойный сын народа, посвятивший ему свою жизнь; молодец, удалец. Баьчча – вождь, военачальник. В восхвалении подвигов чеченцев в войнах с Россией, приукрашивании и мифологизации образов народных героев (особенно представителей своего родного бенойского тайпа) в 90-е гг. XX в. преуспел историк Д.А. Хожаев.

² См. четвертую часть из серии наших статей [1]. Отметим здесь, что Шатоевское общество, в случае необходимости, выставляло в войско имама Шамиля более 1 000 вооружённых пеших и конных воинов, а в обычное время – до 600 вооружённых воинов [2].

в самое «сердце» Шатоевского общества, в аргунских горах Чечни, по существу, вспыхнуло антишамилевское восстание.

Первые признаки неблагополучия для власти имама Шамиля проявились ещё в ходе боя за стратегически важную для обороны Шатоевской долины позицию на Большеварандинских высотах (г. Саюн-Дук). После вступления русских войск в Шатоевскую долину выяснилось, почему горцы без упорного боя уступили столь крепкую для обороны позицию [4]. Оказывается, в отсутствие имама Шамиля (который выступил в поход в Малую Чечню, намереваясь через аул Ачхой прорваться в пределы Назрановского общества) в сборном горском войске произошёл раздор между местными и пришлыми защитниками Шатоевского общества: чеченцами и тавлинцами.

Раздор в сборном горском войске по национальному признаку был вызван социально-экономическими причинами. Имам Шамиль, приведя защитников Шатоевского общества к присяге на газават, отправился в дальний поход, будучи уверенным в согласии и дружбе внутри горского воинства. Однако «...голодные тавлинцы думали и действовали иначе: не придавая никакого значения этому газавату, и даже не понимая его смысла, они были рады лишь случаю жить и кормиться на чужой счет, выказывая ко всему остальному – в особенности, к жертвам в пользу чеченцев – полнейшее равнодушие» [4, с. 526].

Тавлинские воины оказывались голодными по следующей причине. Воинам-чеченцам приходилось разрываться надвое: не только держать оборону от русских войск, но и посещать и обеспечивать свои семьи, укрывшиеся в глубине лесов. Оставляя на некоторое время тавлинских воинов без должного пропитания и без должной боевой поддержки, чеченцы, тем самым, вызывали неудовольствие к себе со стороны пришлых защитников. Социально-экономические неурядицы привели к политическим разногласиям. Поэтому тавлинцам стало безразлично, победят ли чеченцы русских, или потерпят от них поражение.

Как сообщает Н.А. Волконский [4, с. 526], 30 июля 1858 г., когда начался обстрел Большеварандинских высот русской артиллерией, «...тавлинцы ещё пели песни вместе с чеченскими мюридами; но когда увидели, что настала минута нешуточная, они первые ретировались, предоставив чеченцам, если желают, отстаивать Саюн-Дук согласно своему усмотрению». Самовольный отход тавлинских отрядов с занимаемых позиций предопределил слабое сопротивление, оказанное наступавшим колоннам русских войск, и бескровное взятие Саюн-Дука, который защищала лишь горстка чеченцев.

Получив приказ ген.-л. Н.И. Евдокимова, авангардная колонна Чеченского отряда ген.-м. П.И. Кемферта (4 пехотных батальона, при 4 горных орудиях), в полночь на 1 августа 1858 г. начала переправляться на правый берег Чанты-Аргуна. Однако перейти через реку по цогунойскому мосту, наскоро отремонтированному сапёрами инженер-капитана И.К. Рыпинского, сумели только три пехотных батальона (4-й Куринский, 1-й Навагинский и 1-й Виленский) под командой флигель-адъютанта, полк. М.И. Черткова. Заняв без боя двумя

батальонами неприятельские завалы, М.И. Чертков тут же направил 1-й Виленский батальон вниз по правому берегу Чанты-Аргуна для обозрения местности, по которой предстояло проложить колёсную дорогу к укр. Зонах¹. Командующий передовой колонной П.И. Кемферт со 2-м Куринским батальоном, оставшимся из-за обрушения цогунойского моста на левом берегу Чанты-Аргуна, 2 августа переправился через реку на вьючных лошадях. Приняв начальство над всей своей колонной, П.И. Кемферт занял неприятельский редут, устроенный для трёхорудийной батареи. В то же время с обоих берегов Чанты-Аргуна, началось возведение нового цогунойского моста. Несмотря на проливной дождь, к утру 3 августа мост был переброшен через реку, а к вечеру полностью введён в строй. В этот же день колонна П.И. Кемферта занималась разработкой дороги к укр. Зонах. На другой день, 4 августа, Н.И. Евдокимов переправил по новому мосту главные силы Чеченского отряда на правый берег Чанты-Аргуна. Войска, находившиеся в засеке между аулами Малые и Большие Варанды (2-й Навагинский батальон и рота 20-го стрелкового батальона) были направлены в укр. Зонах для прокладки колёсной дороги к урочищу и аулу Гакко². На левом берегу Чанты-Аргуна остался только 3-й Навагинский батальон (при 2 горных орудиях штабс-капитана Ф.Г. Кнорринга) для защиты моста. Чеченский отряд стал лагерем на нижнем уступе обширной поляны, протянувшейся на несколько вёрст по правому берегу оврага Верды-Ахк. В ближайшем к русскому лагерю аулу Гакко, сожжённом тавлинцами перед отступлением, П.И. Кемферт выставил сильные аванпосты с горными орудиями [2; 4; 5].

Пример, показанный жителями аулов Малые Варанды и Зонах, с вступлением русских войск на правый берег Чанты-Аргуна, начал распространяться в центре Шатоевского общества. По свидетельству Н.А. Волконского, с рассветом 1 августа, когда начальник Чеченского отряда ген.-л. Н.И. Евдокимов едва только расположился со своим штабом на правом берегу Чанты-Аргуна в урочище Гакко, в ставку командующего войсками «...явились некоторые жители ближайших к урочищу аулов, изъявляя покорность и прося принять их в подданство России» [4, с. 533]. При этом чеченцы заявили, что их примеру готовы последовать многие жители аулов и хуторов, но их переход из-под власти имама Шамиля возможен только под прикрытием русских войск.

¹ Устройство колёсной дороги из Шатоевской долины до укр. Зонах Н.И. Евдокимов считал делом первейшей важности. Во-первых, дорога эта значительно сокращала расстояние: от Зонаха по правой стороне ущелья Чанты-Аргуна до позиции ген.-м. П.И. Кемферта в Шатоевской долине было 8 вёрст, тогда как от Зонаха к аулу Малые Варанды и далее по левой стороне ущелья – 13 вёрст. Во-вторых, путь по правой стороне ущелья был вполне обеспечен от нападений крупных отрядов неприятеля большой крутизной и обрывистостью склонов. Только в полуверсте выше Зонаха имелось место, удобное для спуска крупных сил противника к будущей дороге, но здесь при движении транспорта предполагалось выставлять особый караул [2].

² Не следует путать аул Гакко (= Гаку, Гукой, Гахой, Хаккой), бывший на правой стороне Чанты-Аргуна в том месте, где теперь находится с. Шатой, с современным селением Хаккой на левой стороне Чанты-Аргуна.

Приняв покорность шатоевских чеченцев и поверив их заявлению, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал флигель-адъютанту, полк. М.И. Черткову с колонной из 2 пехотных батальонов (при 2 горных орудиях) немедленно выступить навстречу жителям, желающим переселиться на занятую русскими войсками территорию. Колонна М.И. Черткова, подойдя к ближайшему чеченскому аулу, состоявшему из 20 саклей, попала под обстрел неприятеля. Нападение отразили орудийным огнём; неприятель смолк. Воспользовавшись временным затишьем, жители аула посадили в арбы свои семейства, и под охраной русских войск выехали к Гакко. В это время неприятель снова открыл пальбу, как по русским орудиям, так и по арбам с чеченскими семьями. Батальоны ответили ружейным огнём, а орудия выстрелили несколькими гранатами. Транспорт с переселенцами благополучно прибыл в Гакко. В лагере русских войск переселенцы угощались сухарями, а солдаты попробовали каменные горские чуреки¹.

Переселение жителей небольшого шатоевского аула к русскому военному лагерю положило начало важному политическому процессу, инициированному самими чеченцами, и заключавшемуся в массовом добровольном переходе аргунских горцев из-под власти имама Шамиля в русское подданство. Замирение аргунских горцев принципиально отличалось от замирения жителей Большой Чечни (зимой 1857 г.) и жителей нагорной части Малой Чечни (весной 1858 г.) именно тем, что оно инициировалось не ген.-л. Н.И. Евдокимовым, а самими чеченцами. Аргунские горцы, начиная процесс добровольного замирения с русскими, руководствовались своими собственными, общенародными интересами, и не испытывали при этом никакого давления со стороны Н.И. Евдокимова.

Разумеется, что решающее значение для аргунских горцев в их стремлении замирились с русскими имел сам факт появления Чеченского отряда ген.-л. Н.И. Евдокимова в Шатоевской долине. Русские войска, успешно завершившие боевые действия в ущелье Чанты-Аргуна и вступившие в Шатоевскую долину, создали качественно новую военно-политическую ситуацию, при которой аргунские горцы получили реальный шанс окончить войну и замирились. Если бы войска Н.И. Евдокимова не вошли в Шатоевскую долину, то не известно ещё, как долго чеченцам пришлось бы мириться с властью деспотичного дагестанского имама, и как долго ещё продержался имамат Шамиля. При первом появлении русских войск в Шатоевском обществе, в стане горцев сразу же обнажились существовавшие с давних пор глубокие внутренние (межнациональные и социально-экономические) противоречия, пребывавшие в вялотекущем состоянии и нейтрализуемые силой власти и личным авторитетом имама Шамиля.

В рапорте, составленном 8 сентября 1858 г., когда аргунские горцы уже замирились, ген.-л. Н.И. Евдокимов [6, с. 1110] так объяснял причины, повлиявшие на их готовность перейти в русское подданство: «Когда Чеченский

¹ Каменные горские чуреки – скорее всего это то, что чеченцы называют словом сискал (кукурузная лепёшка). Тесто из кукурузной муки, замешанное на воде, делает лепёшки весьма твёрдыми и долговечными. Поэтому чеченцы, уходя надолго из дому (например, в военный поход), брали с собой не скоропортящиеся сискалы.

отряд вышел на Шатоевскую долину, пробившись через лесные хребты, которые ограждают ее сплошным поясом дебрей в 25 верс. ширины, жители поняли, что дело кончено, что сопротивление еще может длиться, но только для их собственной гибели и без надежды на успех; затаенная их вражда к насилию, установленному мюридизмом и поддерживаемому Тавлинцами, вспыхнула вдруг. Тщетно Шамиль рассылал по племенам этой части гор энергические послания, обещая им помощь, победу и рай: население уже не верило ему».

В то время, когда русские войска ещё только закреплялись в Шатоевской долине, из бесславного похода к назрановцам и карабулакам вернулся со своей кавалерией имам Шамиль. Прикрываемый двумя орудиями, 4 августа 1858 г. он расположился лагерем на лесной опушке за оврагом Верды-Ахк, вне досягаемости для действия русской артиллерии. Оценив обстановку, в полдень того же дня имам приказал отступать: горское войско двинулось вверх по левому берегу оврага Верды-Ахк. Каждое неприятельское орудие тащили 4 белые лошади [4]. По приказу ген.-л. Н.И. Евдокимова, 2 лёгких орудия и 2 полупудовые мортиры открыли огонь по отступавшим горцам. После отхода войска противника, Чеченский отряд получил долгожданную передышку, и на короткое время в русском лагере воцарилась относительно спокойная жизнь.

По свидетельству К. Дидимова [7, с. 280], имам Шамиль, не желая допустить перехода шатоевцев на сторону русских, «...начал силою выгонять их из аулов со всем имуществом, и заставлял следовать дальше вглубь гор; потом, чтобы не желающие этого не могли украдкой уйти обратно в свои аулы, он приказал таковые жечь, а посеы потоптать». По приказанию имама, у шатоевцев, заподозренных в бегстве к русским, тавлинцы отбирали силой скот и имущество. Однако несмотря на все усилия, увести за собой шатоевцев не удалось: большая их часть с имуществом и стадами спряталась в окрестных лесах.

Если зимой и весной 1858 г. войска ген.-л. Н.И. Евдокимова разорили несколько чеченских аулов, расположенных в низовьях Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, оказавших сопротивление или служивших местом сбора неприятельских сил, то летом того же года уже воины имама Шамиля в Шатоевском обществе сожгли немало чеченских аулов за переход их жителей к русским или отказ уходить из родных мест вглубь гор вместе с отступавшим войском имама.

В журнале военных действий от 11 августа 1858 г. [2] показаны и другие важные события, произошедшие 4 августа. В этот день ген.-л. Н.И. Евдокимов выбрал место для строительства главной русской твердыни в аргунских горах Чечни¹. Кроме того, в Чеченский отряд из дальнего похода на плоскость Чечни, в Назрановское и Галашевское общества, вернулась кавалерия начальника Чеченского округа полк. П.Г. Беллика (4-я и 5-я сотни Кизлярского полка, 1/2 сотни Моздокского полка и горская милиция). В отсутствие кавалерии П.Г. Беллика, в Чеченском отряде Н.И. Евдокимова находилась только сотня сунженских казаков под командой есаула Баскакова.

¹ Будущая Шатоевская крепость (= Шатоевское укрепление).

Работы по строительству колёсной дороги между Зонахом и Шатоевской долиной производились 5 и 6 августа. К прокладке дороги подключились 5-й Куринский батальон и 5-я рота Куринского полка. Всего в сооружении дороги участвовало 19 рот пехоты, которая базировалась в трёх временных лагерях.

Одновременно с прокладкой дороги, колонной полк. А.А. Баженова было начато устройство просеки через густой лес, покрывавший подножие горы Гаккой-Лам (= Хаккой-Лам, на современных картах – Хайкалам, 1830,9 м). По этой просеке с богатых пастбищ Хаккой-Лама ген.-л. Н.И. Евдокимов предполагал для нужд кавалерии доставлять отличное сено.

Сопровождаемый кавалерией, утром 6 августа ген.-л. Н.И. Евдокимов совершил рекогносцировку на г. Хаккой-Лам, с вершины которой открылась величественная горная панорама: покрытый вечными снегами огромный хребет¹, ущелья Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна вплоть до самых верховьев. По берегам Шаро-Аргуна виднелись аулы Чеберлоевского общества. С вершины горы был виден лагерь войска имама Шамиля, расположенный возле аула Юкери-Кале (= Юкерч-Келой). В горском лагере насчитали до 80 палаток и 2 орудия.

Имам Шамиль тоже заметил русскую кавалерию на Хаккой-Ламе. Взяв с собой шатоевских заложников и большое количество шатоевского скота, имам покинул позицию у Юкерч-Келоя и перешёл за Шаро-Аргун, в Чеберлоевское общество, где принялся строить оборонительные завалы.

Далее ген.-л. Н.И. Евдокимов сообщал следующее: «Лишь только Шатоевцы увидели, что Тавлинцы оставляют их и что мы намерены твердо упрочиться в занятом нами крае, то тотчас прислали ко мне депутатов с предложением покорности и с просьбой о дозволении поселиться на местах бывших своих аулов, которых большая часть была сожжена Тавлинцами» [2, с. 1099].

В связи с просьбой шатоевцев, ген.-л. Н.И. Евдокимов направил 7 августа к аулу Вашиндарой колонну полк. А.А. Баженова (вся кавалерия отряда, 4-й Тенгинский, 1-й Виленский батальоны, 2 роты 1-го Навагинского батальона, рота 20-го стрелкового батальона и рота сводно-линейного полубатальона – всего 3 пехотных батальона, при 4 горных орудиях). Колонна А.А. Баженова прикрыла чеченцев, переселявшихся из лесных убежищ и вывозивших оттуда в родной аул личное имущество. Для защиты переселенцев от возможных нападений тавлинских партий, А.А. Баженов оставил в засеке близ Вашиндароя 1-й Виленский батальон и стрелковую роту с 2 горными орудиями.

Поскольку население Памятя, Сатты, Юкерч-Келоя, Хали-Кале (= Хал-Келой) и других шатоевских аулов обратилось с просьбой к ген.-л. Н.И. Евдокимову прислать войска для их прикрытия от тех тавлинских партий, которые ещё не покинули Шатоевское общество, колонна полк. Д.С. Наумова (вся кавалерия отряда, 4-й Тенгинский и 4-й Куринский

¹ Пограничный с Тушетией и Хевсуретией высокогорный Боковой хребет.

батальоны, 2 роты 1-го Навагинского батальона, рота 20-го стрелкового батальона) была направлена к аулу Юкерч-Келой, где заняла бывшую позицию войска имама Шамиля. Чеченцы, полагаясь на возможную поддержку находившейся рядом с ними колонны русских войск, напали 7 августа на партию тавлинцев, и отбили у них свой скот и нескольких своих соотечественников, взятых в заложники. В ходе жаркого боя многих тавлинцев порубили и потопили в реке. Одного раненого в схватке шатоевца доставили в русский лагерь к военному медику [2; 6].

Согласно К. Дидимову [7], когда Чеченский отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова вполне уже закрепился в Шатоевской долине, со всех окрестных гор и лесов в русский лагерь устремились чеченцы; они просили защиты для безопасного возвращения в свои родные аулы, превращённые имамом Шамилём в пепельные кучи. Однако имам, даже отступая, с помощью тавлинцев следил за уходящими от него шатоевскими чеченцами, и жестоко их преследовал. Тем не менее, чеченские перебежчики не переставали приходить в русский лагерь.

Как писал К. Дидимов, чеченцы, перешедшие с окрестных гор и лесов в места своего бывшего проживания в Шатоевской долине под охраной русских войск, видели уже в русских не врагов, а защитников от имама Шамиля. Шатоевские чеченцы «...были смелы, веселы, свободно ходили и деятельно производили торговлю между нашими войсками... Чеченки не менее их были смелы и свободно, даже без мужчин, ходили по лагерям и продавали орехи, масло, яйца и другие жизненные припасы... Каждый день непрерывные вереницы Чеченцев и Чеченок тянулись в лагерь и из оногo» [7, с. 281]. За короткое время шатоевцы так свыклись с русскими, что стали с ними почти кунаками. В адрес имама Шамиля и тавлинцев шатоевцы посылали ругательства и проклятия¹.

Убедившись, что неприятель полностью очистил ближайшую к аулу Гакко территорию, ген.-л. Н.И. Евдокимов 8 августа отозвал все войска из-под Вашингароя и часть войск (всю кавалерию и 4-й Куринский батальон) из-под Юкерч-Келоя. Остальные войска из колонны полк. Д.С. Наумова остались на прежней позиции вблизи Юкерч-Келоя, «...так как жители, встревоженные притеснениями и грабительством войск Шамиля...», просили Н.И. Евдокимова не оставлять их аулы без прикрытия [2, с. 1099].

¹ Описанные очевидцем события, наблюдавшиеся в Шатоевской долине и лагере русских войск, как и последующие события в аргунских горах Чечни, в совокупности своей свидетельствуют о доминирующем мирном характере действий ген.-л. Н.И. Евдокимова при занятии края. Реальный характер действий Н.И. Евдокимова в аргунских горах Чечни разительно отличается от мнимого, рисуемого современными грозненскими авторами [8] идеологизированного и вполне стереотипного для национальных историков представления о том, что ген.-л. Н.И. Евдокимов по отношению к горцам Северного Кавказа якобы применял только силу и действовал очень жёсткими, а зачастую и жестокими методами. О том, что Н.И. Евдокимов использовал не только военную силу, сообщает Р.А. Фадеев: после взятия Чеченским отрядом Большеварандинской позиции «... началось мирное покорение Аргунского края...» [9, с. 197], с наступательными движениями русских войск, но без боя.

Одновременно с переселенческой деятельностью, 7 и 8 августа русские войска продолжали строить дорогу между укр. Зонах и Шатоевской долиной, а утром 9 августа, после совершения священником Чеченского отряда молебствия с водоосвящением, состоялась закладка будущей крепости [2].

Сухие, лаконичные строки из журнала военных действий ген.-л. Н.И. Евдокимова [2] никак не передают той атмосферы, в которой происходила закладка будущей Шатоевской крепости. Поэтому обратимся к воспоминанию Н.А. Волконского [4], описавшего торжественную церемонию закладки крепости.

Русский военный лагерь в урочище Гакко пришёл в движение с раннего утра. Солдаты переоделись в свои изношенные во время экспедиции полукафтаны. Офицеры достали из вьюков форменные шаровары. В ротах готовилось скромное праздничное угощение, разносились вёдра спирта. Денщики бегали к маркитанту с флягами и бутылками. В полдевятого утра Чеченский отряд построился впереди лагеря. Из ставки вышел начальник отряда ген.-л. Н.И. Евдокимов. Началось богослужение. Далее Н.А. Волконский [4, с. 542] писал: «По возгласении многолетия Государю Императору и Августейшей Фамилии, сопровождавшемся усердным и многократным ура! всех войск, генерал Евдокимов поблагодарил отряд за его доблести и, дойдя до левого фланга, где все было приготовлено для совершения церемонии – закладки укрепления, своеручно положил первый камень в основание его». С 10 августа началась непрерывная, размеренная и монотонная работа по возведению крепости. Спокойная оперативная обстановка, возобладавшая в Шатоевской долине, позволила Н.И. Евдокимову выехать из Чеченского отряда на несколько дней (до 13 августа), назначив вместо себя начальником отряда ген.-м. П.И. Кемферта [4].

Потерпев поражения на плоскости Малой Чечни, в Назрановском и Галашевском обществах, а также под шатоевскими аулами Большие Варанды и Гакко, имам Шамиль покинул своё войско и удалился в Ведено. Имам понимал, что военные поражения и обманутые ожидания скорее вызовут у горцев раздражение, чем сочувствие. Действительно, когда из дальнего похода в родные аулы вернулись живыми далеко не все воины, и горские матери стали оплакивать своих погибших сыновей, то в отношении имама Шамиля в массе чеченцев раздражение быстро переросло в полнейшее негодование [4]. Именно поэтому имам благоразумно переехал в укреплённый аул Ведено, назначив командовать горским войском своего сына Кази-Магому.

События, определившие переход аргунских горцев из-под власти имама Шамиля в русское подданство, проанализировал Н.А. Волконский [4].

Несмотря на то, что присягу в верности имаму Шамилю аргунские горцы давали уже раз сто, поселившийся в Ведено имам принялся рассылать многочисленные воззвания, в которых красноречиво и горячо увещевал и обнадеживал шатоевцев, желая хоть как-то остановить падение своего влияния. Однако чеченцы поняли, что власть имама становится бессильной, и среди них

нашлись люди, которые ради своих личных, а затем и общественных интересов, «...начали пропагандировать против мюридизма, давившего их столько лет, во имя газавата, в лице немногих избранных» [4, с. 563]. Прослойка этих избранных, в том числе состоявшая из тавлинских наибов и кадиев, поставленных имамом над чеченскими обществами и аулами, жила безбедно в имамате. Существовая за счёт нещадно эксплуатируемого населения, горская элита долгое время служила незыблемой опорой и проводником политики имама Шамиля.

Осознав, что пламенные воззвания ни к чему не привели, имам Шамиль изменил тактику, приказав Кази-Магоме применять к чеченцам меры силового воздействия с помощью отрядов тавлинцев. Стремясь заставить аргунских горцев не уходить к русским, а воевать с ними, тавлинцы забирали в чеченских аулах заложников. При отказе в выдаче, их уводили насильно. Захвату заложников способствовали тавлинские наибы и другие ставленники имама на местах. Чеченцы, состоявшие в отряде Кази-Магомы и узнавшие о захвате тавлинцами заложников, покинули отряд и устремились в аулы защищать свои семейства. В отряде Кази-Магомы остались одни тавлинцы. В итоге запущенные веденскими воззваниями имама Шамиля события привели к тому самому побоищу тавлинского отряда, которое 7 августа учинили шатоевцы на Шаро-Аргуне, отбивая захваченный скот и уводимых в неволю заложников. Действия имама определили результат, обратный желаемому: аргунские горцы окончательно порвали с прежней властью и стали массово переходить в русское подданство.

Аргунские горцы, бывшие ещё вчера на стороне имама Шамиля, переход в русское подданство начали крайне осторожно. Н.А. Волконский [4, с. 565] сообщал: «И вот, общества стали посылать с повинною сперва одиночных. Те, с замиранием сердца, начали являться в Шатой к генералу Кемферту, который, за отсутствием командующего войсками, исполнял его обязанности, и рассыпались перед ним в такой бесконечной преданности, о которой, по-видимому, у нас и понятия не имеют». Каждый чеченский депутат был принят ген.-м. П.И. Кемфертом радушно и миролюбиво, с гарантией личной безопасности. Известие о столь радушном приёме быстро разнеслось по горским аулам – и десятки их представителей стали прибывать к генералу чуть ли не ежедневно.

По воспоминанию Н.А. Волконского, 11 или 12 августа 1858 г. к ген.-м. П.И. Кемферту прибыли депутаты из нескольких шаро-аргунских аулов. Депутаты «...просили принять их покорность и защитить в этом случае от Кази-Магомы, который сидит у них на шее» [4, с. 566]. П.И. Кемферт с отрядом (2¹/₂ батальона пехоты, 5 сотен кавалерии, при 4 орудиях) двинулся к лагерю Кази-Магомы на Шаро-Аргуне. Чеченцы провели русский отряд кратчайшим путём и вывели его к обрыву реки, с которого тавлинский лагерь был виден, как на ладони. Войска открыли по неприятелю ружейно-артиллерийский огонь. К обстрелу тавлинцев подключились и многие чеченцы. Бросая убитых и раненых, противник разбежался. Возвращаясь на прежнюю позицию у аула Гакко, П.И. Кемферт оставил для прикрытия жителей аула Хал-Келой от возможных диверсий Кази-Магомы отряд полк. Д.С. Наумова (2 батальона пехоты) [6].

Важное событие произошло утром 14 августа, когда ген.-л. Н.И. Евдокимов уже вернулся в свою ставку. К нему пожаловала депутация старшин Шатоевского общества, возглавляемая кадием Сураипом-эффенди [4; 6]. Шатоевская депутация изъявила покорность, выдала заложников «...и усердно просила – дать возможность обществу заявить на деле всю свою преданность русскому правительству и полное отторжение от Шамиля, против которого, по заявлению депутации, не дрогнет рука ни одного шатоевца» [4, с. 567]. Оказав должное внимание старшинам, Н.И. Евдокимов принял покорность Шатоевского общества и возложил на бывшего кадия обязанность по поддержанию спокойной обстановки на территории вверенного ему общества.

Приветливый и доверительный приём, оказанный шатоевским депутатам генералами П.И. Кемфертом и Н.И. Евдокимовым, привёл к тому, что в Чеченский отряд стали приходиться и изъявлять покорность старшины и жители дальних чеченских аулов. Так, 15 августа, в ставку командующего войсками с изъявлением покорности и готовностью предоставить заложников явился старшина Чантийского общества Дуга¹. Кроме того, он просил Н.И. Евдокимова поддержать Чантийское общество в готовящемся восстании против власти имама

¹ В рапорте Н.И. Евдокимова он фигурирует как старшина Дуга [6]. Ш.А. Гапуров и А.А. Романов [8] называют его наибом Дубой (с. 45). На самом деле, в Чантийском обществе не было наиба Дубы, а был старшина Дуга, которого знал Н.А. Волконский [4]. В 1845 г. Дуга громил войска князя М.С. Воронцова в Дарго, и лишился там глаза, а в 1858 г. он уже воевал вместе с русскими против имама Шамиля. Попутно отметим и некоторые другие фактические неточности, и ошибки, содержащиеся в статье [8]. В ней (с. 40) приведена цитата из публикации Я.А. Гордина о необразованности Н.И. Евдокимова, выслужившегося из нижних чинов и ненавидевшего горцев. Мнение о ненависти к горцам оставим на совести вышеупомянутого автора, но уточним, что из нижних чинов в офицеры вышел не Н.И. Евдокимов, а его отец, происходивший из простого народа и всю свою жизнь отдавший военной службе. Сам же Н.И. Евдокимов всегда тянулся к образованию, и достиг в этом деле немалых успехов, о чём могут свидетельствовать не только написанные им письма, но и подготовленные им многочисленные рапорты и журналы военных действий. В той же статье утверждается, что 15 января 1858 г. ген.-л. Н.И. Евдокимов ещё не начал экспедицию по взятию Аргунского ущелья (с. 41), тогда как, на самом деле, именно 15 января вечером из укр. Бердыкель на штурм ущелья выдвинулась левая колонна войск (состоявшая из передового отряда ген.-м. П.И. Кемферта и резервного отряда ген.-м. Л.П. Рудановского). Неверно и утверждение о том, что до января 1858 г. русские войска никогда не вступали в Аргунское ущелье (с. 42). Приведём, хотя бы, такой факт: в 1839 г. в аулах Дачу-Барзой и Чишки побывал отряд полк. А.П. Пулло, столь нелюбимого Ш.А. Гапуровым и А.А. Романовым, и на которого указанные авторы «повесили» ответственность за массовый переход чеченцев (в том числе, и мирных надтеречных) под знамёна имама Шамиля. Авторы статьи утверждают, что на позиции у Варандоя (то есть аула Большие Варанды) русский отряд едва не был разбит (с. 44), что никак не соответствует действительности. На с. 45 сообщается, что область расселения чантийцев находится на границе с Грузией, что вводит читателя в явное заблуждение. Чантийцы, как и аккинцы, никогда не граничили с Грузией. Чантийская территория по ущелью Чанты-Аргуна отделяется от Грузии территориями чеченских этнических обществ: Хачироевского, Дишнийского, Хилдехароевского, Бавлойского, Терлоевского, Майстинского и Малхистинского. На с. 46 сообщается, что к концу лета 1858 г. Гойтинское и Гехинское общества (96 аулов) признали российскую власть, тогда как, на самом деле, переход малочеченцев в русское подданство и переселение их 96 аулов с гор на плоскость Чечни произошло ещё в апреле 1858 г.

Шамиля и прислать в аул Итум-Кале (резиденцию Гамзата-Хаджи, наиба Чантийского общества) русские войска. Полагаясь на ручательство Дуги, Н.И. Евдокимов 16 августа направил в Итум-Кале 2 сотни Чеченской милиции под начальством Сураипа-эффенди, а вслед за ним послал колонну полк. А.А. Баженова (2¹/₂ батальона пехоты, 4 сотни кавалерии, при 4 орудиях). Поднявшись на гору Туллой-Лам¹, А.А. Баженов, по предварительной договорённости с Дугой и Сураипом-эффенди, сделал два орудийных выстрела, послуживших сигналами к восстанию чантийцев против тавлинского наиба Гамзата-Хаджи.

Чантийцы напали на ставку Гамзата-Хаджи, и перерезали всех его мюридов. Власть ставленника имама Шамиля, преданному ему жестокого и корыстолюбивого наиба² была сброшена, чантийцы захватили пушку и наибский значок. Вечером того же дня в Итум-Кале вступила Чеченская милиция, возглавляемая Сураипом-эффенди, которому чантийцы передали трофеи. Утром 17 августа к Сураипу-эффенди, поселившемуся в бывшей наибской башне, прибыли жители окрестных аулов и выразили ему благодарность за избавление от власти имама Шамиля [4; 6].

Все аулы, встреченные на пути движения колонны полк. А.А. Баженова к горе Туллой-Лам, изъявляли покорность и передавали заложников [7]. Ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал колонне А.А. Баженова разрабатывать дорожный спуск с горы Туллой-Лам к аулу Чижнахой³. Когда трассировка дороги к этому аулу завершилась, к А.А. Баженову «...явились и чижнахойцы, чуть не с хлебом-солью. И они были приняты нами, как добрые знакомые. Аманаты от них были взяты...» [4, с. 572]. Тем временем Н.И. Евдокимов отправил в Итум-Кале летучий отряд майора А. Чермоева (2 роты пехоты, 3 сотни казаков, при 2 орудиях), торжественно встреченный местными жителями. Об этом необычном событии К. Дидимов [7, с. 282] сообщил следующее: «Громкий троекратный

¹ Вот уже лет 40 мы пытаемся установить, что это за гора, расположенная на левой стороне ущелья Чанты-Аргуна между Шатоем и Итум-Кале, и находящаяся в зоне видимости из Итум-Кале. Поскольку гор с таким названием в указанной местности не было выявлено, остаётся предположить, что Туллой-Лам есть то же, что и Тумсой-Лам. Однако Итум-Кале с вершины Тумсой-Лама не видно, а орудийные выстрелы с этой горы из-за большого расстояния вряд ли услышат в Итум-Кале. Вероятно, под Туллой-Ламом следует понимать вершину Скалистого хребта, расположенную на левой стороне теснины Чанты-Аргуна вблизи с. Ушкалой.

² Н.А. Волконский [4, с. 568] писал, что наиб Гамзат-Хаджи грабил Чантийское общество «...не на живот, а на смерть». Главный доход наиб получал на больших пятничных базарах в Итум-Кале, на которые съезжались чеченцы, лезгины и горские евреи. Гамзат-Хаджи брал с приезжих торговцев дань под видом штрафов и принуждал торговцев делать ему всяческие подношения. Добавим к этому информацию, в своё время полученную нами со слов аргунских горцев: наибы занимались ещё доношением. Например, они сообщали имаму Шамилю о том, кто из чеченцев пьёт араку и курит табак. При этом, наибы легко могли приписать эти «грехи» невинным людям (особенно своим недругам), и, шантажируя их, отобрать у «виновных» домашний скот.

³ Поскольку К. Дидимов [7] сообщает о том, что аул Чшенжихой (= Чижнахой) располагался на Чанты-Аргуне в 8 верстах ниже аула Итум-Кале, можно не сомневаться: Чшенжихой (Чижнахой) есть не что иное, как Чиннахой (Чиннахой). Ныне это с. Ушкалой (Итум-Калинский район Чеченской Республики).

салют из орудия Шамиля и из ружей всех бывших там Чеченцев, были приветом приходу наших войск; а после того орудие Шамиля передано нам».

Последующие события вряд ли кто охарактеризует лучше, чем сам ген.-л. Н.И. Евдокимов. Поэтому представим выдержку из его рапорта [6, с. 1111] от 8 сентября 1858 г.: «Восстание, начавшееся в Чантах, быстро разлилось до пределов Грузии. Жители устремились с ожесточением на всех и на все, что олицетворяло в их глазах мюридизм, давивший их таким страшным гнетом в продолжение 18-ти лет. Во всех обществах, которые могли по расстоянию надеяться на поддержку с нашей стороны, народ стал резать без разбора начальников, поставленных от Шамиля, кадиев и мулл, присланных из Тавлии, составлявших большинство мусульманской иерархии у горных Чеченцев, и вообще всех людей Тавлинского происхождения... В то же время, свергая власть Шамиля, общества присылали ко мне выборных с изъявлением покорности и сами приводили заложников даже из таких мест, куда наше оружие далеко еще не проникло. Полк. Белик, находясь посреди туземного населения, водворял по возможности порядок и устанавливал первые начала управления во вновь покоряющихся обществах. Жертвы, преследуемые народом, искали у него убежища, и он успел спасти многих несчастных Тавлинских ремесленников и нескольких духовных и дал им средства возвратиться на родину». Явление массового перехода аргунских чеченцев к русским запечатлел для потомков К. Дидимов [7, с. 283]: «Сбор изъявляющих покорность наибов, старшин и простого народа так велик, что и по настоящее время от палатки начальника войск левого крыла, генерал-лейтенанта Евдокимова, от Чеченцев решительно нет отбою».

По мнению Н.А. Волконского [4, с. 573], начальник Чеченского округа полк. П.Г. Беллик сумел быстро организовывать управление над покоряющимися горскими обществами, «...не стесняя горцев, не нарушая их заветных порядков и обычаев, даже, по возможности, оставляя им прежних правителей и руководителей, если общества не имели против них никаких претензий».

Во второй половине августа Сураип-эффенди известил ген.-л. Н.И. Евдокимова о том, что наиб Шатоевского общества Батока, надёжнейший сподвижник имама Шамиля, изъявляет покорность, просит пощады и разрешения предстать перед командующим войсками. Получив дозволение, тот самый Батока, который 21 июля 1858 г. учинил зверскую резню беспечных стрелков 2-й роты Тенгинского полка, явился в русский лагерь и без каких-либо упреков о прошлом, был принят как старый хороший знакомый и даже был оставлен в должности шатоевского наиба [4]. Батока с семьёй, имуществом и своими мюридами расположился вблизи пепелища родного аула и оградился со стороны шамилевского войска крепкой засекой. Для временного обустройства русские передали ему 2 палатки. Уход влиятельнейшего чеченского наиба, многократно клявшегося в верности имаму Шамилю, сильно подействовал на умиротворения народа и подытожил процесс замирения Шатоевского общества [4; 6; 7].

Между тем, имам Шамиль стал вывозить из Ведено своё имущество. Одновременно «...он вновь стал требовать присяги на верность шариату

от соседних к нам племен, несмотря на всеобщие замечания, что и Шатоевцы присягали и, однако же, перешли к Русским» [6, с. 1112]. Кази-Магома, видя, что аргунские горцы массово переходят на сторону русской власти и, не располагая возможностью удержать горцев под властью имама, решил отомстить им за измену. Перейдя 19 августа 1858 г. во главе тавлинского отряда на левую сторону Шаро-Аргуна, он атаковал чеченцев¹, оказавших упорное сопротивление. Стоявший вблизи аула Хал-Келой отряд полк. Д.С. Наумова (5 рот пехоты, при 2 орудиях) поддержал чеченцев, и тавлинский отряд был отброшен за реку. Потерпев неудачу на Шаро-Аргуне, Кази-Магома 21 августа напал на Чантийское общество. Чантийцы, при помощи летучего отряда майора А. Чермоева (2 роты пехоты, 2 сотни казаков и 2 сотни Чеченской милиции), разбили тавлинцев наголову². Обосновавшись в Шароевском обществе, Кази-Магома 27 августа напал оттуда на Хачироевское общество, встретившее его выстрелами. Проклиная всех правоверных нагорной Чечни, Кази-Магома уклонился от открытого боя и возвратился в Шароевское общество [4; 6].

Для прекращения покушений отряда Кази-Магомы ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал отряду полк. П.Г. Беллика (2 батальона пехоты, 3 сотни кавалерии, при 2 орудиях) отбросить неприятеля за Шаро-Аргун. Узнав об этом, чантийцы выразили желание участвовать в походе. Получив разрешение, выставили 2 сотни конницы, которые составили авангард отряда П.Г. Беллика. Преодолев тяжёлый подъём, отряд П.Г. Беллика 30 августа взобрался на высокогорный водораздельный хребет, расположенный в междуречье Чанты- и Шаро-Аргуна, и начал быстро спускаться в Шароевское общество. Однако уже вечерело; усилился ветер, мелкий дождь перешёл в снег, началась метель. Неблагоприятные обстоятельства заставили П.Г. Беллика остановить движение отряда. Чантийцы же, с разрешения начальника отряда, атаковали лагерь неприятеля. Застигнутые врасплох, воины Кази-Магомы бросились бежать, но тут их встретили шароевцы, и началась кровавая схватка. Ободрённые поддержкой шароевцев, чантийцы усилили натиск, и отряд Кази-Магомы был разбит. Утром 31 августа к полк. П.Г. Беллику пришли шароевские старшины и депутаты: они принесли покорность и высказали благодарность за избавление от власти имама [4; 6].

В целом, с 14 августа и до 8 сентября 1858 г., русскому командованию принесли добровольную покорность и представили заложников следующие чеченские горные общества: Шатоевское, Чиннахоевское, Чантийское,

¹ Шатоевские чеченцы зорко следили за всеми передвижениями тавлинского отряда и тотчас сообщали о них русскому командованию [4].

² Чантийцы расставили наблюдательные посты, и потому сразу узнали о вторжении отряда Кази-Магомы на свою территорию. Тавлинцев пропустили вглубь Чантийского общества, где их ждал летучий отряд майора А. Чермоева, в авангарде которого стояли чантийцы. Они пожелали, чтобы первенство в бою предоставили именно им. Завязав жаркую перестрелку, чантийцы атаковали противника. Разгорелся ожесточённый рукопашный бой. В это время во фланг отряда Кази-Магомы ударил летучий отряд А. Чермоева. Воины имама Шамиля стали бежать, но путь к отступлению им отрезала выскочившая из засады чантийская конница [4].

Шароевское, Мулкоевское, Гухоевское, Дишнийское, Зумсоевское, Терлоевское, Хачироевское, Хилдехароевское, Нашхоевское и Майстинское. Малхистинское общество передало заложников раньше. Чеберлоевское общество прислало своих депутатов с предложением покорности, но только при условии поддержки со стороны русских войск. Аккинское общество просило у ген.-л. Н.И. Евдокимова отсрочку в несколько дней для усмирения абреков [4; 6].

Осуществив бескровное замирение аргунских горцев и обезопасив покорившиеся чеченские общества от посягательств Кази-Магомы, ген.-л. Н.И. Евдокимов ускорил дорожно-строительные и фортификационные работы. Рядом с аулом Итум-Кале 1 сентября 1858 г. было заложено каменное укрепление, названное Евдокимовским. Успешно возводилась каменная Шатоевская крепость. Открылось колёсное движение между Шатоевской и Воздвиженской крепостями. Взамен не удобной для езды зимой верхней дороги, войсками была сооружена нижняя вьючная дорога¹, пробитая в скалах левобережной теснины Чанты-Аргуна и соединившая Шатоевскую крепость с укр. Евдокимовским.

В знак успешного завершения летней экспедиции 1858 г. и замирения аргунских горцев, ген.-л. Н.И. Евдокимов отправил через земли только что покорившихся обществ, вверх по ущелью Чанты-Аргуна в Закавказье, капитана Фадеева² с донесением, доставленным заместителю кн. А.И. Барятинскому [6; 10]. Впервые в истории русский офицер проехал из Итум-Кале в Закавказье, причём без всякого конвоя, а только в сопровождении горских старшин.

С добровольным вхождением аргунских горцев в состав России второй этап плана ген.-л. Н.И. Евдокимова был полностью выполнен. Под контролем войска имама Шамиля осталась лишь покрытая вековыми горными лесами восточная часть Чечни, лежащая между ущельем Шаро-Аргуна и Дагестаном.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 4. Движение русских войск в Шатоевское общество (летняя экспедиция 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 122–140.

2. Журнал военных действий Аргунского отряда с 1-го по 9-е августа 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 11 августа 1858 года, № 237. – Кр. Грозная. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1098–1099.

¹ Ныне автомобильная дорога Шатой – Итум-Кале.

² Полагаем, что это состоявший по армейской пехоте капитан Р.А. Фадеев, служивший при корпусе для особых поручений на Кавказе. В дальнейшем Р.А. Фадеев стал генерал-майором и видным военным историком.

3. Журнал военных действий войск Левого Крыла Кавказской линии с 1-го по 5-е июля 1858 года, составленный командующим сими войсками ген.-л. Н.И. Евдокимовым. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1088–1090.

4. Волконский, Н. А. 1858 год в Чечне / Н. А. Волконский. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – 1879. – Т. III. – С. 377–591.

5. Журнал военных действий главного Чеченского отряда с 15-го июля по 1-е августа 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 3 августа 1858 года, № 310. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1094–1096.

6. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, ген.-адъют. кн. Барятинскому, от 8-го сентября 1858 года, № 850. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1100–1113.

7. Дидимов, К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье, с 1-го июля по 19-е августа 1858 года / К. Дидимов. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1859. – Т. VIII. – Отд. II. – С. 255–284.

8. Гапуров, Ш. А. Установление российской власти в Аргунском ущелье / Ш. А. Гапуров, А. А. Романов. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2021. – № 2 (53). – С. 38–47.

9. Собрание сочинений Р. А. Фадеева. Т. I. Ч. 2: Записки о кавказских делах. Военные действия на Восточном Кавказе. – С.-Петербург : Тип. В. В. Комарова, 1889. – С. 190–199. – Текст : непосредственный.

10. Новейшее известие. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1858. – № 74 (21 сентября). – С. 379–380.

REFERENCES

1. Golovlyov A. A. General Nikolai Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 4. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2022, No. 1, pp. 122–140. (In Russian).

2. Zhurnal voyennykh deystviy Argunskogo otryada s 1-go po 9-ye avgusta 1858 goda, predstavlenyyu komanduyushchim voyskami Levogo Kryla Kavkazskoy Linii, gen.-l. N.I. Yevdokimovym, voyennomu ministru, gen.-ad"yut. Sukhozanetu, pri raporte, ot 11 avgusta 1858 goda, № 237. – Kr. Groznaya [The journal of military operations of the Argun detachment from August 1 to August 9, 1858, presented by the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, General-L. N.I. Evdokimov, Minister of War, Adjut. General Sukhozanet, at the report, dated August 11, 1858, No. 237. – Kr. Groznaya]. *Akty. sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1088–1090. (In Russian).

3. Zhurnal voyennykh deystviy voysk Levogo Kryla Kavkazskoy linii s 1-go po 5-ye iyulya 1858 goda, sostavlennoy komanduyushchim simi voyskami gen.-l. N.I. Yevdokimovym [The Journal of military operations of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line from July 1 to July 5, 1858, compiled by the commander of these troops Gen.-L. N. I. Evdokimov]. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1088–1090. (In Russian).

4. Volkonskiy N. A. 1858 god v Chechne [1858 in Chechnya]. *Kavkazskiy sbornik = Caucasian Collection*, 1879, vol. III, pp. 377–591. (In Russian).

5. Zhurnal voyennykh deystviy glavnogo Chechenskogo otryada s 15-go iyulya po 1-ye avgusta 1858 goda, predstavlennoy komanduyushchim voyskami Levogo Kryla Kavkazskoy linii, gen.-l. N.I. Yevdokimovym, voyennomu ministru, gen.-ad"yut. Sukhozanetu, pri raporte, ot 3 avgusta 1858 goda, № 310 [The Journal of military operations of the main Chechen detachment from July 15 to August 1, 1858, presented by the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, Gen.-L. N.I. Evdokimov, to the Minister of War, Gen.-Adjut. Sukhozanet, with a report, dated August 3, 1858, No. 310]. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*, Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1094–1096. (In Russian).

6. Report of the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, Gen.-l. Evdokimova, General Adjut. book. Baryatinsky, dated September 8, 1858, No. 850 [Report of the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, Gen.-L. N.I. Evdokimov to Adjut. General Prince Baryatinsky, dated September 8, 1858, No. 850]. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arheograficheskoy komissiyey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1100–1113. (In Russian).

7. Didimov K. Ekspeditsiya v Chanty-Argunskoye ushel'ye s 1 iyulya po 19 avgusta 1858 goda [Expedition to the Chanty-Argun Gorge from July 1 to August 19, 1858]. *Voyennyi sbornik = Military Collection*, 1859, vol. VIII, sect. II, pp. 255–284. (In Russian).

8. Gapurov Sh. A., Romanov A. A. Ustanovleniye rossiyskoy vlasti v Argunskom ushel'ye [The establishment of Russian power in Argun Gorge]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki = Bulletin of the Academy of Sciences of the Chech Republic*, 2021, No. 2 (53), pp. 38–47. (In Russian).

9. Zapiski o kavkazskikh delakh. Voyennyye deystviya na Vostochnom Kavkaze [Notes on Caucasian affairs. Military operations in the Eastern Caucasus]. *Sobraniye sochineniy R. A. Fadeyeva = The Collected Works of R. A. Fadeev*, 1889, vol. I, part 2, pp. 190–199. (In Russian).

10. Noveysheye izvestiye [The latest news]. *Kavkaz = The Caucasus*, 1858, No. 74, pp. 379–380. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 5. Замирение аргунских горцев (летняя экспедиция 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 61–77.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 5. Pacification of the Argunian Highlanders (Summer Expedition 1858) / A. A. Golovlyov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 61–77. (In Russian).

УДК 93/94

**К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА
(ПО ДАННЫМ ГАКК)¹**

С.Л. Дударев

**TO THE QUESTION OF RUSSIAN POLICY
IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS AT THE LATE XVIII –
EARLY XIX CENTURIES: FEATURES OF INTEGRATION
AND FORMATION OF HISTORICAL AND CULTURAL PARTNERSHIP
(ACCORDING TO THE GAKK)**

S.L. Dudarev

Аннотация. Рядом современных российских историков показано, что конце XVIII – начале XIX в., при трех правивших тогда самодержцах (Екатерине II, Павле I, Александре I) происходит эволюция отношений верховной власти Российской империи по отношению к Северному Кавказу, в том числе, его северо-западной части, которая и является предметом нашего рассмотрения. Если при Екатерине II и Павле I проводится достаточно осторожная, сдержанная политика, направленная на недопущение обострения отношений с Османской Портой, а в аспекте отношения к горцам характеризуемая как «ласкания», то при Александре I она постепенно начинает сменяться более жесткими действиями («репрессалиями»), которые начинают доминировать с прихода А.П. Ермолова (сменившего администраторов – сторонников «ласканий» – вроде Н.Ф. Ртищева) на пост главноуправляющего на Кавказе и командующего Отдельным Кавказским корпусом. В статье рассматривается ряд недавно опубликованных документов из Государственного архива Краснодарского края, которые, в целом подтверждая эту картину, выявляют интересные нюансы политики С.-Петербурга в отношении Закубанья. В целом, рассмотренные материалы, со своей стороны, еще раз подтверждают, что процесс интеграции горцев Северо-Западного Кавказа (как и всего региона в целом) в состав России и оформления историко-культурного партнерства обеих сторон был сложным, постепенным, многоэтапным и связанным с трудностями объективного и субъективного характера, отягченным, порой, противоречивыми тенденциями (например, феномен мухаджирства), однако протекавшим с преобладанием российского вектора.

Abstract. Several modern Russian historians have shown that at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, under the three autocrats who ruled at that time (Catherine II, Paul I, Alexander I), the evolution of attitude of the supreme power of the Russian Empire

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26».

towards the North Caucasus took place, including its north the western part, which is the subject of our consideration. Under Catherine II and Paul I, a rather cautious, restrained policy was carried out aimed at preventing the aggravation of relations with the Ottoman Porte, and in terms of attitudes towards Gortsy it was characterized as "caressing", whereas under Alexander I, it gradually transformed into harsher actions ("reprisals"). These harsh actions became dominant with the arrival of A.P. Ermolov for the post of Chief Commander in the Caucasus and Commander of the Separate Caucasian Corps who replaced administrators that supported "caressing" such as N.F. Rtishchev. The article examines a number of recently published documents from the State Archives of Krasnodar Krai, which, in general, confirming this picture, reveal interesting nuances of St. Petersburg's policy towards Trans-Kuban. In general, the materials reviewed once again confirm that the process of integrating the Gortsy of the Northwestern Caucasus (as well as the entire region) into Russia and formalizing the historical and cultural partnership of both parties were complex, gradual, multi-stage. These processes were associated with objective and subjective difficulties aggravated by contradictory tendencies (for example, the phenomenon of muhajirism), however, proceeded with a predominance of the Russian vector.

Ключевые слова: Ясский мирный договор, Закубанье, Черкесия, «ласкания», «репрессалии», закубанские «хищники», черкесо-гаи, черкесские ясыри, закубанские ногайцы, султаны, мурзы.

Keywords: Yassk peace treaty, Trans-Kuban, Circassia, "caressing", "reprisals", Trans-Kuban "predators", Circassian-Gai, Circassian Yasys, Trans-Kuban Nogays, sultans, Murza.

Интеграция Северного Кавказа в состав Российского государства была процессом долгим, сложным и, в целом, многоступенчатым. Его нельзя ни в коем случае представлять как безудержную экспансию великого северного соседа против северокавказских этнических сообществ, совершаемую одномерно, без учета непростой гаммы нюансов социально-политического, экономического и т. п. свойства в широком международном контексте и интересов самих этих сообществ. Примером сказанного является присоединение Северо-Западного Кавказа, в том числе, такое его значимой части, как Закубанье. Настоящая статья призвана показать это на примере опубликованных недавно документов из Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) [1], которые являются интересным свидетельством генезиса российской политики на Северо-Западном Кавказе на рубеже двух столетий – XVIII и XIX.

Они, как будет показано ниже, подтверждают те выводы, которые были сделаны ранее историками, о том, что политика российской власти на северокавказском направлении в это период была весьма осторожной, сдержанной, основанной на компромиссах и отступлениях. Мы особенно имеем в виду ситуацию после Ясского мирного договора 29 декабря 1791 г. Не повторяя всего того, что было позиционировано историками-кавказоведами в последнее десятилетие (или несколько более), укажем на следующее.

Екатерина II, несмотря на успех в войне с Турцией в 1787–1791 гг., не была сторонницей присоединения земель Закубанья к Российской империи. Как полагает В.В. Дегоев, вероятно, она желала повторить здесь «крымский сценарий», т. е. вначале добиться независимости данной территории от Османской империи,

и лишь со временем присоединить их к Российскому государству, причем о самой такой перспективе речь царицей не велась ни разу. Более того, в списке геополитических приоритетов того времени Северо-Западный Кавказ стоял ниже Северо-Западного Причерноморья [2, с. 236, 237, прим. 231]. Вполне возможно, к тому же, что императрица учитывала здесь, в известной мере, османский опыт. Ведь и крымские, и турецкие власти также не стремились полного подчинения себе западных адыгов. Как указывает Б.В. Виноградов, крымским, а затем и османским властям было необязательно (или нежелательно? – Авт.) иметь коммуникации и укрепления на территории Черкесии. Присоединение же ее к России поставило бы перед Российским государством ту же задачу: решение емкой, затратной и болезненной проблемы безопасности [3, с. 69–70; 4, с. 111–112]. Императрица предоставила туркам самим решать вопросы правопорядка на левом берегу Кубани. По мнению Екатерины II, было достаточно построить хорошую крепость на Тамани, как олицетворение российской силы и могущества, и одновременно завести там ярмарки и торговлю, с позволением, причем безвозмездным, брать столь необходимую адыгам соль из озер на российском берегу (последнее было вскоре осуществлено) [4, с. 136]. Она полагала, что благодаря таким мерам, «...горские народы и вяще к нам привязаны будут» [2, с. 237]. Так российские власти стремились расположить к себе местное население, не вступая с ним в силовое соприкосновение [4, с. 111]. Впрочем, дело было не только (и, вероятно, не столько) в «цивилизаторских» устремлениях самодержицы (см. ниже), сколько в том, что удержать эти земли российские власти еще не имели ресурсов, ни военных, ни демографических¹ (то же самое можно сказать конкретно об Анапе, несколько раз переходившей из рук в руки). К тому же престарелая Екатерина II (которой оставалось жить меньше четырех лет) безумно устала от этой войны, и стремилась к как можно быстрому ее завершению. Турки, как полагает В.В. Дегоев, вероятно, были осведомлены об этом. Не случайно, главе российской дипломатии на переговорах в Яссах графу Безбородко не удалось добиться «независимости» закубанцев (земли которых виделись самодержице, в идеале, в качестве «барьера» между двумя державами), но даже права на ответные акции против набегов горцев из-за Кубани (см. ниже). Право «обуздывать» горцев, и давать России удовлетворение за их действия, осталось за Портой [2, с. 238, прим. 234; 239]. Тем не менее, в 1792 г. императрица Екатерина Алексеевна разрешила принять под протекторат России народы Северного Кавказа [4, с. 144].

Политика следующего российского государя, Павла I, на Кавказе, по мнению некоторых историков, претерпела существенные изменения по сравнению с предшествующим правлением. Как полагают Б.В. Виноградов и Ю.В. Приймак, российское правительство в конце XVIII в. находилось

¹ Так, Б.В. Виноградов отмечает, что численности Черноморского войска не хватало для экономического освоения Правобережья р. Кубани [3, с. 137]. Что же тогда говорить о территории всего Северо-Западного Кавказа.

в поиске наиболее оптимальных форм взаимодействия как с народами Северного Кавказа, так и в некоторой степени и Закавказья [4, с. 144]. К их числу относится и та политика, которую еще в XVIII в. назвали политикой «ласканий». По существу, стремилась вести ее еще Екатерина II. При Павле I она продолжилась. В рескрипте И.В. Гудовичу от 5.01.1797 император, в частности, указал, что горские народы предписывалось «удерживать в кротости и повиновении ласкою», не допуская ни притеснений, ни отягощений, но при всем том, иметь от них аманатов (!) и направить к ним приставов. Что же касается отношений с Портой, то ей не нужно было давать поводов для подозрений, что Россия ищет с основания для ссоры с Османами [4, с. 142]. Не надо забывать, что причиной для такой позиции было то, что Россия и Османская империя с 1798 по 1802 г. входили во II антифранцузскую коалицию.

В Александровскую эпоху происходит обострение отношений России с Закубаньем. С самого ее начала, по существу, происходит эскалация военных действий (набеги с территории Левобережья, и ответные действия российской стороны, уже санкционированные самим императором) [5, с. 158–163], которые не прекращались и позднее. Так, исследователи отмечают, что в 1806–1810 гг. на Черноморской кордонной линии имели место прорывы горцев из Закубанья [4, с. 173]. По мнению же Ф.А. Щербины, русско-черкесская война началась на почве военной нужды, когда казаки и черкесы одинаково пользовались военной добычей, отнятой друг у друга [5, с. 156]. На фоне этого жесткого противостояния следует выделить деятельность влиятельного и преданного России Султана ген-м. Менгли-Гирея, который, как отмечает З.Б. Кипкеева, в отличие от экспедиций ген. Глазенапа, мирно вывел из Закубанья тысячи ногайцев и абазин [6, с. 95].

Обратимся теперь к опубликованным документам из ГАКК, которые, возможно, прольют новый свет на нюансы тех событий и процессов, о которых речь шла выше.

Так, в «Ордере Черноморского войсковому судье полковнику Головатому от графа П.А. Зубова. 9 мая 1795 г.» [7] речь идет об обращении к российской администрации от лояльного России (что было неоднократно ранее подтверждено) хатукайского князя Аслан-Гирея, который с подвластными ему мурзами принял присягу императрице в том, что: 1. Они будут хранить верность Ее Императорскому Величеству (Е.И.В.) (при этом выясняется, что этот пункт принял и бжедугский князь Батыр-Гирей со всеми его подданными), не наносить вреда подданным России и в том числе, черноморскому войску; по возможности, рассеивать разбойнические скопища абазинцев, а в случае сопротивления и истреблять. 2. Все его, т. е. Аслан-Гирея, подданные будут приведены к присяге (это пока присяга знати). 3. В случае войны с Портой они обязуются не только не вооружаться против России, но и предоставлять помощь, при условии, что их селения будут ограждены от разорения российскими войсками. 4. Князь и мурзы просят принять их табуны на войсковую землю, с оплатой казакам, которые пожелают охранять их от посягательств абазинцев. 5. Хатукайцы

просят дать им возможность перейти на жительство на войсковую землю, «но князь и мурзы вопреки всему требуют, чтобы подданных их на землю войсковую ради жительства не принимать». Все сказанное было представлено Зубовым, получившим информацию от правителя Таврической области генерал-майора Жегулина, на рассмотрение Екатерины II.

Императрица объявила свою волю через П. Зубова следующим образом. Желание обратившихся признано бесполезным, поскольку «для обуздания хищности сих народов содержится тамо всегда знатное число войск, и сильная по линии стража», однако в последнем мирном трактате с Портой (имеется в виду русско-турецкая война 1787–1791 гг., и заключенный по ее итогам Ясский мир), последняя приняла на себя ручательство за народы, живущие на левом берегу Кубани, и обязалась принимать строгие меры по отношению к тем, кто допустит хищения и т. п. Российская сторона понимает, что поручительство османов является недостаточной гарантией для удержания закубанских народов «в пределах спокойствия», поскольку закубанцы, на самом деле, не признают турецкого суверенитета. Но для того, чтобы не дать турецкой стороне повода для обвинений в несоблюдении условий трактата в отношении населения Закубанья, императрица повелела объявить ему, что российские власти не будут вмешиваться в его внутренние дела. Закубанцы властны жить по своим законам и принимать взаимные присяги. Российская сторона не вправе принимать их в том случае, если они будут направлены в ее сторону, поскольку это будет противоречить трактатам с Портой. Однако далее Екатерина II делала важную и знаменательную оговорку: тех князей и мурз, которые высказали «похвальные намерения» принять российское подданство, снабдить тем, что спокойное их пребывание со своими подданными на своих настоящих местах, сохранение ими тишины на границах и удержание подвластных им народов «от хищничеств и беспорядков» будет достойной жертвой государыне, равнозначной самой присяге. Таким образом, сохранение местными владельцами мирного соседства с Российской державой дает им твердую надежду (которую можно рассматривать в качестве гарантии) на высочайшее покровительство и помощь наравне с собственно подданными ее величества.

Одновременно, давая черкесской знати такие веские, и вместе с тем, осторожные обещания, царица позволила конским табунам князя Аслана и всех хатукайских мурз для избавления их от набегов со стороны абазин пастись на землях Черноморского войска с добровольной уплатой умеренных размеров. Тем самым черкесская сторона как бы отдавала свое имущество на сохранение россиянам. Но самое главное было высказано императрицей в самом конце своего повеления. По ее мысли, ближайшее обращение черкесов в пределах российской империи «возможет переменить или смягчить свирепые и хищные нравы их, войско же черноморское оградится спокойствием, получит прибыль и меню возможности умножить и собственное скотоводство свое к выгоде своей и к пользе тамошнего края». Это заявление

Екатерины II указывает на принципиальную линию самодержицы в вопросе о постепенном смягчении нравов северокавказцев. Так, в высочайшем рескрипте от 26.08.1786 об учреждении войска из горских народов речь, в частности, шла о «ротации» членов горских формирований на царской службе, когда одни князья и уздени через определенное время заменялись другими. Как полагала Екатерина II, это должно было послужить «уменьшению, а со временем и истреблению в них грубости и дикости» [4, с. 98]. Этот «цивилизаторский» подход Екатерины II получил наиболее яркое выражение в ее Указе от 2 февраля 1792 г., где было сказано знаменитое «...не единою силой оружия предлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие». Такая философия, как явствует из данной фразы далее, состоит, прежде всего, в правосудии и справедливости, в приобретении доверия, смягчении кротостью, необходимости «выигрывать сердца» и приучать горцев больше общаться с русскими [4, с. 118]. Об этой политической линии императрицы уже было указано выше.

Наряду с высокой политикой в «Ордере» присутствуют и важные местные мотивы, которые требуют особого понимания и комментариев. Почему же хатукайцы и бжедуги хотели, чтобы их табуны охраняли, причем за плату, казаки? А причина в том, что если при отражении набега абазин черкесами, кто-либо из последних был бы убит или ранен, то ответственность за это падала бы на убийцу и вызвала бы столетнюю кровную месть. В случае же гибели или ранения абазина от рук казака, последний мог быть, в свою очередь, тоже ранен или убит, но адресной и длительной мести за это с российской стороны не последовало бы. Как было сказано выше, хатукайские князь и мурзы не хотели, чтобы их подданных, т. е. рядовых черкесов, принимали на жительство на войсковую землю. Знать боялась, что последние могли выйти из-под их контроля, перейти в казачье сословие (в том числе, и принять христианство, хотя исторический опыт показал, что казаки-осетины, кабардинцы и др. сохраняли свою мусульманскую принадлежность), получив, тем самым, независимость от прежних хозяев.

Впрочем, политика властей в отношении тех жителей Закубанья, которые желали принять перейти российское подданство, в годы, завершавшие правление Екатерины II, не была однозначной. В «Отношении кошевому атаману генерал-майору З.А. Чепеге от генерал-поручика Хорвата. 22 сентября 1796 г.» [8]. Секретно сообщалось об изменении отношения к тем абазинцам и ногайцам, которые будут добровольно направляться на российскую сторону, спасаясь от «тиранских мучений» со стороны турок. Теперь всем стоявшим на кордонах чиновникам и казакам надлежало с «ласковостью» и без «малейших притеснений» надлежало доставлять представителей этих народов к кошевому атаману. Более того, из документа явствует, что последнему уже известно о «смене курса», т. е. «особливом» ее императорского величества попечении «о приходящих к нам иностранцах». Администратору от имени самой высшей инстанции в империи буквально предписывалось вышестоящим чиновником внушать переселенцам,

что они также будут пользоваться всеми теми выгодами, какими уже пользуются их «соотчичи». Но и это еще не все. Вновь прибывшим «сверх того пожаловано им будет десять лет льготы от всяких повинностей государственных». Перешедших на сторону России следовало отправлять в Симферополь к «правителю области Таврической» ген-м. С.С. Жегулину. Новых россиян следовало заверять, что Жегулин примет их «с подобной же ласковостью, так и водворятся на тех самых землях, кои ими признаны будут за удобные». Такой резкий поворот событий, при всей его неожиданности (не прошло и полутора лет с момента «Ордера» П.А. Зубова), не должен вызывать особых вопросов. Российская администрация всерьез озаботилась освоением Новороссии, и необходимостью заселять пустующие земли.

Но вот проходит всего два месяца, и в Санкт-Петербурге совершается смена власти. Тот же П.А. Зубов направляет С.С. Жегулину письмо, в котором речь идет о просьбе закубанских владельцев султанов Селим Гирея и братьев его Ахмет Гирея и Крым Гирея, которые вместе с подвластными им народами просят о вступлении в российское подданство (Копия письма С.С. Жегулину от П.А. Зубова. 6 декабря 1796 г.) [9]. Из письма следует, что новый император Павел Петрович 3.12.1796 дал высочайший именной указ, которым повелевалось соблюдать положения указа от 3.05.1796 (отсюда мы узнаем, что упоминавшийся выше «Ордер» П.А. Зубова опирался именно на него!), суть которого была в необходимости соблюдать с турками «доброе согласие». Исходя из этого, в именном указе Павла I говорилось об отказе названным султанам, необходимости надлежащего и точного исполнения самого указа и осуществлении отклонения других владельцев от «подобных желаний... пристойными средствами».

С.С. Жегулин, естественно, сообщил об императорской воле в указанном вопросе по инстанции, направив секретный рапорт кошевому атаману Черноморского войска З.А. Чепеге, в котором очень настойчиво акцентировал императорскую волю и наказ атаману об отказе впредь закубанским владельцам (и фигурантам конкретной просьбы и всем прочим) в принятии российского подданства ими и их народами, дабы сохранить с турками «доброе согласие» (Рапорт кошевому атаману З.А. Чепеге от С. Жегулина. 6 января 1797 г.) [10].

Иными словами, при восшествии на престол сына Екатерины II, крайне отрицательно относившегося ко всему, что делалось в период правления его матери, тот продолжил ее еще столь недавнюю политику по части осторожности в делах с Портой. Этот акт явился отражением позиции Павла I в кавказских делах в целом.

Между тем, положение некоторых представителей черкесских верхов (дворян и князей) – сторонников российской власти в Закубанье – становилось все более критическим, причем до такой степени, что некоторые из них прибегали к прямому и открытому бегству, переправляясь через Кубань на лодках вместе с подвластными им людьми. Так случилось в апреле 1798 г. с неким Шостаном Али – именитым дворянином – как его именует

в своем отношении в войсковое правительство есаул, майор и кавалер Мокий Гулик («Отношение в войсковое правительство от майора М. Гулика. 16 апреля 1798 г.») [11]. Шостан Али столь спешно переправился через Кубань «со всем своим семейством и в немалом числе подданных», что казаки с ближайшего бекета (т. е. пикета) едва успели известить о случившемся вышестоящее начальство. По свидетельству М. Гулика Шостан Али, который получил известность в связи с тем, что в 1795 г. был направлен таврическим губернатором С.С. Жегулиным вместе с чингизидом, князем Батыр Гиреем к высочайшему двору, находился в совершенном отчаянии. Он подвергался настолько яростным нападениям со стороны немирных абазин, что в случае, если ему не будет позволено переселение, то Шостан Али грозил утопить в Кубани себя и всех, находившихся с ним, своих подданных. Всего с предводителем на российскую сторону переправилось 49 человек, остальные остались на левом берегу. Прибывшие были приняты и переписаны, о чем остался соответствующий документ (Ведомость перешедших на русскую сторону черкесов во главе с дворянином Шостан Али. 27 апреля 1798 г.) [12]. Об их дальнейшей судьбе неизвестно.

Однако уже в августе того же года ситуация, возникшая с Шостаном Али и его людьми, повторилась с другим хатукаевским владельцем Арслан Гиреем, также испытывавшим проблемы с враждебными действиями все тех же немирных абазин, который просил разрешения у российских властей о переправе себя, своей семьи и имущества на правый берег Кубани (Рапорт войсковому атаману полковнику Т.Т. Котляревскому от войскового есаула Гулика. 6 августа 1798 г.) [13].

Принципиально важным является тот момент, что если ранее такие акции были запрещены Павлом I, то ныне произошли изменения. Определенные перемены во внешней политике, статус владельца, чингизида, имевшего немало подданных, сыграли свою роль.

На акцию по переселению Арслан Гирей и его спутников было получено повеление Новороссийского военного губернатора, опиравшееся на соизволение императора. Для обеспечения прикрытия М. Гулик прислал небольшое орудие и воинскую команду. 5 августа 1798 г. Арслан Гирей прибыл к Новоекатерининскому кордону со всеми своими мурзами и дворянами, но заявил Гулику, что переселение всех его подданных, разбросанных в разных «деревнях», ввиду враждебности абазин, нуждается в более масштабной поддержке российских воинских формирований. Однако на такую Гулик не имел полномочий (да, видимо, и возможностей) и отказал в ней Арслан Гирею, который в подобной ситуации даже не решился перевезти свою семью. Орудие и снаряды к нему были отправлены Гуликом на Ольгинский кордон, как наиболее опасный участок границы, на который закубанские «хищники» (этот термин в документах теперь в постоянном обращении) все время совершают нападения. Переселение было слабо подготовлено и не имело, на тот момент, всех необходимых условий.

Одновременно укажем и на такую сторону происходивших событий. Пророссийская ориентация тех или иных владельцев не была помехой для нападений с их территории на российские земли. Согласно «Копии с письма, посланного черкесскому князю Арслан Гирею бею. 20 октября 1798 г.» [14]. 13.10.1798 из владений этого князя, несмотря на его более ранние уверения (вероятно, в том, что с его территории таковых нападений не будет), был совершен набег на дистанцию Ольгинского кордона и захвачено 24 кордонных лошади и 6 волов. Российский представитель власти просит князя принять меры к розыску и возвращению похищенных лошадей, в противном случае оставляет за собой действовать «удобовозможными» мерами. Прецедент отражает реальную обстановку, когда даже в собственных владениях черкесский князь не мог навести порядок с «хищничеством», которое было плотью и кровью местных социокультурных традиций (своеобразная социализация, род инициации для молодых горцев) [15]. Что же тогда говорить о тех закубанцах, которые не были связаны никакими дружественными намерениями с российской стороной. Их нападения регулярно продолжались, о чем говорит множество документов из ГАКК. Враждебные действия «хищников» привели к тому, что сведения о них достигли слуха императора Павла. В ответ на донесение, полученное им от ген. Михельсона, в котором речь идет о пленении черкеса из «хищнической шайки», император в своем «Отношении» предписал держать этого черкеса аманатом и приказал предупредить черкесов, что если они посмеют совершить с кем-то из российских подданных что-либо негативное, то последует «репрезаль» против заложника. Похоже, что терпение стало заканчиваться и у императора Павла, столь осмотрительного в кавказских делах, и с его прямого указания практика взятия аманатов, являвшаяся частью кавказских политических реалий, была, можно сказать, санкционирована с самого верха, как и «репрезалии» против «немирных» горцев, формально находившихся под юрисдикцией османов.

Одновременно император изменил свою позицию и по перебежчикам из Закубанья. Из «Ордера войсковому атаману подполковнику Ф.Я. Бурсаку от генерала Михельсона. 22 ноября 1800 г.» [16] мы узнаем о том, что перешедшим из Закубанья «ногайцам» (в примечании к документу, сделанном карандашом, они именуются уже черкесами) приказано объявить, что император «всемиловитвейше соизволяет» принять их в российское подданство. После приведения переселенцев из-за Кубани к присяге, их было разрешено отправить в Перекопский уезд, или куда пожелают. Знаменательно, что в карандашном примечании указывается: «На вопрос государя приведены к присяге», т. е. царь продолжал следить за судьбой вновь прибывших. Там же, в примечании, указано, что черкесы поселены в Гривенском ауле при султানে Али Шеретлукоглу. Как известно, это аул и позднее служил местом поселения черкесов (или исторически связанных с ними народов, например черкесских армян (черкесо-гаев), перешедших в российское подданство. Особый интерес представляет «Текст клятвенного обещания. Ноябрь 1800 г.»,

которое давали прибывшие в Россию мусульмане. Его анализ, как и анализ подобного документа, датируемого несколькими годами позже (см. ниже) не входит сейчас в наши задачи. Сейчас же важно указать на то, что новый подданный прямо присягает «Императорскому Величеству Российскому природному великому государю императору Павлу Петровичу самодержцу всероссийскому и его императорского величества любезнейшему сыну государю цесаревичу великому князю Александру Павловичу, законному всероссийского престола наследнику верным, добрым и послушным подданным быть...». Совсем недавно такое было совершенно невозможно. Правда, есть одна существенная оговорка.

Процедура принятия пришельцев из Закубанья в российское подданство включала еще не только «российский ордер», т. е. принятый в таких случаях протокол, но и турецкий (!) (Рапорт войсковому атаману подполковнику Ф.Я. Бурсаку от прапорщика Грибеника. 13 марта 1801 г.) [17]. Так, ногайцы, определенные для жительства в с. Ангелинку в марте 1801 г., приняли присягу по обоим ордерам, подписавшись под соответствующими документами. Возможно, такая «двойная бухгалтерия» была отголоском прежней Павловской осторожности, подкрепляемой внешнеполитической ситуацией.

Пришедший к власти Александр I внимательно и энергично отнесся к донесениям «черноморской войсковой канцелярии о воровствах, грабеже и хищничестве, производимых черкесами и горскими народами», лично отреагировав на происходившее («Отношение генералу от инфантерии Дашкову от императора Александра I. 10 апреля 1802 г.») [18]. Он сообщал властям на Кавказе в лице ген. Дашкова, что если со стороны анапского паши не последует соответствующей «сатисфакции», то «в таком случае учинен будет репресаль со всею строгостью». 30 мая 1802 г. «репресаль» была проведена. Согласно имеющимся данным русскими войсками было захвачено в плен 532 черкеса [19, с. 153].

Два с лишним года спустя, император высочайшим рескриптом от 1.09.1804 г. предписывает «сделать Черноморским войском сильную с той стороны злодеям диверсию» [20]. 4.12.1804 состоялась новая «репресаль». Шапсуги понесли потери убитыми до 400 чел. Были потери и у российской стороны – до 40 убитых, 16 раненых. Офицеры, командовавшие операцией, и мирные мурзы, были награждены орденами Св. Анны 3 класса и медалями «за храбрость и усердие» [19, с. 155]. Иными словами, новый царь выступил преемником своего отца (убитого с его ведома и согласия) в отношении жестких мер против набегов из Закубанья, без особой оглядки на реакцию со стороны Порты. Такая политика нового императора, как мы видим, была мотивирована действиями закубанцев. «Отношение» царя не было результатом сиюминутной реакции на недружественные действия горцев. С началом нового правления наблюдается явная активизация их набегов, о которой говорит ряд вновь изданных документов из ГАКК [21–24 и др.]. Не станем подвергать их специальному анализу, что является задачей будущих исследований, но отметим

другое. Российская сторона теперь не сдерживается в проведении ответных «репрессалий», которые становятся весьма ощутимыми [25–27] и (что нужно подчеркнуть особо) позволяет себе уже без учета мнения турецкой стороны принимать переселенцев из Закубанья в российское подданство.

В обычай входит следующий порядок действий при принятии, вновь прибывших под российскую юрисдикцию. Те, кто желал стать новыми россиянами, являлся на Екатеринодарскую карантинную заставу, либо тот или иной кордон, где они должны были выдержать двухнедельный «карантинный термин», поскольку в Закубанье частыми были вспышки чумы, завозимой с Востока, проходили «собеседование» с представителями властей, которые интересовались наличием у переселенцев сведений конфиденциального характера (прежде всего, что они знают о планах черкесских «набежчиков» и наличии проявлений заразной болезни). После этого следовало принятие присяги и отправка в места нового поселения [28–31]. Среди новых «российскоподданных» «первой волны» видим армян – черкесогаев, переселявшихся со своими черкесскими ясырями (!), собственно свободных черкесов, а также закубанских ногайцев во главе со своими владельцами, в том числе, мурзами, среди которых фигурирует родственник бывших крымских ханов Султан Селим-Гирей, пожелавший поселиться в Крыму или в «удобном месте» Таврической губернии. Впрочем, такие миграции были, порой, отнюдь не однозначными.

В «Отношении в Черноморскую войсковую канцелярию от чиновника Таманского земского сыскного начальства. 14 июня 1805 г.» сообщалось о том, что явившийся к властям Шам-Оглу Бек Мурза Бей, принявший российскую присягу 13.05.1805 г., объявил, что крепостные его ясыри Хакузвы (обозначение ясырей женского пола в российских документах из ГАКК – *Авт.*)¹, а также две его жены и двое сыновей бежали на турецкую сторону 11.06.1805. Сам по себе этот факт является еще одним свидетельством того, что выработка пророссийской ориентации у северокавказцев была процессом длительным и полным противоречий.

Тем не менее, упомянутая присяга (Клятвенное обещание и присяга черкесов русскому царю. Май 1805 г.) [32] сама по себе являлась знаковым моментом в истории российско-черкесских отношений. Согласно этому документу, содержание которого нуждается в отдельных комментариях, присягу российскому самодержцу Александру Павловичу приняло более 100 чел. (мурзы и их люди)², являющихся согласно «Клятвенному обещанию...» «бывшими турецкоподданными». Весь контекст документа указывает на то, что власти, осуществляющие данный акт, не оставляют никаких сомнений в том, что лица, принимающие

¹ Это сам по себе интереснейший факт того, что у ясырей также могли быть зависимые лица.

² Мы допускаем, что данная присяга целой группы представителей закубанских ногайцев является следствием миротворческой деятельности Султана Менгли Гирея по выводу из Закубанья весной 1805 г. беглых ногайцев и абазин, уведенных туда кабардинским князем Асламбеком Мисостовым в 1804 г. [6, с. 94].

присягу, находятся отныне исключительно под российской юрисдикцией и должны выполнять все обязанности российских подданных. Таким образом, переход на российскую сторону жителей Закубанья становится теперь узаконенным Российской империей актом. Мнение турецких «партнеров» в этом отношении если и принималось во внимание российскими властными структурами (начиная с их высших эшелонов), то с оговорками. Во всяком случае, турецкие протесты не были решительным препятствием для репрессалий, хотя после османских демаршей последние и прекращались [6, с. 94]. Такая позиция властей приводит к тому, что переселение (бегство) из Закубанья становится все более распространённым явлением среди населения этого ареала, представители которого из числа черкесских этносов по разным причинам все чаще появлялись в российских пределах с целью перехода на постоянное место жительства [33–37 и мн. др.]. Что характерно, эти люди уже принимались в Россию по упрощенной процедуре – после опроса и карантинного очищения – не предусматривающей уже, судя по документам, принятия присяги, и отправке на будущее место жительства (чаще всего, в Гривенский аул). Весьма любопытно, что происходило это еще до 1829 г., т. е. до того момента, когда население Закубанья фактически, по условиям Адрианопольского трактата, становилось подданными Российской империи.

Таким образом, внешняя политика Российского государства на Северо-Западном Кавказе в самом конце XVIII – начале XIX в. была весьма неоднозначной. В целом она была весьма сдержанной и осторожной в период самых последних лет правления Екатерина II и большей части краткого царствования Павла I, будучи направленной на недопущение проявления недовольства со стороны Османской Порты. Одновременно она может быть охарактеризована, как политика «ласканий» по отношению к горцам, которая циклически проявлялась затем (и продолжает проводиться российскими властями до сих пор) на протяжении следующих 200 лет. Прежде всего, это касалось перехода на российскую сторону жителей Закубанья, как находившихся (до 1829 г.), по сути, под турецким покровительством (сами эти жители не признавали над собой турецкого суверенитета и пользовались протекцией турок, практически, по собственному усмотрению). Однако эта политика исподволь постепенно эволюционировала в сторону «либерализации» процесса перехода закубанцев на правый берег Кубани, а также допущения репрессалий в отношении джигитов из Закубанья, совершавших набеги на российские владения, с нарушением территориальной неприкосновенности закубанской территории. Особенно ситуация изменилась в самого начала правления Александра I, который не только разрешил репрессалии и диверсии, но и фактически предоставил переход в Россию населению Закубанья, сначала с принятием присяги, а затем, по сути дела, и без нее, при соблюдении некоторых формальностей (опроса и карантинного очищения). По существу, это было проявлением такой стороны внешней политики Российской империи, как демографическая борьба за наполнение подданными вновь присоединяемых

территорий, особенно Новороссии. В раннюю Александровскую эпоху на Северном Кавказе еще действовали военные администраторы, исповедовавшие политику «ласканий» (особенно Н.Ф. Ртищев). С 1816 г. командующим ОКК стал А.П. Ермолов, который стал проводить политику «репрессалий», открыв новую эпоху в истории российско-северокавказских отношений. Таким образом, процесс интеграции горцев Северо-Западного Кавказа (как и всего региона в целом) в состав России и оформления историко-культурного партнерства обеих сторон был сложным, постепенным, многоэтапным и связанным с трудностями объективного и субъективного характера, отягченным, порой, противоречивыми тенденциями (феномен мухаджирства), однако протекавшим с преобладанием российского вектора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) / A. A. Cherkasov // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).
2. Дегоев, В. В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век) / В. В. Дегоев. – М. : Издатель Модест Колеров, 2013. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Виноградов, Б. В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. : монография / Б. В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани, 2009. – 138 с. – Текст : непосредственный.
4. Виноградов, Б. В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.) / Б. В. Виноградов, Ю. В. Приймак. – Армавир : АФГОУКИДПО, 2016. – 186 с. – Текст : непосредственный.
5. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар, 1913. – 880 с. – Текст : непосредственный.
6. Кипкеева, З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / З. Б. Кипкеева. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. – 330 с. – Текст : непосредственный.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 43–46об. – Текст : непосредственный.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 13–14. – Текст : непосредственный.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 15–15об. – Текст : непосредственный.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 12–12об. – Текст : непосредственный.
11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–1об. – Текст : непосредственный.
12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 196–197. – Текст : непосредственный.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 228. – Текст : непосредственный.
15. Текуева, М. А. Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов / М. А. Текуева. – Текст : непосредственный // *Культурная жизнь Юга России*. – 2006. – № 2. – С. 21–24.
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 427. Л. 2. – Текст : непосредственный.
17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 427. Л. 4. – Текст : непосредственный.
18. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 443. Л. 4. – Текст : непосредственный.

19. Goran Rajović, Dmitry O. Ezhevski, Alla G. Vazerova, Milica Trailovic. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // Goran Rajović, et al. // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 153–160.

20. АКАК. Т. II. С. 942. – Текст : непосредственный.
21. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 7–7об. – Текст : непосредственный.
22. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 6–6об. – Текст : непосредственный.
23. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 12. – Текст : непосредственный.
24. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 86–88. – Текст : непосредственный.
26. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 154–156. – Текст : непосредственный.
27. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
28. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 8–8об. – Текст : непосредственный.
29. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 13–13об. – Текст : непосредственный.
30. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 93–93об. – Текст : непосредственный.
31. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 125–126. – Текст : непосредственный.
32. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 144–146об. – Текст : непосредственный.
33. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 37–37об. – Текст : непосредственный.
34. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 6–7. – Текст : непосредственный.
35. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 14. – Текст : непосредственный.
36. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 80. Л. 24. – Текст : непосредственный.
37. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 1–1об. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*, 2020, vol. 57-1, iss. 3-1 (Special issue).
2. Degoev V. V. *Nepostizhimaya Chechnya: Shejh Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and His Time (XVIII century)]. M., Izdatel' Modest Kolerov, 2013. 256 p.
3. Vinogradov B. V. *Integrativnye proekty i dezintegriruyushchie faktory v rossiysko-severokavkazskikh vzaimootnosheniyah kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Vinogradov B. V. Integrative Projects and Disintegrating Factors in Russian-North Caucasian Relations in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Monograph. Slavyansk-na-Kubani, 2009. 138 p.
4. Vinogradov B. V., Priymak Yu. V. *Etnopoliticheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze v kontekste faktora prisoedineniya k Rossii Krymskogo khanstva (1772–1829 gg.)* [Ethno-political Situation in the North Caucasus in the Context of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772–1829)]. Armavir, 2016. 186 p.
5. Shcherbina F. A. *Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gortsami* [The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban Gortsy]. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska = History of the Kuban Cossack Host*, Ekaterinodar, 1913, vol. II. 880 p. (In Russian).
6. Kipkeeva Z. B. *Potomki Chingizhana v istorii Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv.* [Descendants of Genghis Khan in the History of the North Caucasus in the 18th–19th Centuries]. Stavropol, NCFU, 2017. 330 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Krai]. (Hereinafter SAKK [GAKK]). Fund 249, inventory 1, case 248, page 43–46 reverse.
8. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 339, page 13–14.
9. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 353, page 15–15 reverse.

10. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 353, page 12–12 reverse.
11. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 1, case 58, page 1–1 reverse.
12. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 1, case 58, page 5–5 reverse.
13. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 365, page 196–197.
14. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 365, page 228.
15. Tekueva M. A. Ritualy muzhskikh iniciatsiy v tradicionnoy kul'ture adygov [Rituals of male initiation in the traditional culture of the Circassians]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii = Cultural Life of the South of Russia*, 2006, No. 2, pp. 21–24. (In Russian).
16. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 427, page 2.
17. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 427, page 4.
18. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 443, page 4.
19. Goran Rajović, Dmitry O. Ezhevski, Alla G. Vazerova, Milica Trailovic. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*, 2018, vol. 47, iss. 1, pp.153–160.
20. ACAC. vol. II. 942 p.
21. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 7–7 reverse.
22. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 6–6 reverse.
23. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 12.
24. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 533, page 5–5 reverse.
25. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 448, page 86–88.
26. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 448, page 154–156.
27. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 533, page 5–5 reverse.
28. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 491, page 8–8 reverse.
29. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 491, page 13–13 reverse.
30. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 93–93 reverse.
31. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 125–126.
32. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 144–146 reverse.
33. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 707, page 37–37 reverse.
34. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 63, page 6–7.
35. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 63, page 14
36. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 80, page 24.
37. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 868, page 1–1 reverse.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. К вопросу о российской политике на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в.: особенности интеграции и формирования историко-культурного партнерства (по данным ГАКК) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 78–92.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. To the Question of Russian Policy in the Northwestern Caucasus at the Late XVIII – Early XIX Centuries: Features of Integration and Formation of Historical and Cultural Partnership (According to the GAKK) / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 78–92. (In Russian).

УДК 94 (470.5) "1939/1959"

**ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В 1939–1959 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

А.В. Жарков

**CHANGES IN THE LEVEL OF POPULATION LITERACY IN 1939–1959
(ON THE MATERIALS OF SVERDLOVSK OBLAST)**

A. V. Zharkov

Аннотация. В России в XX в. произошел рост культурного уровня населения. С конца 1930-х гг. государство проводило мероприятия по осуществлению всеобщего семилетнего обучения. Кроме того, продолжалась борьба с неграмотностью. Но в связи с войной осуществление этих мероприятий приостановилось, и возобновилось в полной мере только после окончания войны. В статье, основываясь на данных переписей населения 1939 и 1959 гг., рассматриваются результаты государственной политики в сфере образования на примере Свердловской области. Сделаны выводы о существенном росте уровня грамотности среди населения всех возрастов и о достижении уровня грамотности, близкого к абсолютному, среди лиц 9–49 лет. Несмотря на наличие значительного процента неграмотного населения среди лиц 50 лет и старше, сделан вывод об успешности образовательной политики государства, так как задача обучать грамоте лиц старше 50 лет никогда не ставилась.

Abstract. In the XX century, Russia witnessed an increase in the cultural level of the population. Since the late 1930s the state carried out measures to implement general seven-year education. In addition, the fight against illiteracy continued. But due to the war the implementation of these measures was suspended and resumed in full only after the war ended. Based on the population censuses of 1939 and 1959 the article examines the results of state educational policy on the example of Sverdlovsk Oblast. The conclusions about a significant increase of a literacy rate among the population of all ages and about the achievement of a literacy rate close to absolute among people 9–49 years old are drawn. Despite a significant number of illiterate people aged 50 and over, it is possible to stress the success of the state educational policy because the task of teaching literacy to persons aged over 50 has never been set.

Ключевые слова: грамотность, уровень грамотности, Свердловская область, перепись населения.

Keywords: literacy, literacy rate, Sverdlovsk Oblast, population census.

В XX веке в России произошел колоссальный рост культурного уровня населения. Имея сравнительно низкий уровень грамотности в начале века, к концу века население обрело сравнительно высокий уровень образования. Процесс перехода от безграмотности к грамотности населения, затем к неполному среднему (семилетка) и среднему уровню образования можно назвать культурным переходом. Культурный переход в нашей стране происходил поэтапно. На первом этапе стояла цель достигнуть всеобщего начального образования. На втором этапе шло осуществление всеобщего неполного среднего

образования. На третьем этапе происходило расширение доступности полного среднего образования.

С конца 1930-х гг. государство стремилось осуществить всеобщее семилетнее обучение, но из-за войны переход к всеобщему семилетнему обучению начал происходить лишь в 1949 г. [12, с. 73]. Произошедшее расширение охвата населения неполной средней школой отразилось и на уровне грамотности населения, который, хотя он был весьма существенным согласно данным переписи 1939 г., особенно среди городского населения, оставался не высоким в старших возрастных группах. Тем не менее, и грамотность пожилого населения увеличивалась, так как оно, будучи в трудоспособном возрасте, было охвачено обучением в рамках борьбы с неграмотностью. Снижалось и влияние фактора вторичной неграмотности. Кроме того, сократился разрыв в уровне грамотности мужчин и женщин в связи с расширением возможности получения женщинами образования. Однако мероприятия по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в годы войны существенно сократились, во-первых, из-за необходимости напряженного труда всего населения в военных условиях, а во-вторых, в связи с сокращением финансирования сферы образования в целом. Проблему также составляли дети, которые в этих условиях не могли посещать школу, пополняя впоследствии ряды неграмотных взрослых. В послевоенные годы государство вновь озаботилось решением проблемы неграмотности, поскольку стране жизненно необходимы были образованные кадры, как в промышленности, так и в других отраслях экономики, тогда как неграмотные могли бы использоваться исключительно в качестве чернорабочих. Результаты политики, проводимой государством в сфере образования в течение 20 лет после 1939 г., хорошо иллюстрирует перепись населения 1959 г.

Цель статьи – выяснить, как осуществление всеобщего неполного среднего образования и мероприятий по ликвидации неграмотности повлияло на уровень грамотности населения Свердловской области.

Вопросы развития образования на Урале в указанный период времени освещены в работах ряда историков. Среди советских историков необходимо отметить В.М. Ожиганова, изучавшего повышение общеобразовательного уровня рабочего класса в 1950-х гг. на материалах Пермской области [15], Г.Г. Бажутина, занимавшегося изучением повышения культурно-технического уровня рабочих в период семилетки в Пермской области [1], а также Э.Н. Гольдштейна, который исследовал повышение общеобразовательного уровня рабочих Свердловской и Пермской областей [7]. В постсоветский период вопрос образовательного уровня населения области рассматривался в статье Г.Е. Корнилова и И.И. Чернышевой, в которой проанализирован на материалах переписей населения образовательный уровень в разрезе разных половозрастных групп населения в 1939 и в 1959 гг. [11]. Борьбе с неграмотностью взрослого населения в регионе в 1940–1950-е гг. посвящена другая их совместная статья [10], а также диссертация Чернышевой [17], где подробно

описываются мероприятия по ликвидации неграмотности в послевоенный период, их результативность и проблемы, с которыми государство сталкивалось при реализации этих мероприятий.

Особенностям роста уровня грамотности и образования населения страны с конца XIX в. до начала 1960-х гг. посвящена монография И.М. Богданова [2]. Во 2-м томе исторических очерков «Население России в XX веке» проведен анализ уровня грамотности и образования населения в межпереписной период [14]. В указанных выше случаях авторы в целом положительно оценивали результативность государственной политики по повышению образовательного уровня и ликвидации неграмотности населения. Однако есть и противоположная точка зрения. Критически оценивают результаты государственной политики в этой сфере Г.М. Иванова [8] и А.А. Фишева [16], делая акцент на том, что и в конце 1950-х гг. государственная власть негласно признавала, что ликвидация неграмотности ещё не завершена.

Как отмечал И.М. Богданов, формулировка вопроса о грамотности в советских переписях населения включала в себя как вариант для умеющих читать и писать, так и вариант для умеющих только читать. Но для сопоставимости с данными переписи 1897 г. при разработке данных к грамотным относили и полуграмотных, т. е. умеющих лишь читать [2, с. 9]. Иначе говоря, и в переписи 1939 г., и в переписи 1959 г. в качестве грамотных фиксировались также и полуграмотные, о чем необходимо помнить. При этом по мере расширения доступа населения к образованию доля полуграмотных должна была снижаться. И, конечно же, в 1959 г. значительная часть «грамотных» – это уже люди как минимум с начальным образованием, а как максимум – с высшим.

Территория Свердловской области в 1939 году в целом соответствовала современной (начало XXI в.). Среди наиболее важных отличий было отсутствие в 1939 г. Каменского и Покровского районов, которые тогда находились в составе Челябинской области. Поэтому в материалах переписи населения 1939 г. данные по указанным районам представлены в рамках Челябинской области, а не Свердловской. Однако если посмотреть на данные об уровне грамотности населения в возрасте 9–49 лет, которые представлены в опубликованном сборнике итогов переписи 1959 года и пересчитаны с учетом произошедших территориальных изменений, то становится ясно, что разница ничтожно мала (так, согласно указанному сборнику, уровень грамотности составлял 90,2 % у обоих полов, 96 % у мужчин и 85,1 % у женщин, разница с данными из таблицы 1 составляет лишь 0,1 % у обоих полов, а у мужчин и женщин разница отсутствует) [9, с. 144–149]. По этой причине данные переписи 1939 г. вполне могут использоваться без дополнений.

Таблица 1

Грамотность населения Свердловской области по переписи 1939 г., %

возраст	сельское население			городское население			всё население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
9–19 лет	96,9	96,3	96,6	98,9	98,7	98,8	98,0	97,8	97,9
20–49 лет	91,9	63,5	79,3	96,4	84,5	90,0	94,8	78,8	86,2
50 и более лет	56,9	17,1	32,5	75,8	39,6	53,3	66,6	28,8	43,3
с 9 лет и старше	88,0	65,6	75,8	94,9	81,6	87,7	92,2	75,4	83,1
9–49 лет	93,9	78,6	85,8	97,2	89,0	92,9	96,0	85,1	90,3

Подсчит. по: [6, с. 291].

В 1939 г., согласно таблице 1, в Свердловской области население в целом имело сравнительно высокий уровень грамотности. В группе 9–19 лет он был наивысшим – почти 99 % у горожан, а на селе – 96,9 % у мужчин и 96,3 % у женщин. Среди всего населения этой группы уровень грамотности мужчин составлял 98 %, а женщин – 97,8 %. Разница в уровне грамотности между мужчинами и женщинами данной возрастной группы составляла несколько десятых долей процента.

В следующей возрастной группе показатели грамотности были ниже, чем у лиц 9–19 лет. У горожан они составляли 96,4 % у мужчин и 84,5 % у женщин, что было на 2,5 % и на 14,2 % меньше, чем в группе 9–19 лет соответственно. На селе показатели грамотности отличались существенно. У мужчин они составляли 91,9 %, что было на 5 % ниже, чем у 9–19-летних, у женщин же – 63,5 %, что было ниже на 32,8 % (в 1,5 раза). Мужчины были грамотнее женщин: в городе – на 11,9 %, на селе – на 28,4 % (в 1,4 раза).

В старшей возрастной категории уровень грамотности резко понижался. У горожан он составлял 75,8 % у мужчин и 39,6 % – у женщин, что было ниже уровня предыдущей группы соответственно на 20,6 % (в 1,27 раза) и 44,9 % (в 2,13 раза). У селян уровень грамотности составлял 56,9 % у мужчин и 17,1 % – у женщин, это было меньше показателей 20–49-летних соответственно в 1,6 и в 3,7 раза. В данной группе уровень грамотности женщин был ещё меньше мужского, чем в предыдущей группе: в 1,9 раза в городе и в 3,3 раза – на селе.

Среди лиц в возрасте 9–49 лет грамотных мужчин было 97,2 % в городе и 93,9 % – в деревне, грамотных женщин – 89 % и 78,6 % соответственно. Общий показатель грамотности обоих полов составлял 90,3 %. Показатели данной группы, естественно, были больше, чем в группе «с 9 лет и старше»: у мужчин на 2,3 % в городе и 5,9 % в деревне, у женщин – соответственно на 7,4 % и 13 %. Общий же показатель грамотности обоих полов с девятилетнего возраста составлял 83,1 %.

В РСФСР показатели грамотности населения по переписи 1939 г. составляли: в группе «с 9 лет и старше» в городе – 96,5 % у мужчин, 84,9 % – у женщин и 90,3 % – у обоих полов, на селе – 89,7 % у мужчин, 66,5 % – у женщин и 77,2 % у обоих полов. Среди всего населения уровень грамотности составлял 81,9 % в группе «с 9 лет и старше», 89,7 % – в группе «9–49 лет» и 42,9 % в группе «50 и более лет» [3, с. 40, 43]. Сравнивая республиканские показатели грамотности населения с областными, можно увидеть отличия. Грамотность сельского населения области была ниже, чем в целом по РСФСР на 0,9–1,7 %, грамотность городского населения – на 1,6–3,3 %. При этом среди всего населения области грамотность и в группе «с 9 лет и старше», и в группе «9–49 лет», и даже в группе «50 и более лет» была немного выше, чем у населения республики. Это объясняется более высоким уровнем урбанизации Свердловской области по сравнению с республикой в целом.

Таблица 2

Грамотность населения Свердловской области по переписи 1959 г., %

возраст	сельское население			городское население			всё население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
9–19 лет	99,4	99,5	99,4	99,7	99,7	99,7	99,6	99,7	99,7
20–49 лет	98,7	95,1	96,8	99,3	97,2	98,2	99,2	96,8	97,9
50 и более лет	84,5	48,5	59,9	92,4	65,7	74,5	90,3	60,9	70,5
с 9 лет и старше	96,6	82,6	89,0	98,5	90,8	94,2	98,0	89,0	93,0
9–49 лет	98,9	96,2	97,6	99,4	97,8	98,6	99,3	97,5	98,3

Подсчит. по: [5].

К 1959 г. уровень грамотности населения Свердловской области вырос (табл. 2). В возрастной группе «9–19 лет» он составлял 99,7 % у горожан и 99,4 % у селян, то есть представители данной группы имели почти абсолютную грамотность. В группе «20–49 лет» процент грамотных было немного меньше. У городских мужчин он был меньше, чем в предыдущей группе, всего на 0,4 %, у городских женщин он составлял 97,2 %, что было меньше на 2,5 %. У сельских мужчин уровень грамотности составлял 98,7 %, меньше показателя мужчин 9–19 лет на 0,7 %, у сельских женщин – 95,1 %, что было меньше на 4,4 %. В данной возрастной группе разница между показателями грамотности мужчин и женщин была весьма небольшой – 2,1 % в городе и 3,6 % на селе.

В возрастной группе «50 и более лет» показатели грамотности были существенно ниже, особенно у женщин. Так, уровень грамотности горожан составлял 92,4 % у мужчин и всего 65,7 % – у женщин, уровень грамотности селян – 84,5 % и 48,5 % соответственно. Он был меньше, чем в группе «20–49 лет» в городе – на 6,9 % у мужчин и на 31,5 % (т. е. в 1,5 раза) у женщин, в деревне – на 14,2 %

у мужчин и почти в 2 раза у женщин. Разница в уровне грамотности между мужчинами и женщинами также была велика – 1,4 раза в городе и 1,7 раза в деревне.

Показатели грамотности группы «9–49 лет» находились в рамках между показателями первых двух возрастных групп. Поэтому грамотность горожан составляла 99,4 % у мужчин и 97,8 % у женщин, а грамотность селян – 98,9 % и 96,2 % соответственно. Грамотность населения в возрасте 9 лет и старше была, естественно, несколько меньше. У мужчин она составляла 98,5 % в городе (меньше на 0,9 %) и 96,6 % в деревне (меньше на 2,3 %), у женщин отличалась сильнее, составляя 90,8 % в городе (на 7 % меньше) и 82,6 % в деревне (на 13,6 % меньше).

Таблица 3

Грамотность населения РСФСР по переписи 1959 г., %

возраст	сельское население			городское население			всё население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
9–19 лет	99,5	99,4	99,5	99,8	99,8	99,8	99,6	99,6	99,6
20–49 лет	98,9	96,2	97,4	99,5	97,7	98,5	99,2	97,1	98,0
50 и более лет	87,0	51,9	63,0	94,3	70,1	78,2	90,6	60,6	70,3
с 9 лет и старше	96,8	83,5	89,1	98,7	91,5	94,7	97,9	87,8	92,1
9–49 лет	99,1	97,1	98,0	99,6	98,2	98,8	99,3	97,7	98,5

Подсчит. по: [4].

Сравнивая показатели грамотности Свердловской области и РСФСР в 1959 году, необходимо отметить ряд моментов (таб. 3). В возрастной группе «9–19 лет» показатели городского населения области меньше республиканских на 0,1 %, показатели сельского населения области меньше также на 0,1 % у мужчин и у обоих полов, а у женщин, наоборот, больше на эту же величину. Среди всего населения областные показатели равны республиканским у мужчин и больше на 0,1 % у женщин и у обоих полов. Указанная разница очень мала, так что можно считать, что в целом в этой группе населения показатели грамотности были равны.

В возрастной группе «20–49 лет» разница несколько большая. У мужчин и в городе и на селе уровень грамотности был на 0,2 % меньше, чем по республике, при этом среди всего населения он не отличался. У женщин на селе показатель грамотности был меньше на 1,1 %, а в городе на 0,5 %, при этом среди всего населения он был меньше только на 0,3 %. Всё население области обоих полов было менее грамотно лишь на 0,1 %.

В группе «50 и более лет» показатели грамотности населения области были меньше республиканских и у городского, и у сельского населения, но при этом среди всего населения они были выше у женщин и у обоих полов.

Так, уровень грамотности мужчин был меньше на 2,5 % на селе, на 1,9 % в городе и среди всего населения – на 0,3 %. Уровень грамотности женщин был меньше на селе на 3,4 %, в городе на 4,4 %, но среди всего населения он был выше на 0,3 %. Общий показатель грамотности обоих полов среди всего населения был выше республиканского на 0,2 %.

В группе «9–49 лет» показатели грамотности были немного ниже республиканских: среди всего населения они были ниже на 0,2 % у женщин и у обоих полов, не отличаясь при этом у мужчин. В сельской местности разница составляла 0,2 % у мужчин, 0,9 % у женщин и 0,4 % у обоих полов, в городе – 0,2 % у мужчин и у обоих полов и 0,4 % у женщин. В группе «с 9 лет и старше» показатели грамотности мужчин так же, как и в предыдущей группе, были ниже республиканских в городе и в деревне на 0,2 %, но при этом они были выше на 0,1 % среди всего населения. Показатели грамотности женщин были меньше республиканских на селе на 0,9 % и в городе на 0,7 %, но при этом они были выше среди всего населения на 1,2 %. Поэтому и показатели грамотности обоих полов среди всего населения были выше республиканских на 0,9 %. Превышение показателей грамотности населения области над республиканскими среди всего населения объясняется тем, что в Свердловской области уровень урбанизации населения был выше среднего показателя по РСФСР. Поэтому, несмотря на более низкие показатели грамотности как городского, так и сельского населения, из-за большего уровня грамотности горожан относительно селян и общая грамотность населения была выше, чем по республике.

При сравнении показателей грамотности населения области 1939 и 1959 гг. становится очевидно, что произошел их существенный рост. Но он был весьма различным, если анализировать ситуацию по отдельным возрастным группам. В группе 9–19-летних он был небольшим: до 1 % у горожан и от 2,5 % до 3,2 % – у жителей села. В возрастной группе 20–49 лет рост был также небольшим у мужчин и весьма существенным у женщин: 2,9 % у городских мужчин и 6,8 % – у сельских, а у женщин – 12,7 % в городе и 1,5 раза на селе. В старшей возрастной категории рост был существенным как у мужчин, так и у женщин. У горожан он составил 1,2 раза у мужчин и 1,7 раза – у женщин, в сельской местности – соответственно 1,5 и 2,8 раза. Показатели грамотности населения в возрасте 9–49 лет выросли у мужчин на 2,2 % в городе и на 5 % на селе, а у женщин – соответственно на 8,8 % и на 17,6 %. В группе «с 9 лет и старше» рост был немного большим у мужчин (на 3,6 % в городе и на 8,6 % в деревне) и у женщин в городе (на 9,2 %), тогда как у женщин на селе он был немного меньшим (17 %).

За 20 лет с 1939 по 1959 гг. в Свердловской области в рамках второго этапа культурного перехода в результате политики по осуществлению всеобщего обязательного неполного среднего образования существенно вырос уровень грамотности населения. Среди лиц в возрасте с 9 до 19 лет рост был сравнительно небольшим, так как и в 1939 г. они имели уровень грамотности, близкий к абсолютному. Существенный рост грамотности произошел в группе 20–49 лет, где был достигнут уровень грамотности, близкий к абсолютному. Ещё больший рост показателей грамотности произошел в старшей возрастной категории, хотя там и в 1959 г. оставался существенный процент неграмотных,

особенно среди женщин. Впрочем, несмотря на это, реализацию государственной политики в сфере ликвидации неграмотности населения в возрасте 9–49 лет вполне можно считать успешной, так как, согласно Декрету СНК «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 года, неграмотность должна была быть ликвидирована у населения в возрасте от 8 до 50 лет [13, с. 377]. В сравнении с республиканскими показателями уровень грамотности населения области почти во всех возрастных группах был немного меньше и у горожан, и у селян. Однако показатели грамотности всего населения области были немного выше республиканских в ряде возрастных групп женщин, обоих полов, а также у мужчин в группе «9 лет и старше».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажутин, Г. Г. Деятельность партийных организаций Западного Урала по повышению культурно-технического уровня рабочего класса в период семилетки (1959–1965) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Г. Бажутин. – Пермь, 1967. – 23 с. – Текст : непосредственный.
2. Богданов, И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР / И. М. Богданов. – М. : Статистика, 1964. – 195 с. – Текст : непосредственный.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Текст : непосредственный // Институт российской истории и Управление статистики населения Госкомстата России. – М. : Наука, 1992. – 254 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Российская СФСР. – Текст : электронный // Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=1.
5. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения РСФСР и ее регионов по возрасту и уровню образования. Свердловская область. – Текст : электронный // Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=58.
6. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с. – Текст : непосредственный.
7. Гольдштейн, В. Н. Деятельность КПСС по подъему общеобразовательного уровня рабочего класса (1959–1965 гг.). По материалам Свердловской и Пермской областей : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Гольдштейн. – Пермь, 1968. – 32 с. – Текст : непосредственный.
8. Иванова, Г. М. Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. / Г. М. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. – Т. 10. – № 1 (29). – С. 27–37.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М. : Госстатиздат, 1963. – 456 с. – Текст : непосредственный.
10. Корнилов, Г. Е. Ликвидация неграмотности взрослого населения в Свердловской области в 1946–1958 гг. / Г. Е. Корнилов, И. И. Чернышева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. – № 2. – С. 25–32.
11. Корнилов, Г. Е. Образовательный уровень населения Свердловской области в конце 1950-х годов (по материалам переписи 1959 г.): корреляционный анализ / Г. Е. Корнилов, И. И. Чернышева. – Текст : непосредственный // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : сборник статей IX Уральского демографического форума. – Екатеринбург, 2018. – С. 150–156.

12. Медынский, Е. Н. Народное образование в СССР / Е. Н. Медынский. – М., 1952. – 260 с. – Текст : непосредственный.
13. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с. – Текст : непосредственный.
14. Население России в XX веке : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. изд. Ю. А. Поляков ; отв. ред. тома В. Б. Жиромская. – М. : РОССПЭН, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.
15. Ожиганов, В. М. Партийное руководство повышением общеобразовательного уровня рабочего класса в вечерних (сменных) средних школах (1955–1958 гг.) / В. М. Ожиганов. – Текст : непосредственный // Развитие промышленности и социально-культурное строительство на Западном Урале : сборник научных трудов № 105. – Пермь : Пермский политехнический институт, 1971. – С. 62–72.
16. Фишева, А. А. Общее образование взрослых на территории РСФСР в 1930–1950-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Фишева. – СПб., 2015. – 326 с. – Текст : непосредственный.
17. Чернышева, И. И. Общее образование взрослых на Урале в 1936–1958 гг. : историко-институциональный аспект : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Чернышева. – Екатеринбург, 2018. – 282 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bazhutin G. G. Deyatel'nost' partijnykh organizacij Zapadnogo Urala po povysheniyu kul'turno-tekhnicheskogo urovnya rabocheho klassa v period semiletki (1959–1965) [The Activities of the Party Organizations of the Western Urals to Raise the Cultural and Technical Level of the Working Class during the Seven-Year Plan (1959–1965)], Cand. diss. abstract. Perm, 1967. 23 p.
2. Bogdanov I. M. Gramotnost i obrazovanie v dorevolyutsionnoy Rossii i v SSSR [Literacy and Education in Pre-Revolutionary Russia and in the USSR]. Moscow, Statistika, 1964. 195 p.
3. Polyakov Yu. A. (Ed.) Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi [All-Union Census of the population of 1939. Main Results]. Moscow, Nauka, 1992. 256 p.
4. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1959 g. Raspredelenie naseleniya RSFSR i yeye regionov po vozrastu i urovnyu obrazovaniya. Rossijskaya SFSR [All-Union Census of 1959. Distribution of the Population of the RSFSR and its Regions by Age and Level of Education. Russian SFSR]. Demoscope Weekly. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=1. (In Russian).
5. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1959 g. Raspredelenie naseleniya RSFSR i yeye regionov po vozrastu i urovnyu obrazovaniya. Sverdlovskaya oblast [All-Union Census of 1959. Distribution of the Population of the RSFSR and its Regions by Age and Level of Education. Sverdlovsk Oblast]. Demoscope Weekly. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_edu_59.php?reg=58. (In Russian).
6. Motrevich V. P. (Ed.) Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skij region: Sbornik materialov [All-Union Census of the USSR in 1939: Ural Region: Collection of Materials]. Yekaterinburg, Humanitarian University, 2002. 372 p.
7. Goldshtein V. N. Deyatel'nost KPSS po podyemu obshcheobrazovatel'nogo urovnya rabocheho klassa (1959–1965 gg.). Po materialam Sverdlovskoj i Permskoy oblastey [The Activities of the CPSU to Raise the General Educational Level of the Working Class (1959–1965). Based on Materials from the Sverdlovsk and Perm regions]. Cand. diss. Abstract. Perm, 1968. 32 p.

8. Ivanova G. M. Gosudarstvennaya politika likvidacii negramotnosti v SSSR v 1950–1960-e gg. [State policy of eradicating illiteracy in the USSR in the 1950s–1960s]. Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2017, vol. 10, No. 1 (29), pp. 27–37. (In Russian).

9. Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR [Results of the All-Union Census of 1959. RSFSR]. Moscow, Gosstatizdat, 1963. 456 p.

10. Kornilov G. Ye., Chernysheva I. I. Likvidaciya negramotnosti vzroslogo naseleniya v Sverdlovskoy oblasti v 1946–1958 gg. [Elimination of illiteracy of the adult population in Sverdlovsk Oblast in 1946–1958]. Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia, 2018, vol. 25, No. 2, pp. 25–32. (In Russian).

11. Kornilov G. Ye., Chernysheva I. I. Obrazovatel'nyy uroven' naseleniya Sverdlovskoy oblasti v konce 1950-h godov (po materialam perepisi 1959 g.): korrelyacionnyy analiz [The educational level of the population of Sverdlovsk Oblast in the late 1950s (based on the 1959 census): correlation analysis]. Demograficheskaya i semejnaya politika v kontekste celej ustojchivogo razvitiya. Sbornik statej IX Ural'skogo demograficheskogo foruma = Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development Goals. Collection of Articles of the IX Ural Demographic Forum, 2018, pp. 150–156. (In Russian).

12. Medynskiy Ye. N. Narodnoe obrazovanie v SSSR [Public education in the USSR]. Moscow, 1952. 260 p.

13. Abakumov A. A. (Ed.) Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov 1917–1973 gg. [Public education in the USSR. Comprehensive School. Collection of Documents 1917–1973]. Moscow, Pedagogika, 1974. 560 p.

14. Polyakov Yu. A., Zhiromskaya V. B. (Eds.) Naselenie Rossii v XX veke [The Population of Russia in the Twentieth Century]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001, vol. 2. 416 p.

15. Ozhyganov V. M. Partiynoe rukovodstvo povysheniem obshcheobrazovatel'nogo urovnya rabocheho klassa v vechernih (smennyh) srednikh shkolakh (1955–1958 gg.) [Party leadership in raising the general educational level of the working class in evening (shift) secondary schools (1955–1958)]. Razvitie promyshlennosti i social'no-kul'turnoe stroitel'stvo na Zapadnom Urale = Development of Industry and Socio-Cultural Construction in the Western Urals, Perm, 1971, No. 105, pp. 62–72. (In Russian).

16. Fisheva A. A. Obshchee obrazovanie vzroslykh na territorii RSFSR v 1930–1950-e gg. [General Education of Adults on the Territory of the RSFSR in the 1930s–1950s], Cand. diss. Saint Petersburg, 2015. 326 p.

17. Chernysheva I. I. Obshchee obrazovanie vzroslykh na Urale v 1936–1958 gg.: istoriko-institucional'nyy aspekt [General Education of Adults in the Urals in 1936–1958: Historical-Institutional Aspect], Cand. diss. Yekaterinburg, 2018. 282 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Жарков, А. В. Изменение уровня грамотности населения в 1939–1959 гг. (на материалах Свердловской области) / А. В. Жарков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 93–102.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zharkov A. V. Changes in the Level of Population Literacy in 1939–1959 (on the Materials of Sverdlovsk Oblast) / A. V. Zharkov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 93–102. (In Russian).

УДК 94(470.62/.67)

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ
ФРАНЦУЗСКИХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ**

О.Г. Каранкова, Е.Б. Хабибулина

**FEATURES OF THE STUDY OF THE NORTH CAUCASUS
IN THE RESEARCH TRADITION
OF FRENCH AND FRENCH-SPEAKING SPECIALISTS**

O.G. Karapkova, E.B. Khabibulina

Аннотация. В представленной статье рассматривается изучение Северного Кавказа французскими и франкоязычными исследователями. Анализируется история формирования и накопления сведений о данном регионе, основываясь на развитии мирового ориентализма. Прослеживается тенденция особенностей французской исторической исследовательской традиции. Оценивается влияние политических событий на восприятие народов Северного Кавказа французскими авторами в материалах периодических изданий.

Abstract. The article discusses the study of the North Caucasus by French and French-speaking researchers. The history of the formation and accumulation of information about this region is considered based on the development of world orientalism. The tendency of the peculiarities of the French historical research tradition is traced. The influence of political events on the perception of the peoples of the North Caucasus by French authors in the materials of periodicals is evaluated.

Ключевые слова: кавказоведение, источниковедение, историография, историческая традиция, ориентализм, Северный Кавказ, историческая память.

Keywords: Caucasian studies, source studies, historiography, historical tradition, orientalism, North Caucasus, historical memory.

Интерес к исследованию востока появляется у специалистов Западной Европы примерно в XVIII веке. Преобладал этот интерес в странах, которые имели большое количество колоний расположенных в данном регионе, что было нацелено на исследование существующих политических и социально-экономический реалий. Подобная проблема вставала и перед Российской исторической наукой. Особенно остро данная необходимость возникает после походов Петра I на Каспий в 1772 году. Ориентировочно к концу XVIII в. Восток занимал одно из центральных мест во внешней политике России. Это наглядно видно на открытии специального Азиатского департамента 26 февраля 1797 г. в структуре МИД.

Важно отметить, что в начале формирования и становления кавказоведения среди специалистов было больше западноевропейских ученых и путешественников, которые совершали академические экспедиции в данный регион. Именно в этот период возникает острый интерес европейских

историков к изучению Северного Кавказа. Тем самым данный этап развития исторической науки ознаменовался обостренным интересом европейских специалистов к далёкому Кавказу [6].

Несмотря на то, что более детальное изучение Азиатской части России и, в частности, Кавказа было предложено только в 1876 г., разнообразные сведения о кавказских народах доходили до специалистов Западной Европы значительно раньше. В рамках данной статьи особый интерес привлекает исследовательская историческая традиция французских и франкоязычных специалистов, что обусловлено важностью французской исследовательской исторической традиции в осмыслении событий и судеб мировой историографии [5].

В данном контексте важно кратко рассмотреть, каким образом происходило постепенное накопление сведений и знаний о Северном Кавказе.

Обратившись к исследованиям французских и франкоязычных историков, мы выяснили, что первые известия о Кавказе восходят ещё к XIII в. Так как, франкоязычные западноевропейские путешественники начали проникать на территорию Востока ещё в XIII в., что произошло из-за развития экономических и торговых отношений, в том числе и территории Кавказа. Так, большое количество франкоязычных путешественников побывали в достаточно отдалённых и труднодоступных горных селениях Северного Кавказа, сумев непосредственно понаблюдать за жизнью его народов. В дальнейшем, полученные материалы, в которых содержались различные сведения, явились ценным источником для характеристики многих сторон жизни этих народов по такому малоизученному периоду их истории, как XVIII – первая половина XIX вв. [4, с. 121–122].

Стоит отметить, что в период XIII–XIV вв. франкоязычные путешественники появляются на территории Кавказа случайно. С середины XV в. можно отметить тенденцию к учащению и системности путешествий на Кавказ и через Кавказ [4, с. 87–88]. Данная тенденция связана, с происшедшим в это время развитием мировых торговых путей, что было отмечено ранее. В связи с дальнейшим накоплением Европейского торгового капитала в XIV–XV вв. европейская торговля принимает гораздо больший размах и устремляется на поиски новых рынков для реализации. Так, в XV и XVI вв. поднимается торговое значение путей сообщения с Востоком через Кавказ [6].

После завоевательных походов монголов, начиная с XIII в., путь через Кавказский хребет и Дарьяльское ущелье практически замирает. В этот период сохраняет своё значение только один путь через Кавказ – по каспийскому побережью [3]. С конца XIV в., в связи с развитием итальянской торговли на Черноморье, и в особенности в XV и XVI вв., в связи с оживлением северного, волжско-каспийского пути, начинают активно эксплуатироваться и обе эти кавказские дороги. Одновременно с этим, в XV–XVI вв., повышается и политическая значимость для Европы как кавказских путей, так и самого Кавказа, за который велась борьба между государством османов (Турция), возникшим на обломках Византийской империи, и Персией.

Но, вопреки активным исследованиям данного региона путешественниками, подробное изучение данного региона начинается только с XVIII века. Современная французская исследовательница Катрин Пужоль показала роль этих экспедиций в последующей политике на территории Кавказа [7, с. 54–60].

И хотя эти первые сведения о Кавказе как о части Востока были собраны задолго до того, как востоковедение оформилось в самостоятельную научную дисциплину, их анализ представляется важным в том плане, что эти сведения о Кавказском регионе повлияли на формирование взглядов западноевропейских авторов более позднего периода (XVIII–XIX вв.). Не случайно труды ранних авторов-путешественников по Кавказу входили в библиотеки более поздних исследователей, которые они брали с собой в поездки по этому региону.

После завершения Наполеоновских войн, во второй половине девятнадцатого столетия, французы ещё глубже осознали важность и необходимость истории.

За историю развития французской историографии происходи значительные корректировки. В 1868 году в Париже была основана особая Высшая школа практических исследований, в составе которой имелась историко-филологическая секция [2]. Её основатели противопоставляли свой подход пустому красноречию историкам-лекторам прежних лет, они проводили работу с документами на практических семинарах и в лабораториях и основной целью ставили приращение научных знаний. За основу они решили взять естественнонаучные науки, в которых все проблемы решаются выведение общих формул методом наблюдения [1].

Особый интерес к отдалённым территориям возникает в первой половине XIX века, в период Отечественной войны 1812 года. Обосновано это было тем, что наблюдался недостаток информации о чуждой северной стране, публицистам приходилось переводить сочинения английских и немецких авторов, а также пересказывать старые сочинения.

Рассматривая периодичу конца XVIII – начала XIX века, мы можем отметить, что тематика газетных сообщений о Российской Империи была вполне традиционной [3]. По-прежнему в 1811–1812 гг. одной из распространённых тем были описания необычных природных явлений и климата России, с нередким использованием стереотипных штампов. Чаще всего появляется материал корреспондентов, в которых сообщалось о закрытии или открытии навигации, стихийных бедствия, что могло быть полезно для торговых представителей, отправлявших товары в Россию [7, с. 54–60].

В XIX веке территория Российской Империи по-прежнему остается малоизученной, так путешественники из Европейских стран нередко отправлялись в Россию с целью изучения отдельных уголков империи, в том числе о территории Кавказа. Чаще всего статьи о подобных путешествиях появлялись на страницах периодического издания *Moniteur Universel*.

Много материала было посвящено Кавказу, в 1811–1812 годах особый интерес возникает, в том числе из-за того, что через данную территорию проходил важный путь в Индию [2].

Кроме описаний погоды, во французских газетах можно встретить экономические новости о взаимодействии России с некоторыми странами Европы. Так в одной из статей была опубликована информация о том, что английское правительство выделило 17 000 фунтов на приобретение пеньки в России, что естественно должно было свидетельствовать о пренебрежении России, договором, заключенным с французским императором и своими союзническими обязательствами [6]. В том же *Moniteur Universel* подчеркивалось, что Франция осталась верна Тильзитским и Эрфуртским договорам и продолжила разрушение укреплений Данцига; королём Дании, являвшимся верным союзником Наполеона, в апреле 1812 года был подтвержден указ о Континентальной блокаде.

На протяжении 1811–1812 года отмечается, что информация об осложнении отношений между Россией и Францией очень слабо прослеживается. Стоит также отметить, что, при описании народов России, нередко фигурировала информация о дикости нравов некоторых народов.

Позднее, в 1873 г., в Париже состоялся первый интернациональный Конгресс ориентализма, который продолжил свою работу в Лондоне (1874 г.), а затем в Санкт-Петербурге (1876 г.) [4].

Уже в ходе третьего Конгресса исследователями было предложено изучение Азиатской части России: Средней Азии, Кавказа, Крыма, Сибири. Данные исследования были очень важны для Российской империи.

В исследовании Кавказа отмечается большой вклад видного востоковеда Генриха Юлиуса Клапрота, который предпринял в 1807–1808 гг. научную экспедицию на Кавказ с целью изучения этого региона [8]. Стоит отметить, что он не учитывает материалы Яна Потоцкого, который также проводил фундаментальные исследования северокавказского региона собранные во время его поездки в 1797–1798 гг.

Данный факт говорит об определенной недооценке научных изысканий Яна Потоцкого и других материалов франкоязычных исследователей, таких как Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Жиль, А. Оммер де Гелль, Т. де Мариньи.

Исследовав данную проблематику, нами было определено, что личности и деятельность франкоязычных ученых и путешественников заслуживают самого пристального внимания и должны занимать достойное место в истории кавказоведения. В соответствии с чем, необходим пересмотр достижений французских исследователей в рамках формирования картины о народах Северного Кавказа в рамках их исторического развития [1].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. De Meaux Lorraine. Histoire de l’Orientalisme en Russie au XIX-e siècle // Thèse soutenue 12 novembre, 2002. URL: www.bnf.fr (дата обращения: 04.05.2021).

2. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité. T. 1–8. Paris, 1822–1825.

3. Бондаренко, Н. Г. Северный Кавказ глазами французских и франкоязычных ученых и путешественников XIII–XIX веков / Н. Г. Бондаренко, Е. Л. Соснина, Т. В. Мухортова. – Текст : электронный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnoy-kavkaz-glazami-frantsuzskih-i-frankoyazychnyh-uchenyh-i-puteshestvennikov-xiii-xix-vekov> (дата обращения: 01.03.2022).

4. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список : в 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост., предисл. и примеч. М. Е. Колесниковой ; науч. ред. М. П. Мохначева. – Ставрополь, 2009. – 516 с. – Текст : непосредственный.

5. Конрад, Н. И. Запад и Восток : статьи / Н. И. Конрад. – М., 1966. – Текст : непосредственный.

6. Полиевктов, М. А. Европейские путешественники XIII–XIX вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов. – Тифлис, 1935. – Текст : непосредственный.

7. Промыслов, Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года / Н. В. Промыслов. – М. : РОССПЭН, 2016. – 254 с. – Текст : непосредственный.

8. Сафронова, М. Н. Феномен научного архива А.И. Михайловского-Данилевского в контексте проблемы мемориализации войны 1812 г. / М. Н. Сафронова. – Текст : электронный // Наука. Инновации. Технологии. – 2007. – № 48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nauchnogo-arhiva-a-i-mihaylovskogo-danilevskogo-v-kontekste-problemy-memorializatsii-voyny-1812-g> (дата обращения: 01.03.2021).

REFERENCES

1. De Meaux Lorraine. Histoire de l'orientalisme en Russie au XIX-e siècle. Thèse soutenue 12 novembre, 2002. Available at: www.bnf.fr.

2. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité. Paris, 1822–1825, vol. 1–8.

3. Bondarenko N. G., Sosnina E. L., Mukhortova T. V. Kavkaz glazami frantsuzskikh i frankoyazychnyh uchenykh i puteshestvennikov XIII–XIX vekov [The North Caucasus through the eyes of French and French-speaking scientists and travelers of the XIII–XIX centuries]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences, 2015, No. 8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnoy-kavkaz-glazami-frantsuzskih-i-frankoyazychnyh-uchenyh-i-puteshestvennikov-xiii-xix-vekov>. (In Russian).

4. Istoriografiya i istochnikovedeniye istorii Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' KHKH v.): Bibliograficheskiy ukazatel'. Predvaritel'nyy spisok [Historiography and Source Studies of the History of the North Caucasus (the Second Half of the XVIII – the First Third of the XX Century): Bibliographic Index. Preliminary List: in 2 Parts]. Ed. by M.P. Mokhnachev. Stavropol, 2009. Part 1. 516 p.

5. Konrad N. I. Zapad i Vostok: Stat'i [West and East: Articles]. M., 1966.

6. Polyevktov M. A. Yevropeyskiye puteshestvenniki XIII–XIX vv. po Kavkazu [European Travelers of the XIII–XIX Centuries in the Caucasus]. Tiflis, 1935.

7. Promyslov N. V. Frantsuzskoye obshchestvennoye mneniye o Rossii nakanune i vo vremya voyny 1812 goda [French Public Opinion about Russia on the Eve and during the War of 1812]. Moscow: ROSSPAN, 2016. 254 p.

8. Safronova M. N. Fenomen nauchnogo arkhiva A. I. Mikhaylovskogo-Danilevskogo v kontekste problemy memorializatsii voyny 1812 g. [The phenomenon of the scientific archive of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky in the context of the problem of memorialization of the war of 1812]. Nauka. Innovatsii. Tekhnologii = Science. Innovation. Technologies, 2007, No. 48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nauchnogo-arhiva-a-i-mihaylovskogo-danilevskogo-v-kontekste-problemy-memorializatsii-voyny-1812-g>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карапкина, О. Г. Особенности изучения Северного Кавказа в исследовательской традиции французских и франкоязычных специалистов / О. Г. Карапкина, Е. Б. Хабибулина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 103–108.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Karapkina O. G., Khabibulina E. B. Features of the Study of the North Caucasus in the Research Tradition of French and French-Speaking Specialists / O. G. Karapkina, E. B. Khabibulina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 103–108. (In Russian).

УДК 94(47)

**КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА КУБАНИ В 1922 ГОДУ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ**
А.С. Малахова, С.Н. Малахов

**THE CAMPAIGN TO SEIZE CHURCH VALUES
IN KUBAN IN 1922:
PUBLIC MOOD IN THE EASTERN REGIONS**
A.S. Malakhova, S.N. Malakhov

Аннотация. В статье рассматриваются политические причины, вызвавшие изъятие церковных ценностей, и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в центре и на юге России в период проведения этой кампании. Выявлены главные задачи, которые ставила перед собой советская власть в борьбе за церковное имущество. Показано отношение канонической Российской (Русской) Православной церкви и ее реформаторского крыла в лице обновленцев к проводимой реквизиции. На основе архивных материалов изучаются особенности подготовки и проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Армавирском (Лабинском) и Кавказском отделах Кубано-Черноморской области. Дается анализ общественных настроений в восточных районах этой области и отношения к изъятию со стороны священнослужителей, прихожан, советских государственных служащих. Выявлены причины слабой результативности и затяжного характера проведенных мероприятий.

Abstract. The article deals with the political reasons that caused the seizure of church valuables, and the socio-political situation that developed in the center and south of Russia during the period of this campaign. The main tasks that the Soviet authorities set in the struggle for church property were identified. The attitude of the canonical Russian Orthodox Church to the ongoing requisition and its reformist wing represented by the Renovationists is shown. On the basis of archival materials, the features of the preparation and conduct of a campaign to seize church valuables in the Armavir (Labinsk) and Caucasian departments of the Kuban-Black Sea region are studied. An analysis of the public mood in the eastern parts of this oblast is given and the attitude to requisition on the part of clergy, parishioners, and Soviet civil servants is described. The reasons for the poor performance and the protracted nature of the arranged activities are identified.

Ключевые слова: Кубано-Черноморская область, изъятие церковных ценностей, Российская Православная Церковь, Армавирский (Лабинский) отдел, Кавказский отдел, комиссия, священнослужители.

Keywords: Kuban-Black Sea region, seizure of church property, Russian Orthodox Church, Armavir(Labinsk) department, Caucasian department, commission, clergy.

Летом 1921 г. в Поволжье разразился катастрофический голод, унесший около 5 млн человеческих жизней. Голод был вызван совокупностью сложившихся по итогам Гражданской войны неблагоприятных социально-политических причин и небывалой засухой, поразившей зерновые районы Среднего

Поволжья весной 1921 года. Русская Православная Церковь в лице Святейшего Патриарха Тихона тот час же обратилась с воззванием «К народам мира и православному человеку» об оказании помощи бедствующему населению: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...» [1, с. 145]. Однако созданный осенью 1921 г. Церковью Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим власть посчитала «излишним», опасаясь роста авторитета Церкви, и потребовала собранные деньги сдать правительственному Комитету [1, с. 149]. Усугублявшуюся ситуацию с голодом советская власть решила использовать для ослабления позиций Российской Православной Церкви. Несмотря на то что ещё 6/19 февраля 1922 г. патриарх Тихон разрешил церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, и это разрешение было подтверждено в свою очередь советским правительством, поскольку церковное имущество считалось национализированным и переданным в пользование религиозным общинам, тем не менее, этот шаг со стороны Церкви власть не удовлетворил.

23 февраля 1922 г. был опубликован специальный Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Он вышел в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества и гласил: «Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра, камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в Фонд Центральной Комиссии помощи голодающим» [1, с. 148].

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета был воспринят неоднозначно в церковных кругах, поскольку изъятие по признаку материальной ценности всех предметов культа вступало в противоречие с канонами Св. Церкви и могло расцениваться как акт «кощунственно-святотатственный, за участие в котором миряне, по канонам Церкви, подлежат, – как писал митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, – отлучению от церкви, а священнослужители извержению из сана» [1, с. 152]. Священные предметы предполагалось обратить в лом, переплавить и использовать для покупки продовольствия за границей.

Поскольку члены комиссий по изъятию церковных ценностей имели смутное представление о церковном праве, патриарх Тихон был вынужден вновь обратиться через «Известия ВЦИК» к властям, к комиссиям при Помголе, чтобы они с «должной осторожностью» подходили к «ликвидации» пожертвованного церковного имущества, не допуская кощунства, и ещё раз уточнил, что подлежать утилизации из церковного имущества могут только: «...подвески, кольца, браслеты, пожертвования для украшения икон, предметы церковной утвари, неприменяемые для богослужения и старое серебро – лом...» [2].

После опубликования Декрета ВЦИК в центральной печати постановлением Кубано-Черноморского облисполкома 2 марта 1922 г. была создана областная комиссия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим, которая приступила к работе с 6 марта [3, л. 1, 3]. Областную комиссию возглавил председатель Краснодарского отдельского исполкома Шевченко, членами комиссии были зав. отделом юстиции Базаров, зав. областным финотделом Кальнин, зам. председателя областного Па Белоусов. На первом заседании комиссии в нее были кооптированы с правом совещательного голоса бывший инструктор отдела юстиции по отделению церкви от государства Белоусов и сотрудник ГубЧК «по церковным делам» Герцман. В каждом отдельском центре Кубано-Черноморской области создавались свои комиссии, подчиненные краснодарской комиссии [3, л. 1]. Позднее в состав областной комиссии были включены от Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей Федор Делавериди и ряд мирян [3, л. 3, 14].

В марте 1922 г. на совещании благочинных Кубанской и Черноморской епархий, прошедшем под председательством епископа Кубанского и Краснодарского Иоанна (Левицкого), было решено «принять самое активное участие в проведении в жизнь означенного декрета» [3, л. 17]. Областной комиссией на основе предложения, поступившего из епархии, был определен минимум предметов, предназначенных для церковно-богослужебных целей, в частности, для однопрестольного храма: один ковчег, одно большое и два малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискаса, две ложки, три тарелочки и два ковшика. Для двух и более престольных храмов: два ковчега, два больших и четыре малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискаса, две ложки, три тарелочки и два ковшика. Кроме того, необходимыми для священника признавались Дароносица, крест и кадило. По инструкции изъятию из церковных имуществ подлежали только предметы из золота, серебра и камней. В первую очередь изъятие проводилось в наиболее богатых храмах, монастырях, синагогах и часовнях, после составления описей, получения разрешения из областной комиссии; изъятые имущество направлялось в финотделы отдельных комиссий [3, л. 36].

Организационная и разъяснительная работа заняла почти два месяца и непосредственная кампания по изъятию ценностей и церковного имущества на Кубани началась только после 26 апреля. Целям и задачам конфискационной кампании много внимания уделялось на страницах официальной кубанской прессы. По подсчетам А.Ю. Рожкова, в областной партийной газете «Красное знамя» с 23 февраля по 10 мая было опубликовано более 20 статей и других материалов о голоде, о необходимости изъятия ценностей, о том, как эта кампания ведется в Центральной России, о реакции населения и духовенства на действия государства [4, с. 130]. По оценке партийных властей на Кубани складывалась относительно благоприятная обстановка с изъятием церковных ценностей [5, л. 177], поскольку епископ Кубанский и Краснодарский Иоанн, склонившийся в обновленческий раскол в 1922 г. был лоялен по отношению

к советской власти [6, с. 50–58]. Он провел совещание благочинных Кубанской и Черноморской епархий, на котором было принято решение о необходимости помощи голодающим. Через газету «Красное знамя» 25 марта епископ Иоанн призвал священнослужителей и верующих «к самому щедрому пожертвованию церковных ценностей во имя Христа и ради спасения человеческих жизней», уверяя верующих, что, «если Церковь обеднеет внешне – материально, то, несомненно, она обогатится внутренне – духовно» [7]. Разъяснения о необходимости помощи голодающим на приходах владыка возлагал на настоятелей и благочинных, которые в своей основной массе безропотно приняли сторону и рекомендации в этом вопросе епископа Иоанна и обновленческого епархиального управления. Этот шаг был оценен должным образом партийным руководством, которое в передовице «Красного знамени» отметило: «Кубано-Черноморское духовенство стало на единственно правильную точку зрения, из которой исходили и РКП, и ВЦИК» [8].

Однако на характер взаимоотношений между властью и церковными структурами на Кубани влияли как директивы из центра, тональность которых зависела от и сопротивления тихоновцев начавшимся реквизициям, так и степень антирелигиозная радикальности местных представителей власти. Отмечается нарастание обвинений, раздававшихся в отношении церковников в кубанской прессе с конца апреля 1922 г., часто превращавшееся в оголтелое шельмование «реакционного» духовенства и «отсталого» клира [9; 4, с. 132]. Это привело в конечном итоге к тому, что в ходе изъятия церковных ценностей в 1922 г. было расстреляно и замучено лиц духовного звания: на Кубани – 69, в Черноморской губернии – 37 человек [10, с. 320].

Возросшая нервозность представителей власти была вызвана тем, что на кампанию по изъятию церковных ценностей правительством отводился месяц, но даже в центральных губерниях, в Петрограде и Москве, с выполнением этого плана запаздывали, встретив сопротивление со стороны верующих. Церковь пыталась не допустить изъятия имущества, используемого в богослужении, оставляя минимум необходимых литургических предметов для каждого престола в церкви (которых часто было два и более), но председатель ВЦИК М.И. Калинин требовал оставлять на всю церковь только один комплект [1, с. 171]. В апреле 1922 г. Церковь фактически смирилась с изъятием имущества. Митрополит Петроградский Вениамин призывал паству не конфликтовать с властью, указывая, что «при изъятии церковных ценностей, как и во всяком церковном деле, не может иметь место проявление каких-либо политических тенденций»; он обращается к верующим со словами: «Проводим изымаемые из наших храмов церковные ценности с молитвенным пожеланием, чтобы они достигли своего назначения и помогли голодающим» [1, с. 170].

Следует подчеркнуть, что развернутой в марте–апреле 1922 г. антицерковной кампании председатель СНК В.И. Ленин придавал особое значение. Судя по содержанию его секретного письма членам Политбюро (19.03.1922), его прежде всего интересовали не судьбы голодающих, а возможность сохранить власть,

укрепить ее финансово и нанести удар по Церкви: «...мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...» По планам Ленина изъятие церковных ценностей должно было укрепить позиции Советской России накануне и в ходе международной конференции в Генуе; он надеялся получить фонд «в несколько сотен миллионов рублей (а может быть и несколько миллиардов)», используя ситуацию с голодом и настроениями крестьянства. Эти установки партийно-государственного руководства по ликвидации «черносотенного духовенства» при проведении «самым решительным и самым быстрым образом» [1, с. 154, 155] изъятия церковных ценностей проявлялись в темпах и методах работы и кубанской комиссии, а также агитационной кампании вокруг нее.

Известно, что работа Генуэзской конференции проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Ленин не был уверен в положительном исходе этих переговоров для Советской России и торопил членов Политбюро с принятием решительных мер против Церкви, поскольку предполагал, что после Генуи «жесткие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны». Поэтому требовал немедленного разгрома «черносотенного духовенства» [1, с. 155]. Эту репрессивную линию (смертные приговоры духовенству и мирянам), как показали церковные процессы по событиям в Шуе и Москве, поддерживали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и В.М. Молотов [11, с. 197–198, 213–214; 12, с. 46]. Ответственным за агитационно-пропагандистское освещение кампании по разгрому церкви в провинциальной периодике по предложению Троцкого был назначен начальник РОСТА Я.Г. Далецкий [11, с. 490–491]. Одновременно с конфискациями началась подготовка по фабрикации судебного процесса над патриархом Тихоном. За «контрреволюционную» позицию, в частности по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей» по ст. 62 и 119 УК РСФСР, он с 6 мая был взят под домашний арест на Троицком подворье [13].

Параллельно при поддержке ГПУ 12 мая 1922 г. лидеры обновленческого движения А.В. Введенский и В.Д. Красницкий потребовали отставки патриарха и созыва Поместного Собора. Раскольники узурпировали церковную власть, создав Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое стало главным руководящим органом обновленческого движения. Его возглавил бывший епископ Владикавказский и Моздокский (в расколе «митрополит») Антонин (Грановский) [14, с. 168–172], который был в 1921 г. запрещен в священнослужении патриархом Тихоном за введение литургических новшеств. Антонин (Грановский) в интервью «Известиям» 23 марта 1922 г. заявил о том, что не согласен с патриархом по вопросу об изъятии церковных ценностей, после чего, по инициативе Л.Д. Троцкого, он был как «любящий епископ» приглашен поучаствовать в работе государственной Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) чтобы внести в ряды духовенства раскол, выступая за передачу властям всех ценностей, включая евхаристические сосуды.

Политбюро ЦК РКП(б) утвердило его членом ЦК Помгола своим постановлением от 13 апреля 1922 г. – как представителя «советского» духовенства для «работы по реализации церковных ценностей» [15, с. 682–684]. 13 мая 1922 г. Антонин (Грановский) присоединился к группе «прогрессивных» петроградских, московскими и саратовских священников и подписал вместе с ними опубликованное на следующий день в «Известиях» воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России», в котором «деятельность советской власти называлась «борьбой за благо и счастье человечества», осуждались как «контрреволюционеры» иерархи и пастыри, противодействовавшие изъятию церковных ценностей, предлагался немедленный созыв Поместного Собора «для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса управления церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью» [14, с. 168–172].

Таким образом, кампания по изъятию церковных ценностей сопровождалась попыткой со стороны государства осуществить антицерковный переворот, расправиться с Российской (Русской) Православной Церковью за ее оппозиционное отношение к советской власти.

На этом общеполитическом фоне разворачивается кампания по изъятию церковных ценностей в Кубано-Черноморской области, в которой прослеживаются как общероссийские тенденции, обусловленные единым подходом в осуществлении политики конфискации церковного имущества и ее агитационно-пропагандистским обеспечением, так региональные особенности, возникшие в силу социально-исторических обстоятельств.

Армавирский (Лабинский) и Кавказский отделы Кубано-Черноморской области располагались в восточной части области, где еще продолжалась борьба с повстанческим движением, поэтому решения местных органов власти о проведении кампании по изъятию церковных ценностей проводились с негласной опорой на решительную и однозначную позицию в этом вопросе подразделений РККА.

22 марта 1922 г. Лабинский волостной исполком Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов провел объединенное заседание с волостным парткомом РКП(б), Комитетом общественной взаимопомощи, Политотделом 4-й Петрокавдивизии, местного духовенства, приходских советов и верующих религиозных культов и вероисповеданий по вопросу изъятия церковных ценностей [16, л. 3]. Протокол заседания был распечатан типографским образом в форме плаката и размещался в церквях и публичных местах. Собранным были изложены основные положения Декрета ВЦИК от 23 февраля и обсужден порядок учета драгоценностей и имущества церквей и молитвенных домов всех религиозных культов. От духовенства на собрании присутствовали прот. К. Руденко, благочинный М. Бессонов, священники Г. Стрельбицкий, П. Соколов, дьяконы и псаломщики, а также члены приходских советов. Свящ. Григорий Стрельбицкий разъяснил верующим, что изъятие осуществляется согласно Декрету ВЦИКа и по постановлению Кубчерноморской облкомиссии

№ 57, опубликованному в газете «Красное знамя» от 11 марта 1922 г. Предполагалось первоначально описать и поставить на учет все церковное имущество и отправить ведомости в областную комиссию, а потом по ее решению приступить к изъятию «лишних драгоценностей» в пользу голодающих. Такая формулировка входила в противоречие с требованием декрета об изъятии из церковного имущества «всех драгоценных предметов» [16, л. 3].

Представители власти требовали провести кампанию «безболезненно и срочно», декрет ВЦИК обсуждению не подлежал, поскольку «он вызван не желанием грабить церкви и молитвенные дома, а необходимостью помочь 35 миллионам тружеников Поволжья». В качестве аргумента использовались и угрозы: «Лучше поскорее отдать этим голодающим все лишнее, что имеется у нас в церквях, нежели ожидать, пока все эти голодные толпы бросятся к нам»; представитель от 4-й Петрокавдивизии намекнул собравшимся, что многие красноармейцы имеют родственников в Поволжье, которые умирают от голода, и могут не понять затянувшихся дискуссий о сдаче «лишних драгоценностей» из церковного имущества. Прот. Карп Руденко отметил, что он не возражает против изъятия, но «золота в местных церквях нет, а серебра мало» [16, л. 3]. Представители церковно-приходских советов выражали сомнение, что собранное дойдет до пострадавших, кроме того, изъятие «ценностей» оскорбляло чувства верующих, которые лично жертвовали предметы культа в церковь и рассматривали их, даже в церкви, как свою собственность. На заседании выяснилось, что церкви лишились своих ценностей еще в 1920 г. после прихода к власти ревкомов и борьбы с беспризорностью, на которую население жертвовало личное и церковные имущество.

Несмотря на разногласия мнений, собрание в Лабинске вынесло решение: 1) шире развернуть агитационную работу среди населения со стороны священнослужителей при разъяснении содержания Декрета; 2) создав комиссии, описать и взять на учет все ценности; 3) «лишние» драгоценности, без которых можно обойтись при богослужении, сдать государству, выбрав представителей для сопровождения этих вещей в центральную комиссию.

В состав Лабинской волостной комиссии были избраны от духовенства священ. Павел Соколов, от приходских советов Коробов и Новицкий, от исполкома секретарь волостного парткома РКП(б) Маляренко от Комитета взаимопомощи П. Лысенко. Комиссия в Лабинской волости приступила к работе с 23 марта 1922 г. [16, л. 3].

Немногочисленные письменные отчеты уполномоченных, поступавшие в отдельные комиссии по изъятию церковных ценностей, позволяют увидеть проблемы, с которыми сталкивались комиссии при работе в станицах и хуторах. В них дается оценка настроений населения, его отношения к советской власти.

В докладе райуполномоченного Б. Галкина в партком РКП(б) Кавказского отдела сообщается, что «в большинстве церквей отсутствуют книги описей церковных ценностей», а наличные вещи не соответствуют содержанию описей, если таковые сохранились. Население настроено почти

враждебно к советской власти, которое можно охарактеризовать как «скрытое недовольство» (ст. Ильинская). Изъятию церковного имущества не препятствуют там, где велик авторитет священника, но где он не ладит с приходом, там верующие сами вынуждены следовать требованиям Декрета, «но при описи держатся пассивно». Максимальное недовольство проявлялось в ст. Ильинской, где приход был на стороне «мирян-жертвователей» и тех, кто «сильно был ущемлен разверсткой хлеба». Здесь священник Георгий Зибиров не признавал ни декрета, ни призывов духовенства о помощи голодающим. Особую протестную активность проявляли женщины, которые заявляли, что «церковь отделена от государства, что Советская власть хлеб забирает, а теперь и до церквей добирается». Члены комиссии обратились к свящ. Зибирову, чтобы он урезонил своих «духовных детей» и «усмирил истеричную толпу», но он отказался это делать, как и ставить подпись в акте об изъятии ценностей из Ильинской церкви, заявив: «Если у вас есть власть, то забирайте, обдирайте церкви» [17, л. 1–1об]. Уполномоченный делает вывод, что в благочинническом округе свящ. Пособило (это станица Ильинская и другие, входящие в Тихорецкий округ) разъяснительной работы по предстоящему изъятию ценностей никакой не велось [17, л. 2].

Представители волостных органов часто уклонялись от работы в комиссиях по причине болезни, не желая портить отношения с «обществом» [17, л. 2]. Свой доклад в Кавказскую отдельскую комиссию Б. Галкин отправил 27 мая 1922 г. Изъятие церковных ценностей еще продолжалось, выйдя за рамки определенного властью месячного срока. «Мое мнение, – пишет Галкин, – без предварительной глубокой агитации изъятие ценностей производить нельзя, ибо это может вызвать нежелательные эксцессы» [17, л. 2].

Описи церковного имущества, акты изъятия ценностей поступали в отдельскую комиссию с запозданием по причинам отсутствия подписей, или священников, или болезни членов комиссии [17, л. 2].

Разъяснительную работу среди граждан о необходимости изъятия ценностей было трудно проводить по причине начавшихся весенне-полевых работ. Восточные районы Кубани также были затронуты голодом 1921 г. Уполномоченный сообщает: «...Очень трудно сейчас собрать граждан [станицы], и так опустели в связи с весной, все находятся в поле, стараются хоть сколько-нибудь засеять, тем более что отсутствие живого инвентаря привлекает на пахоту всю работоспособную семью; есть случаи запряжения в плуг людей, и пахота сохами при помощи живой человеческой силы...» [17, л. 2].

Об общественных настроениях во время изъятия церковных ценностей в станицах Кавказской, Темижбекской, Расшеватской сообщает в своем докладе 7 мая 1922 г. уполномоченный Кравченко. Он в станице Расшеватской проводил 1 мая собрание, разъясняя необходимость учета и изъятия ценностей «для спасения голодающих». Главными оппонентами его были церковный староста и члены церковного совета, которые заявили, что «они к учету [уполномоченного] допускают, но на изъятие они согласия не дают,

так как на это необходимо согласие народа всей станицы». Священник Николаевской церкви Ст. Бесчастный заявил со своей стороны, что поскольку церковь отделена от государства, то на учет и изъятие необходимо предписание от архиерея (т. е. епископа Иоанна Левицкого. – *Авт.*). Однако после недолгих переговоров священники ст. Расшеватской Безчастный (Николаевская церковь) и Д. Архангелов (Вознесенская церковь) обязались, что «на первом же богослужении в их церквях они докажут верующим, что изъятие церковных ценностей необходимо для спасения голодающих» [17, л. 128–128об]. Опись имущества и его оценки церквей ст. Расшеватской была произведена, и настоятелей и церковные советы обязали «по первому требованию высших властей изъять [церковные ценности] в помощь голодающим» [17, л. 129].

Встречались священники, которые активно включались в проводимую кампанию. Свящ. Слюсарев выступил на собрании на хут. Зубова (Семеновская волость Кавказского отдела) и в своем докладе указал на необходимость в срочном порядке сдать все ценности, находящиеся в церкви в пользу голодающих [17, л. 216]. У церкви было изъято 11 предметов общим весом в 3 $\frac{1}{4}$ фунта серебра [17, л. 91–93].

В Вознесенской церкви ст. Расшеватской было изъято серебра на 20 фунтов и 88 золотников [17, л. 136], в Михайло-Архангельской церкви ст. Темижбекской – 1 пуд 16 фунтов и 84 зол. [17, л. 147–147об], в Николаевской церкви станицы Ново-Владимирской и молитвенном доме на хут. Белевцевых – 14 $\frac{1}{4}$ фунта [17, л. 157], в Иоанно-Богословской церкви станицы Алексеевской – 1 и $\frac{1}{8}$ фунта [17, л. 155], в Александро-Невской церкви станицы Тихорецкой – 23 фунта 68 зол. [17, л. 219–221]; в церкви Пророка Ильи станицы Ильинской – 1 пуд 2 фунта 12 зол. [17, л. 23], но во многих хуторских церквях оказалась только медная утварь [17, л. 17].

Изъятию подлежали в основном изготовленные из серебра чаши большие и малые, диски, лжицы, звездицы, ковши, тарелочки, кресты для треб, переплеты Евангелий, оклады икон, кадила, дароносицы, дарохранительницы. Зачастую при уполномоченном не было весов [17, л. 187] и предметы богослужения забирали по акту без указания веса, как это произошло в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в станице Ново-Бекешевской [17, л. 156], или были только гири, и вес указывался примерно, без золотников (церковь Св. Николая Чудотворца при станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги) [17, л. 181]. Опись изъятого подписывали председатель комиссии, священник церкви, члены церковного совета и уполномоченный. Часто в описях отсутствовала подпись священника, в основном «по болезни», но иногда священники покидали приход, ставший малочисленным по причине голода. Так, зам. исполкома станицы Ново-Романовской (Кавказский отдел Кубанской области) дал справку уполномоченному о причине отсутствия подписи священника при изъятии церковных предметов: «отсутствие священника сопряжено с голодом...» [17, л. 185–186]. Нередко из-за малой ценности предметов

их оставляли в церкви под ответственность настоятеля, который давал расписку в получении циркуляра от 28.IV.1922 г. за № 3724 [17, л. 127, 140], и обязывался хранить вещи до особого распоряжения [17, л. 164, 168, 169, 172]. Ответственность в таком случае за сохранность предметов ложилась на причт и священника. Так, была удовлетворена просьба прихожан Николаевской церкви хут. Ново-Покровского, обратившихся в Кавказскую отдельскую комиссию по изъятию церковных ценностей, с просьбой об «оставлении на местах вещей и предметов и риз на иконах, ибо без этих предметов невозможно совершать богослужение, и снятие иконных риз кощунственно портит и обезображивает иконы, а к ним прихожане очень привыкли». Причт взял на себя ответственность за целостность и сохранность вещей: «беречь до особого распоряжения, а за неисполнение подлежит привлечению к ответственности по закону»; поручился за сохранность свящ. Александр Берёза [17, л. 159]. Иногда священники проявляли осторожность: свящ. Успенской церкви хут. Тихорецкого Димитрий Гливенко в «стандартной» расписке, напечатанной на пишущей машинке, собственноручно приписал: «В случае кражи, при соответствующем оправдательном документе, указанную ответственность с себя снимаем». Под его ответственность в церкви оставляли «ценностей» на 16 ½ фунта [17, л. 176]. Священник Казанской церкви станицы Новорождественской Кавказского отдела Николай Голензовский собственноручно составляет опись всего имущества церкви и сдает государству 28 фун. 29 зол. серебра, при этом он указывает, что старой церковной описи нет, так как она была реквизирована в 1920 г. ревкомом «на нужды своей канцелярии» [17, л. 191, 192]. После проведения изъятия церковных ценностей весом 23 фунта 68 зол. в Александроневской церкви станицы Тихорецкой прихожане и причт во главе с протоиереем А. Альбицким обратились в комиссию об оставлении на сохранении предметов культового предназначения [17, л. 219–221]. Вероятно, такая практика имела распространение. Многие богослужебные предметы были в единственном числе при наличии двух или трех престолов в храме. Более того, в хуторских молельных домах и небольших церквушках не было не только утвари, но и священников, службы проводились по большим праздникам приглашенными священнослужителями, которые приезжали на богослужение со своей утварью, поэтому церковные советы извещали комиссию об отсутствии «церковных ценностей» [17, л. 44].

После проведения описи настоятели храмов часто были вынуждены ходатайствовать перед Кавказской отдельской комиссией об оставлении при церкви отдельных номеров описи, «так как без этих предметов невозможно совершать богослужение, а снятие риз нарушает вид икон, к каковым привыкли жертвователи-прихожане» [17, л. 202, 203об]. В апреле 1922 г. под расписку свящ. Иллариона Прудникова в церкви были оставлены «на хранение» серебряные лжица, три чаши, дискос, ковчег, Евангелие в серебряном окладе общим весом 8 ½ фунта [17, л. 123, 124], необходимые для литургии. Приходской совет церкви в станице Дмитриевской пошел на решительное

отделение «духовного» от материального и получил разрешение комиссии отпороть текст Евангелия и оставить его при церкви, а серебряный оклад весом 11 фунтов и 28 зол. сдать государству [17, л. 212].

Верующие сопротивления комиссии не оказывали и препятствий не чинили, единственный случай нападения на уполномоченного по изъятию ценностей тов. Окрасинского, который был ранен «при исполнении своих обязанностей» произошел в Кропоткине [17, л. 154].

Уполномоченные не справлялись в срок с реквизициями. В мае 1922 г. один из них сообщает в отдельскую комиссию, что изъятия были проведены в станицах Малороссийской, Новодонецкой, Александро-Невской, Доно-Хоперской, Бузиновской без всяких «экцессов», но в Березанской, Иркилевской и Балковской станицах не был и просит выслать в них другого уполномоченного [17, л. 39]. Медленные темпы антицерковной кампании вызывали беспокойство у партийных органов. Например, городской комитет Тихорецкой организации РКП(б) настойчиво просил «скорее приступить к изъятию ценностей» [17, л. 158].

Конфискационная антицерковная кампания закончилась в Кубано-Черноморской области 22 июля 1922 г. По ее итогам только в Краснодаре было собрано: серебра – 23 пуда 16 фунтов 57 золотников 48 долей, золота – 16 золотников 27 долей. В целом по области было собрано серебра 136 пудов, 1 фунт. 40 зол., а золота 4 фунта 63 зол. 55 долей. Но эти данные, видимо, далеки от точности. Принятие ценностей продолжалось в облфинотделе и после. Кавказский отдел собрал серебра 33 фунта 75 зол., Армавирский (Лабинский) отдел – серебра: 16 пудов, 29 фунтов 86 зол., золота: 39 зол. 29 долей [10, с. 329–330]. Цифры эти не всегда соотносятся с тем имуществом, которое было описано и «оставлено на хранение» при сельских и станичных церквях, или изъято. Сведения областного финотдела об изъятых ценностях следовало бы сопоставить с данными описей имущества церквей и весом подготовленных к конфискации литургических предметов. Однако, к сожалению, не все описи имущества сохранились в архивах. Остается неизвестно: оставлено ли было и в каком составе (количестве) серебро в церквях – чаши, кресты и прочее, использовавшееся в богослужении и не подлежавшее изъятию, согласно инструкции, разработанной Кубано-Черноморской областной комиссией в марте 1922 г. Это тот необходимый «комплект» для богослужения, о котором часто ходатайствовали священнослужители перед комиссией.

Мероприятия по изъятию церковных ценностей на Кубани вышли за границы месячного срока, который был определен центральной властью. Пропагандистская кампания не обеспечила должного понимания происходящего со стороны населения и верующих, которые восприняли «изъятие» как очередную грабительскую акцию со стороны государства. Властям пришлось прибегать к репрессивным мерам, насилию и угрозам по отношению к священнослужителям и прихожанам. Приход большевиков на Кубань в 1920 г. и Гражданская война сопровождалась разорением и разграблением церковного

имущества, поэтому в восточных районах Кубано-Черноморской области – Армавирский и Кавказский отделы – не оказалось ни крупных городов, ни богатых монастырей, которые могли бы обеспечить большие сборы золота и серебра, а сельские церкви были бедны. Проведению кампании «без эксцессов» содействовал переход основной части кубанского духовенства на позиции обновленчества, тяжелые воспоминания о «красном терроре» против священнослужителей, а также депрессивная социально-психологическая обстановка, вызванная голодом 1921 г. Необходимость физического выживания для населения оказалась выше потребностей духовной свободы и отстаивания своих церковно-религиозных прав. Тем не менее, несмотря на эти обстоятельства, население восточных районов Кубано-Черноморской области отозвалось на призыв Церкви оказать милосердную помощь голодающим, исполнен был и декрет ВЦИКа, хотя уверенности у священнослужителей и верующих в том, что оказанная помощь в виде изъятых церковных ценностей будет использована государством по назначению, не было.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 кн. Кн. 1 / сост. Г. Штриккер. – М. : ПроPILEI, 1995. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Известия ВЦИК. – 1922. – 15 марта. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. – Текст : непосредственный.
4. Рожков, А. Ю. Обновленцы и мученики / А. Ю. Рожков. – Текст : непосредственный // Дело мира и любви : очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О. В. Матвеев. – Краснодар : Православный Екатеринбург ; Традиция, 2009. – С. 127–138.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 88. – Текст : непосредственный.
6. Кияшко, Н. В. Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века / Н. В. Кияшко. – Текст : непосредственный // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под ред. Т. Г. Письменной, А. Н. Рябикова, Е. В. Манузина. – Славянск-на-Кубани, 2015. – С. 50–58.
7. Красное знамя. – 1922. – 25 марта. – Текст : непосредственный.
8. Красное знамя. – 1922. – 6 апреля. – Текст : непосредственный.
9. Красное знамя. – 1922. – 22 и 23 апреля. – Текст : непосредственный.
10. Бабич, А. В. К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году / А. В. Бабич. – Текст : непосредственный // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6 / сост.: А. М. Авраменко, В. К. Чумаченко. – Краснодар–Киев : ЭДВИ, 2012. – С. 319–331.
11. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 : в 2 кн. Кн. 1. – Новосибирск–М. : РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. – 586 с. – Текст : непосредственный.

12. Петров, С. Г. О роли И.В. Сталина в формировании антирелигиозной политики большевиков в первой половине 1920-х гг. / С. Г. Петров. – Текст : непосредственный // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг. // Материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. – М., 2019. – С. 40–52.

13. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь XX века : компьютерная база данных. – URL: <http://www.pstbi.ru>. – Текст : электронный.

14. Соловьев, И., свящ. «Живая церковь» / И. Соловьев, свящ. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия : в 64 т. Т. 19. – М., 2008. – С. 168–172.

15. Цыпин, В., прот. Антонин (Грановский), бывший епископ Владикавказский и Моздокский, деятель обновленческого раскола / В. Цыпин, прот., Иннокентий (Павлов), игум. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия : в 64 т. Т. 2. – М., 2001. – С. 682–684.

16. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. Ф.Р-486. Оп. 1. Д. 30. – Текст : непосредственный.

17. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. Ф.Р-44. Оп. 1. Д. 78. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov vsovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkovyu [Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991). Materials and Documents on the History of Relations between the State and the Church]. Comp. by G. Shtrikker. M., Propilei, 1995, book 1. 400 p.

2. Izvestiya VCIK [Bulletin of ARCEC]. March 15, 1922.

3. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). Fund P-102, inventory 1, case 287.

4. Rozhkov A. Yu. Obnovlency i mucheniki. Delo mira i lyubvi: ocherki istorii i kul'tury pravoslaviya na Kubani [Renovationists and Martyrs. A Matter of Peace and Love: Essays on the History and Culture of Orthodoxy in the Kuban]. Krasnodar, Orthodox Yekaterinodar; Tradition, 2009, pp. 127–138.

5. GAKK [SAKK]. FundP-105, inventory 1, Case 88.

6. Kiyashko N.V. Iz istorii vzniknoveniya i razvitiya obnovencheskogo raskola na Kubani v pervoy polovine XX veka [From the history of the origin and development of the Renovationist Schism in the Kuban in the first half of the 20th century]. Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessionalnykh otnosheniy: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. = North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethno-Confessional Relations: Materials of the II All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Slavyansk-on-Kuban, 2015, pp. 50–58. (In Russian).

7. Krasnoe znamya [Red banner]. March 25, 1922.

8. Krasnoe znamya [Red banner]. April 25, 1922.

9. Krasnoe znamya [Red banner]. April 22, 23, 1922.

10. Babich A. V. K voprosu ob izyati tserkovnykh tsennostey na Kubani v 1922 godu [On the question of the seizure of church property in the Kuban in 1922]. Kuban – Ukraina: voprosy istoriko-kulturnogo vzaimodeystviya = Kuban – Ukraine: Issues of Historical and Cultural Interaction. Krasnodar–Kyiv, EDVI, 2012, iss. 6, pp. 319–331. (In Russian).

11. Arkhivy Kremlya. Politbyuro i tserkov. 1922–1925. [Kremlin archives. Politburo and Church. 1922–1925]. Novosibirsk–M., ROSSPEN, Siberian Chronograph, 1997, book 1. 586 p.

12. Petrov S.G. O roli I.V. Stalina v formirovanii antireligioznoy politiki bolshevikov v pervoy polovine 1920-h gg. [About the role of I.V. Stalin in the formation of the anti-religious policy of the Bolsheviks in the first half of the 1920s.]. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii = Proceedings of the XI International Scientific Conference, M., 2019, pp. 40–52. (In Russian).

13. Novomucheniki, ispovedniki, za Khrista postradavshie v gody goneniya na Russkuyu Pravoslavnuyu Tserkov XX veka [New Martyrs, Confessors, Who Suffered for Christ during the Tears of Persecution against the Russian Orthodox Church of the 20th century]. Available at: <http://www.pstbi.ru>. (In Russian).

14. Solovyev I., Priest. "Zhivaya tserkov" ["Living Church"]. Pravoslavnaya entsiklopediya = Orthodox Encyclopedia, vol. 19, pp. 168–172. (In Russian).

15. Tsypin V., prot., Innokentiy (Pavlov), igumen Antonin (Granovskiy), byvshiy episkop Vladikavkazskiy i Mozdokskiy, deyatel obnovlencheskogo raskola [Antonin (Granovsky), former Bishop of Vladikavkaz and Mozdok, leader of the Renovatianist Schism]. Pravoslavnaya entsiklopediya = Orthodox Encyclopedia, vol. 2, pp. 682–684. (In Russian).

16. Arkhivnyy otdel munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Armavir [Archival Department of Armavir]. Fund P-486, inventory 1, case 30.

17. Arkhivnyy otdel munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Armavir [Archival Department of Armavir]. Fund P-44, inventory 1, case 78.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахова, А. С. Кампания по изъятию церковных ценностей на Кубани в 1922 году: общественные настроения в восточных районах / А. С. Малахова, С. Н. Малахов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 109–122.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhova A. S., Malakhov S. N. The Campaign to Seize Church Values in Kuban in 1922: Public Mood in the Eastern Regions / A. S. Malakhova, S. N. Malakhov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 109–122. (In Russian).

УДК 93.94

**ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЭТНИЧЕСКУЮ ОБЩНОСТЬ РУССКИХ СЛАВЯН
В ВЕКА РАЗЪЕДИНЕНИЯ**

В.А. Матвеев

**DISINTEGRATING EFFECTS
ON THE ETHNIC COMMUNITY OF RUSSIAN SLAVS
IN THE AGE OF SEPARATION**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования обстоятельств и последствий реорганизации самосознания у восточных славян. Охватывается период с монгольского нашествия в XIII в. и до воссоединения по решениям Московского Земского собора (1653) и Переяславской рады (1654). Анализ автором осуществлен с применением этнонациологического подхода, позволяющего различать этнические и национальные фазы консолидации. Выделяются и переходные процессуальные состояния. За счет их как раз и поддерживались субэтнические различия. Происходившая в европейских странах национальная унификация приводила к их исчезновению. У восточных славян субэтнические различия превращались в одну из составляющих исторических кодификаций. В соответствии с этим существовала необходимость для закрепления общности оптимизировать с помощью реформ существовавшие внутренние общерусские связи, перевода их в разряд федеративных.

Abstract. The article shows the result of the study of the circumstances and consequences of the reorganization of self-consciousness among the Eastern Slavs. It covers the period from the Mongol invasion in the XIII century to the reunification by the decisions of the Moscow Zemsky Sobor (1653) and the Pereyaslav Rada (1654). The author's analysis is carried out using an ethnonatological approach that allows distinguishing ethnic and national phases of consolidation. Transitional procedural states are also distinguished due to which, subethnic differences were maintained. The national unification that took place in European countries led to their disappearance. Among the Eastern Slavs, subethnic differences turned into one of the components of historical codifications. In accordance with this, there was a need to consolidate the community to optimize existing internal all-Russian ties with the help of reforms, transferring them to the category of federal ones.

Ключевые слова: деятельность иезуитов, Люблинская уния, Малая и Великая Русь, насаждение униатства, национальная сегментация, русские славяне, триединый народ, этническая общность.

Keywords: activities of Jesuits, the Union of Lublin, Little and Great Russia, the planting of uniatism, national segmentation, Russian Slavs, triune people, ethnic community.

Тенденции в этнонациогенезе восточных славян, как и у других народов, определенность обретали иногда в течение длительного времени. Единство формировалось не без противоречий. Согласно объяснительной версии историка

В.О. Ключевского, «к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом вырабатывается русская народность» [1, с. 174]. Ее становление продолжалось и впоследствии. Даже в удельные века территория расселения восточных славян именовалась не иначе как «русская земля» [2, с. 92, 94]. Такое определение распространялось на пространство от Полоцка и Новгорода на севере до Половецких степей на юге, от Владимира и Суздаля, верховьев Оки на востоке до Галицкого княжества и Карпатских гор на западе [3, с. 242–261].

В пределах всего обозначенного пространства, как подтверждается и современными исследованиями, существовал народ «с единым языком, письменностью, религией и системой власти» [4, с. 10–11]. Общность «славяно-русского этноса» академик Б.А. Рыбаков выделял и в языческих верованиях [5]. Конкретизация «украина», как показывают этимологические сопоставления, является производной от «окраина» и вбирает «чисто географические свойства, не имеющие ничего общего ни с этнографией, ни с культурой» [6, с. 2]. Такое обозначение впервые было применено в отношении пограничного Переяславского княжества в 1187 г. и зафиксировано Ипатьевской летописью [7, с. 79]. В других сводах домонгольского периода термин «украина» изредка встречается в значении «окраины земли», части Руси [8, с. 6].

Это указывает на то, что он не имел тогда распространения. Название «украина» упоминается в летописях XII–XIII вв. относительно Киевского и Черниговского княжеств [9, с. 46]. Противопоставления же «Малая и Великая Русь» стали употребляться, по мнению специалистов, лишь после монгольского нашествия [7, с. 79]. В период раздробленности предпосылки к восстановлению восточнославянского единства не исчезли. Неслучайно в «Слове о полку Игореве» выделена в качестве мобилизующей именно эта идея [3, с. 242–261]. Ослабление же этнополитической связанности территорий свойственно было на определенных этапах и для других государств Европы [4, с. 10].

Утверждения, что «чуть не с IX в. существовал особый украинский народ с особым нерусским языком», А.И. Солженицын назвал надуманными и фальшивыми. По его уточнению «народ наш разделился на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации» [10, с. 10–11]. Локальная специфика в культуре различных восточнославянских обособлений и после этого не обретала свойства иной этничности, оставаясь на уровне переходных состояний, трансформации которых не завершились при установившейся ранее государственной совмещенности. Однако поражение князей при столкновении 31 мая 1223 г. с монголами на южных «рубежах Руси, в придонских степях... у реки Калки» воспринималось как общая беда от верховьев Оки и Волги вплоть до Карпатских гор и Сана [11, с. 525, 533].

После разъединения восточнославянского сообщества в XIII в. при «Батыевом нашествии», с которого берет отсчет превращение «Киевщины в Украйну» [12, с. 570], и установления контроля над западными русскими землями со стороны Литвы, а затем и Польши, историческая память о существовавшем когда-то единстве восточных славян под влиянием внешних

воздействий ослабевала, претерпевала изменения, но, несмотря ни на что, не исчезла. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. В этом отношении полного разрыва «севера и юга» не произошло и в последующие века [13, с. 115].

Самое раннее их отображение выявлено в византийских актах XIV в., составлявшихся по поводу ходатайства, поступившего из Галицко-Волынского княжества. В нем содержалась просьба об учреждении для него отдельной митрополии. В качестве центра для нее предлагался г. Галич. Вся остальная Русь, остававшаяся под управлением прежней митрополии, располагавшейся в г. Владимире-на-Клязьме, получила тогда впервые наименование «Великой» [4, с. 36]. Указание «Малой» употреблялось и в значении «исконной Руси» [14, с. 154]. Галицко-волыньские князья использовали его в отношении подвластных им земель. Наименование «Малая Русь» с такой же конкретизирующей привязкой употреблялось и в зарубежных странах. Существует объяснение, что введено оно было в употребление греческими патриархами для отличия Галицко-Волынского удела от превосходившей по размерам Московии [14, с. 156].

В противопоставлении отражалась вместе с тем признававшаяся целостность православного восточнославянского населения как народа. Более широкое применение оно получило с середины XVII в., когда произошло его частичное воссоединение. Существуют и другие объяснения появления данных названий. По одной из версий, противопоставления «Малая и Великая Русь» заимствованы из греческой практики периода колонизации и освоения обширных пространств. Именно тогда употреблялись названия «Малая Греция» как «основная», «подлинная» часть и «великая», обозначающая «общую» территорию распространения эллинского мира, то есть все его пределы (владения). Однако такое объяснение является всего лишь предположением. В киевский период формирования государственности у восточных славян определение «Малая Русь» отсутствовало [15, с. 95].

В специальных исследованиях вместе с тем высказывалась точка зрения, согласно которой «Великой Русью» первоначально называлась Новгородская земля [16, с. 103]. Изучение источников позволило А. Соловьеву в свою очередь сделать вывод, что данное обозначение появилось в XII в. и относилось ко всей восточнославянской территории как «единому целому» [17, с. 38]. Сравнения по величине обычными являлись и в отношении городов, в частности Новгорода, Ростова и др. Они в разных частях русской земли также воспринимались как «малые» или «великие» образования [17, с. 27].

По версии профессора Кембриджского университета Н.Е. Андреева, изложенной в статье «Переяславский договор» (1953), указание на масштаб объединившихся русских земель и инородных территорий появилось как «результат впечатления», возникшего в связи с «ростом Московской державы, ставшей в XVI в. на самом деле великой» [15, с. 95]. По его утверждению, не только тогда, но и в XVII в. употреблялись «или старые названия “Русь”, “русский”, или, считаясь с фактом роста Московского царства – Великой Руси,

Великого Российского царства». Тогда же на постоянной основе в употребление вошло определение «Малая Русь» [15, с. 95]. Противопоставления частей страны по размеру территории между тем существовали и у других славянских народов. Польша также, к слову, делилась на «Малую и Великую» [4, с. 36].

Однако это вовсе не являлось показателем разобщенности народа. Видный представитель отечественной исторической науки академик О.Н. Трубачев пришел к выводу, что противопоставления возникли в действительности и следствием заимствования чужей-то практики не являются, в том числе и отраженной в документах «византийской канцелярии» [18, с. 6–7]. Наряду с этим ученый подверг сомнению и объяснение, согласно которому словесные оппозиции «Малая и Великая Русь» возникли из-за разделения церковной митрополии [18, с. 6]. Тем не менее каноническое общение этих частей с Константинополем, где находился тогда патриарший престол, продолжалось. С XVI в. «Украиной» стали называть «часть территории к востоку от Днепра» и в Польше [19, с. 297].

Однако вплоть до того времени слово «украина» в источниках фиксируется редко. М.С. Грушевский переносит его в описания из более поздних периодов [13, с. 82]. Используемое им наименование «Украина» не соответствует существовавшей действительности и является следствием фальсифицированности доказательств. С помощью совпадавших по смыслу уточнений «окраина, украина», как считает исследовавший данные понятия И. Бутенко, обозначали в тот период именно «край, землю». Указания на это содержатся не только в русских летописях, но и в польских хрониках. В актах сформировавшейся позже Московской Руси, например, упоминаются «Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины» государства, составлявшие с ним единое целое и не имевшие обособленности [6, с. 2].

Между тем разъединенность восточных славян границами различных государственных образований способствовала сохранению непреодоленных в период этнополитического единства Руси локализованных состояний обособленности. Ослабленными оказались и процессы культурной консолидации. Для достижения «ополячивания» восточнославянского населения этим воспользовались власти Речи Посполитой, сделавшие ставку со второй половины XVI в. на изменение сложившейся идентичности. Первоначально предпринимаемые усилия затрагивали преимущественно сферу языка, в которой происходили наложения на отдельные совпадения смыслов, имевших праславянские основы. Самосознание же, опиравшееся в то время на православие, оказывалось наиболее устойчивым. Миссия по насаждению католицизма в среде восточнославянского населения изначально при представившейся возможности выполнялась иезуитами [20, с. 62].

Изучавший их деятельность профессор Н.Н. Любич отмечал, что они «содействовали... всеми силами» прежде всего закреплению за Польшей «завоеванных русских земель» [20, с. 62]. Важнейшая роль в получении такого результата отводилась Люблинской унии. Созванный для ее «устройства» в 1569 г.

съезд тем не менее не опирался даже на минимальную поддержку. Уже в самом начале выяснилось, что «ни литовцы, ни русские... унии не желают». Их представители, выразив несогласие, разъехались. Однако сложившейся ситуацией польские власти воспользовались по своему усмотрению [20, с. 65]. По существовавшим установлениям «для образования унии» достаточно было всего несколько подписей. Это предоставляло возможность применять принудительные меры к тем, кто будет сопротивляться.

Осуществление соответствующей политики началось с «Подлесья», а затем было перенесено на Волынь, Киевщину и Подолию. Но обращение в католицизм не превратилось в явление массового порядка и затронуло лишь высшие сословия. На них подействовала угроза лишиться «должностей и имений». В объявлении в жесткой форме, не допускавшей каких-либо исключений, давалось разъяснение, что это неизбежно произойдет, если присяга не будет подписана. В результате насаждения Люблинской унии, по оценке П.И. Ковалевского, «Литовская Русь» лишилась своего прежнего значения [20, с. 65].

После 1569 г., по заключению галицийского писателя и ученого И.Я. Франко, руководство Речи Посполитой делало все для того, чтобы «южную Русь... полностью слить с Польшей, сделать из этих двух стран единое целое» [21, с. 270]. Условия для сохранения этничности в Литве, в которую входили до этого западные восточнославянские уделы, были более терпимые [21, с. 270]. В них допускалось и состояние компромисса. Согласно Люблинской унии 1569 г. три сословия, «меньших князей, дворян и земских людей», сложившиеся на Руси, получили равные права с польской шляхтой, а восточнославянское земледельческое население ставилось в крепостную зависимость [21, с. 271]. К занятию государственных должностей допускались только католики. После отказа от православия открывалась возможность достигать самых высоких ступеней в служебной иерархии Речи Посполитой. «Окатоличенная аристократия», по словам П.И. Ковалевского, «начинает понимать пользу своего положения и поддерживать польские связи» [20, с. 65].

Попытки взлома исторической кодификации при помощи экономических и социальных мер оказались наиболее результативными. Православная шляхта под влиянием привилегий, предоставлявшихся Люблинской унией, воспринимала, в отличие от простого народа, польскую культуру, школы, книги и т. д. Лишь отдельные ее представители продолжали «стоять за Русь» [21, с. 271]. Наряду с православными к переходу в католицизм склоняли также лютеран и кальвинистов. Но в проводившейся политике воздействие прежде всего оказывалось на православное русское население. «Польские порядки», насаждавшиеся с 1569 г. [21, с. 270], способствовали деформации прежней этничности.

Оформление политики по перегруппировке сложившегося самосознания у доступной для такого воздействия части русских славян относится к правлению Стефана Батория (1575–1586), при котором для осуществления этих намерений производится наиболее массовый призыв иезуитов [20, с. 62].

Производившие обращение в «латинскую веру» добились при поддержке верховной власти принятия законов, запрещавших «иноверцам» получать назначения на высокие государственные должности. Для них исключалась даже возможность занимать места воевод [21, с. 272]. По мнению профессора Н.Н. Любовича, Стефан Баторий понимал, что удержать «территориальные приобретения» с православным русским населением можно только «путем водворения католицизма», то есть распространением западного варианта христианства. При помощи его, как небезосновательно ожидалось, достигнуто будет и его «ополячивание» [20, с. 62].

При короле Сигизмунде III (1587–1632) насаждение католицизма продолжалось [21, с. 272]. Направленные на разъединение восточных славян усилия выдерживались весьма последовательно. Прилагались усилия и к целенаправленной замене названия Русь. На то, что это предусматривалось «польским проектом», указывает многое. Запорожские казаки, в частности, обозначение «Украина» использовали в контактах только с представителями Речи Посполитой, политикой которой и осуществлялось его утверждение. В общении же с православным духовенством и представителями Московского государства они по-прежнему употребляли привычное название «Русь» [7, с. 81].

Противопоставления «Белая, Малая и Великая» стали широко использоваться после Брестской унии с конца XVI в., на что указывает и содержание православной публицистики [7, с. 21, 79]. Обвинения в ней за привнесенный в восточнославянскую этническую среду конфессиональный разрыв возлагались на польские власти. Предпринимавшиеся на протяжении многих лет усилия с их стороны имели направленность на его достижение. Но для переориентации канонических связей на Ватикан как центр католицизма необходима была церковная уния. В 1595 г. в этой связи созывается собор в г. Киеве. После его проведения при непосредственном содействии польского короля Сигизмунда в Ватикан направляются всего два посланца, И. Поцей и К. Терлецкий. На них возлагается миссия сообщить папе о якобы добровольном желании «образовать унию» [20, с. 67].

Между тем всем было известно о предпринимавшихся усилиях по ее насильственному введению. Несмотря на это, Ватикан учреждает в том же 1595 г. собор во Флоренции, где посланцы из Киева просили при всех папу «о присоединении к римской церкви» [20, с. 67]. О том, что согласие будет дано, известно было заранее. Процедура оказалась сугубо формальной. Завершением ее явилось «торжественное приветствие», обращенное к присутствующим на церемонии «епископам российским». В нем, в частности, говорилось о возвращении «к камню веры, на коем Христос утвердил церковь... к матери и наставнице всех церквей, к единственной истинной римской церкви» [20, с. 67]. По оценке П.И. Ковалевского, «насильственное воссоединение», осуществленное вопреки массовой настроенности восточнославянского населения Польши на сохранение православия, «не было крепким и принесло весьма печальные плоды» [20, с. 67].

Насаждению подчинения Ватикану предшествовали идеологические кампании, проводившиеся распространявшими католицизм иезуитскими проповедниками. В ходе них создавались представления, что отличия православных от «латынников» являются «заблуждениями, проистекающими от темноты и незнания истинной веры Христовой» [21, с. 273]. В качестве важнейших причин, способствовавших принятию унии в западных землях Руси, галицийский писатель и ученый И.Я. Франко выделяет отсутствие здесь у восточнославянского населения своей системы образования прежде всего школ, «грамотных людей», книг на родном языке, свободном от полонизмов [21, с. 273].

«Больше всего вреда», по его заключению, принесло введенное в Речи Посполитой в отношении православного духовенства «право патроната». В соответствии с ним епископы утверждались непосредственно королем, священнослужители же приходов – шляхтой (сельскими помещиками). После этого на служение в православные храмы в Польше назначались «не достойнейшие», а те, кто за «номинацию» мог «хорошо заплатить королю и его чиновникам» [21, с. 273]. Накануне принятия Брестской унии священниками («праведниками») становились, таким образом, «с помощью тяжкого греха» (симонии). Представители обедневшей православной шляхты, воспитанные на положениях Люблинской унии 1569 г., легко склонялись для собственного обогащения к его совершению. Некоторые из них становились даже митрополитами. В ряде случаев назначенцы, принявшие Брестскую унию, должности православных иерархов получили после возвращения из «латинства» [21, с. 273, 275–276], став тем самым дважды вероотступниками. Это является показателем низкого уровня их нравственности.

Распространению под влиянием польских порядков порочности в среде православного духовенства пытался противодействовать константинопольский патриарх. По его распоряжению получавшие сан ставились в зависимость от мнения прихожан. Возможность надзирать за священнослужителями предоставлялась «простым людям». Намерение константинопольского патриарха восстановить нравственное начало в деятельности православного духовенства в Польше также способствовало появлению у отдельных его представителей стремления «перейти под власть папы римского» [21, с. 276]. В 1595 г. «церковная уния» именно такой категорией православных епископов при посещении Рима и была принята. Церковный собор в Бресте, созданный в 1596 г. специально для оформления окончательного решения об объединении с католиками, подтвердил принятые во Флоренции решения [21, с. 276].

Православному духовенству западных русских земель было предложено признание власти Ватикана и главенства папы [22, с. 51]. На нем присутствовали посланцы (экзархи) патриархов александрийского и константинопольского, много епископов, духовенства и мирян. Группировки сохранения приверженности православного выбора Руси и сторонников унии опирались на «грозные ополчения» [22, с. 51]. Раскол привел к тому, что православный собор отверг унию и проклял ее, униатский ответил тем же в отношении

оппонентов. Компромисс между отступниками от православия и католиками был все же достигнут. Уния допускала совмещение православного и католического исповеданий [22, с. 51]. Так произошло подчинение «Восточной церкви» Речи Посполитой папскому престолу с сохранением ее обрядов, в том числе богослужения на родном языке. Объединение с католиками, не допускавшееся ранее, вследствие этого состоялось [22, с. 51].

Совмещение привело к утверждению грекокатолической церкви. Насажение униатства достигалось «путем проповеди и насилия» [22, с. 51]. В среде православных оно встречало сопротивление [22, с. 51, 57]. Для его преодоления в западных уделах бывшего государственного пространства Руси захватывались храмы, преследованию подвергались представители духовенства восточной разновидности христианства и верующие [22, с. 51, 57]. На защиту православия в западных землях Руси поднялось простое население и монастырские братства. Приверженность ему сохранили многие представители духовенства [20, с. 67; 21, с. 276].

Но от установившегося подчинения папскому престолу и совмещенной обрядности впоследствии из тех иерархов, которые приняли унию, отступились лишь владыки «львовский и перемышльский» [21, с. 276]. Одним из факторов принуждения несогласных являлась десятина в пользу католической церкви. Ее польские власти заставили платить оставшихся в православии. Помимо всего они существенно ограничивались в правах. Униаты же ставились в привилегированное положение. Со стороны государства им оказывалось покровительство [20, с. 68, 81]. К униатству польские власти между тем относились как к «крестьянской» религии. Для них важным являлось то, что в ней отражение получили некоторые черты католицизма, в том числе признание власти Ватикана. Гонения же на православных для окончательного подавления воспроизводившейся русской идентичности являлись в Речи Посполитой составной частью государственной политики [22, с. 51].

А это создавало предпосылки для изменения исторически сложившейся кодификации самосознания у восточнославянского населения, принявшего унию. Разъединение с другими частями этнического поля тем самым закреплялось и на идеологической основе. Однако значительная часть исповедовавших православие унию с католиками не приняла. Попытки поляков навязать ее с помощью жестких мер не увенчались успехом [9, с. 48]. Впоследствии неоднократно происходил при различных обстоятельствах массовый переход униатов в православие. Совершался он в том числе в Галицкой и Карпатской Руси, где их численность была более значительной [23, с. 20–21].

Прежняя этническая принадлежность, судя по всему, разрушительному воздействию не поддавалась. Русскими себя признавали открыто не только униатские священники, но и их дети [24, с. 159]. Контакт поколений оказывал воздействие именно в этом направлении. Название «украина», как показывает проведенный анализ, употреблялось для обозначения пограничных земель [7, с. 79]. Смысл его, несмотря на различия в произношении, оказался одинаковым

как в Речи Посполитой, так и в России. О.Н. Трубачев отметил, что в понятие «малороссы» не вкладывалось унижительное содержание [18, с. 7]. Впрочем, так же как и употреблявшимся в условиях Российской империи определениям «инородцы» и «туземцы». Именно в советский период наименованию «малороссы» стало придаваться негативное значение, не имевшее ничего общего с исторической реальностью. По утвердившемуся тогда представлению термин использовался для дискриминации украинцев по национальному признаку.

На самом же деле конкретизация «Малая Русь» появилась в грамоте галицко-волыньских князей еще в 30-е гг. XIV в. В дальнейшем наименование было отнесено ко всем землям, воспринимавшимся в том числе и как Украина [18, с. 8]. На отсутствие в противопоставлениях частей восточнославянского этнического сообщества негативного контента указывает и вошедшая в обиход формулировка «Белая Русь». Такое название одно время соотносилось с северо-восточными землями. Упоминания о «Белой (Суздальской) Руси» содержатся, например, в источниках, отражавших образование в XII в. особой русской митрополии во Владимире-на-Клязьме. Создавалась она как независимая от Киевской, с правом осуществления самостоятельной конфессиональной политики. Обращаясь по этому поводу к своим боярам, Андрей Боголюбский так объяснил эту необходимость: «Я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил» [1, с. 291].

Впоследствии такое название закрепилось за той частью восточнославянского пространства, которая соотносилась только с западным уделом, рассматривавшимся в свое время в едином ряду с «Великой и Малой Русью» [25, с. 43–47]. Между тем у «Белой Руси» была и своя позиция, соотносившаяся с названиями «Черная и Червонная Русь» [25, с. 48–49]. В XIV–XV вв. к «Черной Руси» причисляли земли (северо-восточные княжества), обязанные давать так называемый «черный сбор», установленный налог, взимаемый Ордой. В восточнославянском отражавшем реальность употреблении «черными» называли тех, кто выполнял различные повинности [7, с. 80]. В этом как раз и заключалось смысловое наполнение термина.

К Руси же «червонной» («красной») в Польше относили территорию Галиции, имевшей в соответствии с этим характерное наименование «Воеводство Русское» [7, с. 31]. На основе народных преданий в примечании к поэме «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко сделал такое пояснение: «Черный шлях начинался от Днепра... и шел... на червонную Русь, к Львову. Черным назван за то, что по нем татары ходили в Польшу и своими табунами вытаптывали траву» [26, с. 158]. Его пролегание имело направленность «через степи Запорожские... воеводства Киевское, Подольское и Волыньское» [26, с. 158]. Так что наименование «червонной Руси» отложилось в самосознании восточных славян и в таком виде. В Литве находилась «Белая и Малая Русь» [7, с. 80, 106].

Оторванные с XIII в. от остального восточнославянского сообщества они впоследствии попадали в зависимость от Речи Посполитой и на протяжении длительного времени удерживались в ее составе. В первой половине XVI в.

в Московском государстве находилась «Черная Русь» и часть «Белой», с которой соотносились Смоленские и Псковские земли, также составлявшие части единого целого. В одном из географических описаний начала XVII в. сообщалось, в частности, о разделении территории расселения восточных славян «на Руссию Белую, которая входит в состав Великого княжества Литовского, и на Руссию Красную... принадлежащую Польше. Третья же часть... лежащая за Доном и истоками Днепра, называется древними Руссией Черной, в новейшее же время она стала называться повсюду Московией, потому что все это государство, как оно ни пространно, от города и реки Москвы именуется Московией» [7, с. 80, 106].

В системе применявшихся обозначений белый цвет символизировал запад, черный – север, а красный – юг. Определения же «Белая и Черная Русь» имели частичную совмещенность. Такое же различие прослеживается и в смысловой конкретизации голубой – восточный. По предположению О.Н. Трубачева, так могла называться «Русь Приокская». Подтверждение он видит и в поэтическом наследии С. Есенина [18, с. 8], в котором схватывались из народных преданий, передававшихся из поколения в поколение, вариации исторической памяти. Упоминалось в нем и наименование «Голубая Русь» [27, с. 150]. Отождествление ее производилось с северо-восточной («московской») частью этнического пространства [27, с. 176]. Конкретизация распространение имела, следует заметить, в среде самого восточнославянского населения. Сохранявшиеся в ней отголоски прошлого С. Есенин и использовал для своего творчества.

Противопоставления же «Белая, Малая, Червонная и Черная Русь» применяться стали, как установлено специальными исследованиями, с XIV в. [7, с. 82]. Тогда же, как можно судить по надписям на печатях князей, Галицию стали называть Россией [13, с. 38]. Сохранялась такая практика даже под «польским владычеством» [13, с. 38], что свидетельствовало об устойчивости восприятия. В западных ареалах этнического сообщества, следовательно, слово «Россия» появилось раньше [7, с. 80], чем в восточных, где его вхождение в оборот происходит лишь в конце XV в. При изучении особенностей восточнославянских говоров, содержащих также срезы формировавшейся когда-то исторической кодификации, В.И. Даль столкнулся с близким по содержанию объяснением. В составленном им толковом словаре приводится, в частности, такое описание зафиксированной информации: «...только Польша прозвала нас Россией, россиянами, российскими по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою» [28, с. 114].

Наименование «Русь» употреблялось «в значении мир, белсвет» [28, с. 114]. Признание же, что «московиты» и православные Речи Посполитой составляют единый народ, разделенный границами вследствие различных трагических событий прошлого, существовало и в зарубежных странах [7, с. 80]. В польском государстве не принявшее унию православное население как «инородное» подвергалось дискриминации. Распространенные в нем притеснения «за веру» привели

лишь к усилению самоотождествления православного населения с «русской национальностью» [29, с. 125]. Сохранявшаяся прежняя религиозная приверженность способствовала защите этничности. Имевшие восточнославянское происхождение представители шляхты, принимавшие католицизм, вместе с тем понимали, что изменение исповедания у народа невозможно, так как достижение этой цели приведет к его уничтожению.

В 1623 г. православное дворянство Речи Посполитой представило по этому поводу разъяснение и в правительственные инстанции. В нем также обращалось внимание на то, что искоренение «восточного христианства» в народной среде означает прекращение существования самой Руси. Защита веры вследствие этого обрела широкую поддержку. В разных формах на борьбу поднялись православное духовенство, религиозно-просветительные братства и иные «образованные люди», а также казачество [29, с. 125]. Разъединение тем не менее усилило внутреннюю этническую дифференцированность восточнославянского сообщества. Данная реальность не оставалась незамеченной.

Последствия дезинтегрирующих воздействий наиболее, на мой взгляд, достоверно в размышлениях отобразил имевший малороссийское происхождение отечественный философ Н.С. Трубецкой. По его заключению, ко второй половине XVII в. различие в обособленных культурах восточных славян «стало чрезвычайно глубоким». Тем не менее «сознание общерусского единства», как верно, на мой взгляд, заметил Н.С. Трубецкой, не исчезло. Оно не позволяло воспринимать и культурные различия в качестве независимых друг от друга. Вследствие обособленности и внешних влияний на протяжении нескольких веков они превратились, по заключению Н.С. Трубецкого, всего лишь в редакции Западной и Московской Руси [30, с. 499].

Передавая особенности «малороссийского» народного говора в различных поэтических сюжетах Т.Г. Шевченко использовал вариации «Украина» и «Украйна» [26, с. 42–43, 80, 88], отражавшие происходившие в реальности переходные видоизменения. Причем первая разновидность названия являлась заимствованием из польского обихода, вторая – общерусского. Двойственность наименования пространства как раз и отображала происходившие в прошлом влияния при формировании этнической специфики. Примечательно, что в Галиции, где польское влияние было выше, в употреблении встречалось только обозначение «Украина» [31, с. 217, 226].

Каких-либо отличий указание «Украйна» от распространенной практики в восточнославянской среде в других ареалах расселения между тем не имело. Кроме того, во всех случаях Т.Г. Шевченко применял формулировки в таком сочетании: «на Украине» и «на Украйне» [26, с. 242, 303]. А это было характерно именно для конкретизаций, обозначающих периферийность положения. В великорусском говоре В.И. Даль выделил именно этот смысл в конкретизации «Украйна». По выявленной им информации так «ныне зовут Малую Русь» [28, с. 484]. В сопроводительных разъяснениях толкового словаря

указание «украинный» обозначает местоположение «на краю... дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства» [28, с. 484].

Представления об общности восточных славян удерживались исторической памятью. Воспроизводство ее обеспечивалось в преобладающей степени на уровне контакта поколений. Анализ различных источников показывает, что, несмотря на усиление этнической дифференциации, воздействие его происходило именно в направлении сохранения общерусского единства. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. В века разъединения восточнославянская идентичность, претерпев изменения, соответствие общему этническому коду не утратила. Несмотря на сохранявшиеся субэтнические различия, преобладало осознание принадлежности к русскому народу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Сочинения : в 9 т. Т. I. Часть 1 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 431 с. – Текст : непосредственный.
2. Слово о полку Игореве / пер. С. Шервинского и Г. Шторма. – М.–Л. : Академия, 1934. – 52 с. – Текст : непосредственный.
3. Слово о полку Игореве / пер. Н. Заболоцкого. – Текст : непосредственный // Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М. П. Одесского. – М. : Слово, 2001. – 733 с. – С. 242–261.
4. Широкоград, А. Б. Утерянные земли России / А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2007. – 490 с. – Текст : непосредственный.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2014. – 640 с. – Текст : непосредственный.
6. Бутенко, И. Что должен знать каждый об украинцах / И. Бутенко. – Текст : непосредственный // Свободное слово Карпатской Руси. – 1971. – № 7–8 (151–152). – С. 1–13.
7. Калашников, М. Независимая Украина. Крах проекта / М. Калашников, С. Бунтовский. – М. : Фолио, 2009. – 413 с. – Текст : непосредственный.
8. Толочко, П. Киевская Русь / П. Толочко. – К. : Абрис, 1996. – 360 с. – Текст : непосредственный.
9. Радзиевский, А. Как и Бог наш – триедин русский народ! / А. Радзиевский. – Текст : непосредственный // Славянская нива. – 2002. – № 1–2. – С. 45–52.
10. Солженицын, А. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения / А. Солженицын. – Л. : Советский писатель, 1990. – 64 с. – Текст : непосредственный.
11. Франко, И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Избранные сочинения : в 10 т. Т. IV: Рассказы и повести. Драмы : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1950. – 736 с. – С. 485–640.
12. Россия : энциклопедический словарь (Б/и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с. – Текст : непосредственный.
13. Волконский, А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда / А. М. Волконский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 33–123.
14. Репников, А. Василий Шульгин и «украинский вопрос» / А. Репников. – Текст : непосредственный // Россия XXI. – 2015. – № 1. – С. 146–171.

15. Примечание ред. к статье: Матвеев В. А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России. – Текст : непосредственный // Посев. – 1995. – № 1. – С. 95.
16. Державин, Н. С. Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского / Н. С. Державин. – М. : Советская наука, 1944. – 124 с. – Текст : непосредственный.
17. Соловьев, А. Великая, Малая и Белая Русь / А. Соловьев. – Текст : непосредственный // История. – 1947. – № 7. – С. 27–38.
18. Трубачев, О. Н. Как рождаются мифы (еще раз о терминах «великая», «малая» и «белая Русь») / О. Н. Трубачев. – Текст : непосредственный // 340 лет Переяславской Рады. Международная научная конференция : тезисы докладов. Вып. I. – Донецк : Б/и, 1994. – С. 6–8.
19. Романовский, Ю. Д. Украинский сепаратизм и Германия / Ю. Д. Романовский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 296–314.
20. Ковалевский, П. И. История Малороссии / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография Р.В. Коротаевой, 1912. – 221 с. – Текст : непосредственный.
21. Франко, И. Две унии. (Картинка из истории Руси конца XVI столетия) / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения : в 10 т. Т. 10: Статьи, письма : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 792 с. – С. 270–277.
22. Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. Т. 3: Т–Я / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. – 783 с. – Текст : непосредственный.
23. Суляк, С. Г. Русины: уроки трагической истории / С. Г. Суляк. – Текст : непосредственный // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность : сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. – Новочеркасск : Лик, 2010. – 300 с. – С. 11–48.
24. Царинный, А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / А. Царинный. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 133–252.
25. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с. – Текст : непосредственный.
26. Шевченко, Т. Кобзарь / Т. Шевченко ; пер. с укр. – М. : ОГИЗ. Гослитиздат, 1947. – 686 с. – Текст : непосредственный.
27. Есенин, С. А. Избранное : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / С. А. Есенин. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. – 544 с. – Текст : непосредственный.
28. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. – СПб., М. : Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 704 с. – Текст : непосредственный.
29. Богаевский, П. М. Присоединение Малороссии к Московскому царству / П. М. Богаевский. – Текст : непосредственный // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола : сборник / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. – М. : Москва, 1998. – С. 124–132.

30. Трубецкой, Н. К украинской проблеме / Н. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М., 2007. – С. 498–522.

31. Франко, И. Украинский театр / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения : в 10 т. Т. 10: Статьи, письма : [пер. с укр.]. – М. : ГИХЛ, 1959. – 792 с. – С. 210–230.

REFERENCES

1. Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii. [Course of Russian history. Essays in 9 vols. I. Part 1]. Moscow: Thought, 1987. 431 p.

2. Slovo o polku Igoreve. [A word about Igor s regiment]. Perevody S. Shervinskogo i G. Shtorma. [Translations of S. Shervinsky and G. Storm]. Moscow-Leningrad: Academy, 1934. 52 p.

3. Slovo o polku Igoreve. [A word about Igor s regiment. Per. N. Zabolotsky] // V kn.: Drevnerusskaya literatura / Sost., predisl. i komment. M.P. Odesskogo. [In the book: Ancient Russian literature / Comp., preface. and comment. M.P. Odessky]. Moscow: Slovo, 2001. P. 242–261. (733 p).

4. Shirokorad A. B. Uteryannye zemli Rossii. [The Lost Lands of Russia]. Moscow: Veche, 2007. 490 p .

5. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. 2-e izd. [Paganism of the ancient Slavs. 2nd ed.] Moscow: Academic Project, 2014. 640 p.

6. Butenko I. Chto dolzhen znat kazhdyj ob ukraincah. [What everyone should know about Ukrainians] // Svobodnoe slovo Karpatskoj Rusi. [Free speech of Carpathian Rus]. 1971. No. 7–8 (151–152). P. 1–13.

7. Kalashnikov M., Buntovskij S. Nezavisimaya Ukraina. Krah proekta. [Independent Ukraine. The collapse of the project]. Moscow: Folio, 2009. 413 p.

8. Tolochko P. Kievskaya Rus. [Kievan Rus]. Kiev: Outline, 1996. 360 p.

9. Radzievskij A. Kak i Bog nash – triedin russkij narod! [Like our God, the Russian people are triune!] // Slavyanskaya niva. [Slavyanskaya niva]. 2002. No. 1–2. P. 45–52.

10. Solzhenicyn A. Kak nam obustroit Rossiyu: Posilnye soobrazheniya. [How can we equip Russia: Feasible solutions]. Leningrad: Soviet writer, 1990. 64 p.

11. Franko I. Zahar Berkut. Kartina obshchestvennoj zhizni Karpatskoj Rusi v XIII veke . [Zakhar Berkut. The picture of the social life of Carpathian Russia in the XIII century] // V kn.: Franko I. Izbrannye sochineniya. Per. s ukr. T. IV. Rasskazy i povesti. Dramy. [In the book: Franko I. Selected works. Trans. from ukr. Vol. IV. Stories and novellas. Dramas]. Moscow: State Publishing House of Fiction (GIHL), 1950. P. 485–640. (736 p).

12. Rossiya. Enciklopedicheskij slovar. [Russia. Encyclopedic dictionary (B/I.: Brockhaus F.A. and Efron I.A. St. Petersburg, 1898)]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 922 p.

13. Volkonskij A. M. Istoricheskaya pravda i ukrainofilskaya propaganda. [Historical truth and Ukrainophile propaganda] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacionalnogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M.B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 33–123.

14. Repnikov A. Vasilij Shul'gin i "ukrainskij vopros". [Vasily Shulgin and the "Ukrainian question"] // Rossiya XXI. [Russia XXI]. 2015. No. 1. P. 146–171.

15. Primechanie red. k state: Matveev V.A. Pereyaslavskaya Rada v istoricheskikh sudbah Ukrainy i Rossii. [Editor s note to the article: Matveev V.A. Pereyaslavskaya Rada in the historical destinies of Ukraine and Russia] // Posev. [Sowing]. 1995. No. 1. P. 95.

16. Derzhavin N. S. Proiskhozhdenie russkogo naroda – velikorusskogo, ukrainskogo, belorusskogo. [The origin of the Russian people – Great Russian, Ukrainian, Belarusian]. Moscow: Soviet Science, 1944. 124 p.
17. Solovev A. Velikaya, Malaya i Belaya Rus. [Great, Small and White Russia] // Istoriya. [History]. 1947. No. 7. P. 27–38.
18. Trubachev O. N. Kak rozhdayutsya mify (eshche raz o terminah "velikaya", "malaya" i "belaya Rus"). [How myths are born (once again about the terms "great", "small" and "white Russia")] // 340 let Pereyaslavskoj Rady. Mezhdunarodnaya nauch. konf. Tezisy dokladov. Vyp. I. [340 years of the Pereyaslav Rada. International Scientific Conference Abstracts of reports. Issue I]. Donetsk: B/i, 1994. P. 6–8.
19. Romanovskij Yu. D. Ukrainskij separatizm i Germaniya. [Ukrainian separatism and Germany // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 296–314.
20. Kovalevskij P. I. Istoriya Malorossii. [History of Little Russia]. St. Petersburg: Printing house of R.V. Korotaeva, 1912. 221 p.
21. Franko I. Dve unii. (Kartinka iz istorii Rusi konca XVI stoletiya). [Two unions. (A picture from the history of Russia at the end of the XVI century)] // V kn.: Franko I. Sochineniya. V 10 t. T. 10. Stat'i, pisma. Per. s ukr. [In the book: Franko I. Essays. In 10 t. t. 10. Articles, letters. Trans. from ukr]. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 270–277. (792 p.)
22. Hristianstvo. Enciklopedicheskij slovar. V 3 t. T. 3: T–YA. Red. kol.: S. S. Averincev (gl. red.) i dr. [Christianity. Encyclopedic dictionary. In 3 t. t. 3: T–Ya. Ed. Col.: S. S. Averintsev (chief editor) and others]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 1995. 783 p.
23. Sulyak S. G. Rusiny: uroki tragicheskoy istorii. [Rusyns: lessons of tragic history] // Rusiny Karpatskoj Rusi: Problemnye voprosy istorii i sovremennost'. Sb. nauch. st. po mater. konf. [Rusyns of Carpathian Rus: Problematic issues of history and modernity. Collection of scientific articles on the mater. conf. Rostov-on-Don, December 19, 2008]. Novocherkassk: Lik, 2010. P. 11–48. (300 p.)
24. Carinnyj A. Ukrainskoe dvizhenie. Kratkij istoricheskij ocherk, preimushchestvenno po lichnym vospominaniyam. [The Ukrainian Movement. A brief historical sketch, mainly based on personal memories] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 133–252.
25. Nikonov V. A. Kratkij toponimicheskij slovar. [A concise toponymic dictionary]. Moscow: Mysl, 1966. 509 p.
26. Shevchenko T. Kobzar. Per. s ukr. [Kobzar. Per. with ukr]. Moscow: OGIZ. Goslitizdat, 1947. 686 p.
27. Esenin S. A. Izbrannoe: V 2 t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy. [Favorites: In 2 vols. Vol. 1. Poems and poems]. Moscow: TERRA-Book Club, 2005. 544 p.
28. Tolkovyj slovar zhivago velikorusskago yazyka. Vladimira Dal'a. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. T. 4: R–V. SPb. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vladimir Dahl. The second edition, corrected and significantly multiplied by the author's manuscript. Vol. 4: R–V. St.] Petersburg-Moscow: Edition of the bookseller-typographer M.O. Wolf, 1882. [4], 704 p.

29. Bogaevskij P. M. Prisoedinenie Malorossii k Moskovskomu carstvu. [Annexation of Little Russia to the Moscow Kingdom] // Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologiya nacional'nogo raskola. Sbornik. Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. B. Smolina. [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of the national split. Collection. Introductory article and comments by M. B. Smolin]. Moscow: Moscow, 1998. P. 1241–32.

30. Trubeckoj N. K ukrainskoj probleme. [To the Ukrainian problem] // V kn.: Trubeckoj N. Nasledie Chingiskhana. [In the book: Trubetskoy N. The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: 2007. P. 498–522.

31. Franko I. Ukrainskij teatr. [Ukrainian theater] // V kn.: Franko I. Sochineniya. V 10 t. T. 10. Stati, pisma. Per. s ukr. [In the book: Franko I. Essays. In 10 t. t. 10. Articles, letters. Trans. from ukr]. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 210–230. (792 p.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Дезинтегрирующие воздействия на этническую общность русских славян в века разъединения / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 123–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Disintegrating Effects on the Ethnic Community of Russian Slavs in the Age of Separation / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 123–138. (In Russian).

УДК 9 (С16)

**УЧАСТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
В ВОССТАНОВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
В 1943–1945 ГГ.**

А.Э. Месропян

**THE PARTICIPATION OF CONSUMER COOPERATION
ECONOMIC RECOVERY OF KRASNODAR KRAI
IN 1943–1945**

A.E. Mesropyan

Аннотация. В статье рассматривается хозяйственная деятельность потребительской кооперации Кубани в 1943–1945 гг. Освещается процесс организации работы потребкооперации после освобождения территории Кубани. Анализируются принимаемые крайпотребсоюзом меры по воссозданию районных союзов и сельских потребительских обществ, привлечению в их состав новых членов, укреплению материальной базы, решению кадровой проблемы и организации социалистического соревнования. Прослеживается динамика различных направлений хозяйственной деятельности потребкооперации Кубани: снабжения потребителей продовольственными и промышленными товарами, заготовок сельскохозяйственных продуктов и вторсырья, производства товаров широкого потребления, развития общественного питания. Отмечаются положительные результаты и недостатки в работе потребкооперации, повышение уровня организации ее работы в конце войны. Дается оценка участию потребкооперации в восстановлении экономики Краснодарского края.

Abstract. The article deals with the economic activity of consumer cooperatives of Kuban in 1943–1945. The process of organizing the work of consumer cooperation after the liberation of the territory of Kuban is covered. The measures taken by the regional consumer union to recreate district unions and rural consumer societies, attract new members to them, strengthen the material base, solve the personnel problem and organize socialist competition are analyzed. The dynamics of various areas of economic activity of the consumer cooperation of Kuban is traced: supplying consumers with food and industrial goods, procurement of agricultural products and recyclables, production of consumer goods, development of public catering. Positive results and shortcomings in the work of the consumer cooperation, an increase in the level of organization of its work at the end of the war are noted. An assessment of the participation of consumer cooperation in economic recovery of Krasnodar Krai is made.

Ключевые слова: потребительская кооперация, восстановление хозяйства, снабжение, производственная деятельность, заготовительная работа, Краснодарский край.

Keywords: consumer cooperation, economic recovery, supply, production activity, procurement work, Krasnodar Territory.

Потребительская кооперация сыграла важную роль в восстановлении хозяйства Краснодарского края, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками. Особенно это проявилось в первые месяцы после освобождения

большей части Кубани, когда крупные промышленные предприятия практически бездействовали, ввиду значительных разрушений. В такой ситуации небольшие торговые и производственные предприятия потребительской кооперации возобновляли свою деятельность фактически сразу после изгнания врага. Кроме того, сельские потребительские общества обеспечивали снабжение продовольствием и промышленными товарами инвалидов Отечественной войны, учителей, врачей и других категорий населения, не связанного с сельским хозяйством и тем самым способствовали решению социальных проблем.

Руководство этим процессом осуществлял Президиум Краснодарского крайпотребсоюза, который уже 27 марта 1943 г., т. е. спустя полтора месяца после освобождения Краснодара, принял постановление «О мероприятиях по организации работы потребительской кооперации Краснодарского края в районах, освобожденных от немецких оккупантов». В числе этих мероприятий было намечено восстановление с 1 апреля деятельности сельских потребительских обществ (сельпо). Со стороны райпотребсоюзов и сельпо должна была проводиться работа по переучету пайщиков и восстановлению паевого хозяйства.

Одной из главных задач на начальном этапе восстановления деятельности потребкооперации стал возврат принадлежащих ей материальных ценностей, оказавшихся в распоряжении различных организаций и частных лиц. Было решено передавать дела в судебные органы в отношении тех из них, кто будет уклоняться от возврата имущества кооперации. Президиум Краснодарского крайпотребсоюза обязал руководство райпотребсоюзов и сельпо принять немедленные меры по осуществлению заготовок сельхозпродуктов и сырья, восстановлению производственных предприятий по выработке товаров широкого потребления и подсобных хозяйств [3, л. 2–3].

Процесс восстановления деятельности потребкооперации Краснодарского края нарастал по мере освобождения его территории. К апрелю 1943 г. стали действовать райпотребсоюзы и сельпо в большинстве районов края, кроме 8 районов, которые еще были оккупированы врагом за так называемой «Голубой линией». После освобождения Таманского полуострова 9 октября 1943 г. в этих районах также происходило возобновление деятельности потребкооперации.

Несмотря на тяжелые условия восстановительного периода, потребительская кооперация с каждым месяцем демонстрировала рост основных показателей своей работы. Так, товарооборот четвертого квартала 1943 г. составил 201,7 % по сравнению с оборотом второго квартала. За 1943 г. количество магазинов и лавок увеличилось с 300 до 839, ларьков и палаток с 32 до 95, предприятий общественного питания с 98 до 178, пекарен со 100 до 161, заготовительно-перерабатывающих пунктов с 233 до 431, промышленных предприятий с 15 до 132. Больших успехов райпотребсоюзы и сельпо достигли в вопросах объединения в своем составе прежних членов и привлечению новых. По установленному плану нужно было кооперировать за 1943 г. 29 тыс. человек, фактически этот показатель составил 160 660 человек, или 554 % к плану [2, л. 308].

Вместе с тем, ввиду последствий оккупации, а также недостатков в организации работы потребкооперации Кубани, результаты ее деятельности по ряду основных показателей были неудовлетворительными. В том числе плохо проходило снабжение таких контингентов, как инвалидов Отечественной войны, сельской интеллигенции и воспитанников детских домов промышленными и продовольственными товарами, причиной чему являлось неотоваривание нарядов поставщиков и несвоевременное получение райпотребсоюзами выделенных фондов [2, л. 307 об.].

Во многих райпотребсоюзах мало внимания уделялось организации производства товаров широкого потребления. В ассортименте этих товаров большой удельный вес занимали безалкогольные напитки, плодово-ягодное вино и бондарные товары. В то же время, совершенно не вырабатывались школьно-канцелярские принадлежности, спортивные галантерейные и швейные овчинно-шубные товары, чай, кофе и другие. В некоторых райпотребсоюзах не были созданы пекарни и выпечки хлеба не производилось. Вместо хлеба здесь снабжали закрепленный контингент потребителей зерном по установленным нормам [2, л. 308 об.].

Неудовлетворительно обстояли дела и в сфере заготовок сельхозпродукции и вторсырья, которые в 1943 г. были выполнены на сумму 11,5 млн руб. вместо 14,6 млн руб. по плану, или 79,3 %. При этом особенно плохо прошла заготовка овощей и яиц, где выполнение плана составило соответственно 49 % и 67 % [2, л. 401 об.].

Одной из главных причин этих и других недостатков в работе потребительской кооперации после окончания оккупации была неуккомплектованность и недостаточная квалификация кадров. По всем отраслям системы потребкооперации Краснодарского края по плану было утверждено 9 266 человек, фактически за 1943 г. средняя численность составила 5 174 человека, или 55,8 %. На качество организации управления отрицательное влияние оказывала текучка руководящих работников. За 1943 г. из системы потребкооперации Кубани выбыло 172 руководителя. Низким был уровень образования большинства работников. Так, специалистов с высшим образованием в системе было всего 12 человек, из них 7 человек работало в аппарате крайпотребсоюза [2, л. 401 об. – 402].

С учетом указанных недостатков со стороны Центросоюза СССР и РСФСР, а также крайпотребсоюза были приняты меры по улучшению условий хозяйственной деятельности райпотребсоюзов и сельпо, и повышению ее эффективности. С целью укрепления материально-технической базы были выделены дополнительные средства. Кроме того, потребкооперация Кубани получила материальную помощь от республиканских и областных союзов, действующих в регионах, не подвергшихся оккупации.

Так, 12 июля 1944 г. Президиум потребительской кооперации Грузии вынес решение принять шефство над потребительской кооперацией Краснодарского края в целях оказания помощи при восстановлении хозяйства.

Для укрепления продовольственной базы было выделено безвозмездно 10 голов крупного рогатого скота, 50 голов мелкого рогатого скота, 100 поросят и 5 свиноматок. Торговая сеть и предприятия общепита потребкооперации Кубани получили от шефов 40 столовых весов и 20 товарных, 5 тыс. гончарных мисок, 2 тыс. кружек, 300 графинов, 2 тыс. металлических столовых ложек и столько же чайных, а также задвижки, ручки, петли и другие железно-скобяные изделия на 15 тыс. руб. Из фонда ремонта и строительства выделялось безвозмездно 250 тыс. руб. [5, л. 16].

Руководство потребкооперации Кубани дало высокую оценку оказанной помощи. В телеграмме председателя Краснодарского потребсоюза Краснова председателю профсоюза потребительской кооперации Грузии Буджиашвили от 23 июня 1944 г. отмечалось: «Примите искреннюю благодарность работников кооперации Краснодарского края за братскую помощь восстановлению хозяйства, разрушенного фашистскими захватчиками» [5, л. 15].

Осуществлялись также меры по решению кадровой проблемы. В целях улучшения работы райпотребсоюзов в состав руководящего состава выдвигались бывшие воины Красной Армии, инвалиды Отечественной войны и женщины. К началу 1945 г. из 144 руководящих работников центрального аппарата крайпотребсоюза и райпотребсоюзов 69 были женщины и 15 инвалиды Отечественной войны [4, л. 24].

Большое значение придавалось подготовке кооперативных работников. В первые месяцы после оккупации, ввиду использования зданий учебных заведений потребкооперации в Краснодаре под госпиталь и ремесленное училище, пришлось организовывать бухгалтерскую школу и курсовые мероприятия в непригодных помещениях, при отсутствии учебного оборудования и литературы. Главной проблемой в организации учебного процесса в это время являлась острая нехватка преподавателей специальных дисциплин. Для ее решения крайпотребсоюз вызвал некоторых преподавателей из эвакуации, пригласил их на работу в Краснодар из других городов, а также стал использовать на преподавательской работе специалистов из своего аппарата.

Благодаря этим мерам в короткие сроки удалось организовать процесс обучения. Так, за 1944 г. в системе подготовки руководящих работников прошли подготовку по профилю председателей сельпо 61 человек, директоров заготконтор 10 человек, заведующих сырьевыми и овощными пунктами 12 человек, бухгалтеров 27 человек. Одномесячные курсы переподготовки прошли 16 председателей райпотребсоюзов и 92 председателя сельпо. С каждым месяцем нарастала также подготовка кооперативных работников по различным специальностям. За 1944 г. окончили двухмесячные курсы 130 заготовительных работников, трех- и четырехмесячные курсы 256 счетных работников. В торгово-кооперативной школе обучалось 100 человек, в техникуме советской кооперативной торговли 120 человек и на индивидуальном практическом обучении 585 человек. Всего за 1944 г. по всем формам было

обучено 1 861 человек, из них 1 482 женщины и 193 инвалида Отечественной войны [4, л. 26–27].

Постепенно система потребкооперации Краснодарского края возвращалась к привычным формам организации производственной деятельности. Одной из них являлось социалистическое соревнование, в ходе которого использовались моральные и материальные стимулы к повышению производительности труда. Уже через несколько месяцев после окончания оккупации соревнование охватило большую часть работников потребкооперации Кубани. Так, по результатам предоктябрьского социалистического соревнования 6 ноября 1943 г. президиум крайпотребсоюза объявил благодарность работникам, перевыполнившим свои обязательства: Е.В. Денисенко, О.П. Ходковой, Е.Ф. Маленковой, Т.И. Луценой, М.А. Медведевой, Н.Ф. Ионовой, Н.К. Батицкой, И.И. Островскому и Е.П. Авраменко [3, л. 403].

Расширение масштабов соревнования привело к заключению в марте 1944 г. договоров о социалистическом соревновании потребительской кооперации Краснодарского края с Ростовским областным союзом и Ставропольским краевым союзом потребительской кооперации. Главный акцент в них был сделан на оказании помощи Красной Армии: «Советский народ полон уверенности в окончательной победе, которая теперь уже близка. Но дело окончательного разгрома врага требует, чтобы Красная Армия получала бесперебойно все больше и больше боеприпасов, снаряжения и продовольствия» [5, л. 1–2].

Помимо производства необходимой для Красной Армии продукции, кооператоры Кубани направляли свои финансовые средства в фонд обороны, государственные военные займы, строительство военной техники. Как отмечает Т.Н. Вахнина, «на средства, собранные членами потребительских обществ, работниками и учащимися кооперативных учебных заведений по всей стране, была организована авиационная эскадрилья и танковая колонна, которая так и называлась «Потребительская кооперация»» [1, с. 22]. В сборе средств приняли активное участие и кооператоры Кубани.

Включившись в процесс восстановления экономики, потребительская кооперация Кубани постоянно повышала уровень своей хозяйственной деятельности. По итогам 1944 г. план розничного товарооборота был выполнен на сумму 391 266,6 тыс. руб., или 121,5 % к плану. Фактический оборот в 1944 г. вырос по сравнению с 1943 г. на 259,6 %, однако по отношению к обороту 1941 г. составил лишь 46,6 % [4, л. 2].

Выработка товаров ширпотреба на предприятиях потребкооперации в 1944 г. составила 14 754,1 тыс. руб., или 173,8 % к плану. Однако по отдельным видам товаров было значительное невыполнение плана. Так, план выработки обозных товаров был выполнен на 4,6 %, гончарных изделий на 23,1 %, трикотажа на 19,9 %, шорных изделий на 10,5 %, стройматериалов на 13,5 %. Перевыполнение общего плана произошло за счет значительного

превышения плановых показателей по производству плодово-ягодного вина (237,1 %), безалкогольных напитков (201 %), мебели (167,8 %) и культтоваров (169,2 %) [4, л. 6].

Как отмечает И.А. Лысенко, «при работе создаваемых мелких предприятий по организации переработки сельскохозяйственной продукции внимание уделялось новациям, например, стали производиться концентраты растительного белка, также изготавливались суррогаты кофе, выработка патоки, крахмала, осуществлялась переработка дикорастущих плодов и ягод» [8, с. 80]. Это позволяло повысить объемы производимой продукции, но ее качество было ниже, чем в довоенный период.

Такие противоречивые результаты были характерны и для других направлений хозяйственной деятельности потребкооперации. Так, от местной промышленности в 1944 г. потребкооперация стала получать гораздо больше товаров, которые затем использовались для торговли и снабжении контингентов. Вместе с тем, качество многих товаров было низким. К ним относились пудра, выпускаемая Белоглинским райпромкомбинатом, зубной порошок, выпускаемый Майкопской химической лабораторией, дышла и держали артелью «Энергия» и другие [4, л. 6].

В 1944 г. повысился уровень организации в снабжении установленных контингентов потребителей. Общее количество потребителей, подлежащих гарантированному снабжению за счет централизованных фондов по системе потребкооперации в Краснодарском крае, составляло от 77 до 84 тыс. человек в месяц [4, л. 8]. Из этого состава наибольшее внимание в системе потребкооперации уделялось снабжению детских учреждений и больниц. Так, в период проведения детской оздоровительной кампании 1944 г. потребкооперация Кубани обслужила 13 965 детей и 1 288 человек обслуживающего персонала [4, л. 9].

Повышенное внимание снабжению колхозов и колхозников происходило в период уборочной кампании. В мае 1944 г. в этих целях было завезено товаров на 6 291,5 тыс. руб., что было больше запланированного. Однако некоторые необходимые товары не были завезены совсем, среди них вилы, мотыги, пилы, веревка, лампы, посуда и ряд других товаров [4, л. 9а].

В системе общественного питания потребкооперации в начале 1945 г. работало 196 предприятий. План оборота общественного питания на 1944 г. был установлен в 45 000 тыс. руб., а фактически был выполнен на 48 591 тыс. руб., или 108 % от плана. В ассортименте выпускаемых первых блюд были борщ, супы овощной фасольный и картофельный, галушки и другие. В составе вторых блюд были мясной и овощной соус, оладьи с повидлом, жареный картофель, пюре с огурцами, жареная рыба с гарниром, кукурузная каша, пшеничная каша с молоком, яичница, омлет и другие. Вместе с тем, качество и ассортимент выпускаемых предприятиями общественного питания продуктов продолжали оставаться неудовлетворительными, ввиду отсутствия

в достаточном количестве основных видов продукции: жиров, мяса, овощей, картофеля и других [4, л. 11].

По данным З.Р. Кочкаровой, в 1944 г. на Кубани «для увеличения товарных ресурсов и поддержания собственных предприятий общественного питания кооператоры содержали 2 700 га посевов, свыше 2 000 голов крупного рогатого скота, свиней, коз и овец, около 3 000 голов птицы, более 700 ульев пчел, вылавливали ежегодно 280–300 тонн рыбы» [7, с. 60]. Однако этого было недостаточно для существенного увеличения продуктов в системе общественного питания.

В 1944 г. в системе потребкооперации заметно выросли объемы заготовок сельхозпродуктов и сырья. План заготовительного оборота в целом был выполнен на 105 %, при этом наиболее высокие показатели были достигнуты в заготовках лома черных и цветных металлов, где выполнение плана составило соответственно 186,2 % и 250 %. В то же время план по заготовке пушнины был выполнен на 48,5 %, плодов и ягод на 56 %. Наряду с недостатками в организации заготовок невыполнение плана по этим видам объяснялось объективными причинами. Так, низкие показатели заготовки пушнины были связаны с необеспеченностью охотников боеприпасами, а заготовок плодов и ягод с неурожаем [4, л. 16].

В победном 1945 г. потребкооперация Краснодарского края сумела добиться очередных положительных результатов в хозяйственной деятельности. Были выполнены на 110,8 % годовые планы розничного товарооборота, на 112 % общественного питания. Выполнение плановых показателей произошло также по закупкам шерсти, заготовкам мехсырья, свиного кожсырья, резины и меда. Вместе с тем, в работе потребкооперации оставались серьезные недостатки. К ним относились слабая вовлеченность в товарооборот товаров местного производства и недостаточные объемы децентрализованных закупок. По-прежнему не был обеспечен в период сельхозработ завоз товаров производственного назначения, таких как хозяйственные веревки, колесная мазь, лопаты, конные подковы и других. Не была приведена в надлежащее состояние торговая сеть и во многих сельских населенных пунктах не были открыты магазины и лавки потребкооперации [6, л. 86–87].

Увеличению объемов производства товаров широкого потребления на многих предприятиях потребительской кооперации мешало слабое использование местных природных ресурсов и вторсырья, недостаточный уровень трудовой дисциплины и ответственности при выполнении производственных планов. Указанные недостатки сохранились и в послевоенные годы, что потребовало дополнительных усилий по их преодолению.

Таким образом, в 1943–1945 гг. потребительская кооперация внесла большой вклад в восстановление хозяйства Краснодарского края. Благодаря принимаемым мерам со стороны руководящих органов и напряженному труду работников потребкооперации удалось в короткий срок организовать снабжение продовольственными и промышленными товарами значительной

части населения края, наращивать объемы производства собственной продукции, расширять масштабы торговой и заготовительной деятельности. Тем самым потребительская кооперация способствовала подъему экономики Краснодарского края и решению проблем жизнеобеспечения населения в условиях военного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахнина, Т. Н. Кооперация Курского края в Великой Отечественной войне / Т. Н. Вахнина. – Текст : непосредственный // Духовно-нравственные ценности в культурно-образовательном пространстве общества : материалы XVI–XVII Международных научно-образовательных Знаменских чтений. – Курск : Курский институт кооперации, 2021. – С. 21–26.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 1. – Текст : непосредственный.
3. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 16. – Текст : непосредственный.
4. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 18. – Текст : непосредственный.
5. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 90. – Текст : непосредственный.
6. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 104. – Текст : непосредственный.
7. Кочкарова, З. Р. Из истории деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя) / З. Р. Кочкарова. – Текст : непосредственный // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 4. – С. 58–62.
8. Лысенко, И. А. Некоторые формы и методы работы потребительской кооперации в условиях Великой Отечественной войны / И. А. Лысенко. – Текст : непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2012. – № 2. – С. 79–84.

REFERENCES

1. Vakhnina T.N. Kooperatsiya Kurskogo kraya v Velikoy Otechestvennoy voyne [Cooperation of the Kursk region in the Great Patriotic War]. *Dukhovno-nravstvennye tsennosti v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve obshchestva. Materialy XVI–XVII mezhdunarodnykh nauchno-obrazovatel'nykh Znamenskikh chteniy = Spiritual and Moral Values in the Cultural and Educational Space of Society. Materials of the XVI–XVII International Scientific and Educational Znamensky Readings*, Kursk, 2021, pp. 21–26. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Krai]. (Hereinafter SAKK [GAKK]). Fund P-1665, inventory 1, case 1.
3. SAKK [GAKK]. Fund P-1665, inventory 1, case 16.
4. SAKK [GAKK]. Fund P-1665, inventory 1, case 18.
5. SAKK [GAKK]. Fund P-1665, inventory 1, case 90.
6. SAKK [GAKK]. Fund P-1665, inventory 1, case 104.
7. Kochkarova Z. R. Iz istorii deyatelnosti potrebitelskoy kooperatsii v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny (na materialakh Dona, Kubani i Stavropolya) [From the history of consumer cooperation during the Great Patriotic War (on the materials of the Don, Kuban and Stavropol)]. *Nauchnye problem gumanitarnykh issledovaniy = Scientific Problems of Humanitarian Research*, 2009, No. 4, pp. 58–62. (In Russian).

8. Lysenko I. A. Nekotorye formy i metody raboty potrebitelskoy kooperatsii v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy Voyny [Some forms and methods of work of consumer cooperation in the conditions of the Great Patriotic War]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal = Fundamental and Applied Research of the Cooperative Sector of Economy. Scientific and Theoretical Journal*, 2012, No. 2, pp. 79–84. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Месропян, А. Э. Участие потребительской кооперации в восстановлении хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. / А. Э. Месропян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 139–147.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Mesropyan A. E. The Participation of Consumer Cooperation Economic Recovery of Краснодар Krai in 1943–1945 / A. E. Mesropyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 139–147. (In Russian).

УДК 9 (С16)

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕАТРОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

CREATIVE ACTIVITY OF THE THEATERS OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.A. Panarin, E.V. Panarina

Аннотация. В статье рассматривается творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Отмечаются основные направления перестройки в работе театров в условиях военного времени. Раскрываются формы и методы военно-патриотического воспитания населения, включающие как соответствующий репертуар постановок, так и другие мероприятия, проводимые театральными артистами. Уделяется внимание военно-шефской работе, в рамках которой творческие коллективы театров выступали в госпиталях, мобилизационных пунктах и в воинских частях. Анализируется процесс восстановления театров после освобождения территории Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков, освещаются принимаемые центральными и местными органами меры по укреплению материальной базы и решению кадровой проблемы. Приводятся примеры активной деятельности театров в 1943–1945 гг., связанные с расширением репертуара, увеличением количества проводимых спектаклей и расширением зрительской аудитории. Дается оценка их роли в духовной мобилизации советских воинов и тружеников тыла, а также в сохранении и повышении культурного уровня населения Северного Кавказа.

Abstract. The article examines the creative activity of the theaters of the North Caucasus during the Great Patriotic War. The main directions of restructuring the work of the theaters in military time are noted. The forms and methods of military-patriotic education of the population are revealed including both the appropriate repertoire of productions and other events conducted by theater artists. Attention is paid to military patronage work, in which creative teams of teachers performed in hospitals, mobilization points and in military units. The process of restoration of theaters after liberation of the territory of the North Caucasus from the Nazi invaders is analyzed, measures taken by central and local authorities to strengthen the material base and solve the personnel problem are highlighted. Examples of activities of the theaters in 1943–1945 associated with the expansion of the repertoire, the increase in the number of performances and the expansion of the audience are given. An assessment of their role in the spiritual mobilization of Soviet soldiers and home front workers as well as in preserving and improving the cultural level of the population of the North Caucasus is given.

Ключевые слова: театры, артисты, зрители, спектакли, военно-патриотическое воспитание, военно-шефская работа, Великая Отечественная война, Северный Кавказ.

Keywords: theaters, artists, spectators, performances, military-patriotic education, military-patronage work, the Great Patriotic War, the North Caucasus.

После нападения фашистской Германии все ресурсы Советского Союза были задействованы на борьбу с агрессором. Наряду с массовым призывом граждан на фронт и широким участием населения в производственном процессе, большую роль в духовной мобилизации советского народа сыграли деятели искусства, в том числе артисты театра. Следует отметить, что в предвоенное время сеть театров в стране значительно расширилась. Количество театров с 1914 г. по 1941 г. увеличилось со 177 до 908, в том числе на территории РСФСР со 106 до 465 [10, с. 12–13]. На Северном Кавказе к началу войны было 35 театров [14, с. 320].

Деятельность театров способствовала приобщению народных масс к ценностям мировой и отечественной культуры, повышению культурного уровня населения. Это обстоятельство способствовало успешной работе театров в годы войны, с учетом подготовленности массового зрителя к особенностям восприятия театральных постановок. С точки зрения выступлений самих театральных артистов наибольшее воздействие на зрителей оказывали те из них, популярность которых проявилась еще в довоенное время.

С началом войны в деятельности театров, как и в других учреждений культуры, происходила существенная перестройка. Главное ее содержание составляло усиление военно-патриотического воспитания советских граждан и мобилизация духовного потенциала общества для достижения победы. 13 июля 1941 г. в письме председателя Комитета по делам искусств при Совнаркомом СССР М.Б. Храпченко ко всем республиканским, краевым, областным и местным комитетам были отмечены основные направления перестройки работы учреждений искусства: использование патриотического репертуара, широкое развитие концертной деятельности в частях Красной Армии, на мобилизационных пунктах и среди населения [21, с. 357].

В свою очередь местные партийные и советские органы Северного Кавказа непосредственно руководили осуществляемой в учреждениях культуры перестройкой в работе. Например, 27 июня 1941 г. Ростовский горком ВКП(б) обязал при проведении зрелищных мероприятий «обеспечить в массах высокое чувство патриотизма и ненависти к кровавой клике путем соответствующего подбора картин и спектаклей...» [23, с. 5–5 об.].

Военно-патриотическое воспитание включало пропаганду справедливого характера войны со стороны СССР, укрепление дружбы народов, формирование готовности к защите своей Родины, проявлениям героизма и самоотверженности советских людей на фронте и в тылу. В этих целях коллективы театров не только проводили традиционные для них спектакли, но также использовали различные средства наглядной агитации, размещая стенные газеты и боевые листки, организуя выставки, посвященные доблести и героизму советских воинов. Так, в феврале 1942 г. в фойе Армавирского драматического театра были организованы «Окно сатиры ТАСС» и выставка портретов героев Великой Отечественной войны [1].

В целях оказания помощи фронту коллективы театров активно включились в военно-шефскую работу. Распространенными формами такой работы являлись фронтовые театры и фронтовые бригады, которые предназначались для выступлений в воинских частях. Как отмечает Смирнова, «очень многие артисты в годы войны выступали перед бойцами, подчас на передовой. Для обслуживания нужд фронта создавались фронтовые театры (к 1944 г. их было 25) и концертные бригады (около 400) [20, с. 109].

Подобные формы использовались и творческими коллективами Северного Кавказа. Так, в начале 1942 г. государственная филармония на Кавминводах создала две фронтовые бригады. Их программа, как правило, включала различные жанры по принципу сборного концерта: наряду с отрывками и монологами из драматических произведений были музыкальные номера, выступления артистов цирка, исполнения национальных песен и танцев [7, с. 278].

В Краснодарском крае уже в начале войны было сформировано три фронтовые бригады. В первой половине 1942 г. действовало уже восемь фронтовых бригад, которые проводили дни и месячники культурного отдыха раненных бойцов и командиров. Кроме госпиталей, фронтовые бригады выступали на мобилизационных пунктах, на различных оборонных объектах, вызывая многочисленные положительные отклики зрителей. Это достигалось путем использования артистами особых эмоциональных средств воздействия на зрителей, которые способствовали укреплению боевого духа, оптимизма и веры в победу [5, с. 127].

Несмотря на призыв многих артистов на фронт, творческие коллективы театров стремились максимально использовать имеющийся потенциал для продолжения своей деятельности. Например, как отмечает М.К. Шакова, в Кабардино-Балкарском государственном драматическом театре, «поделившись на две группы, оставшиеся актеры подготовили более двадцати одноактных пьес и концертных программ, которые демонстрировали не только жителям Нальчика, но и во всех населенных пунктах республики, раненым бойцам, которые находились на лечении в госпитале» [25, с. 211].

В Ростовской области творческие работники за первые полгода войны в рамках военно-шефской работы провели около 2 тыс. концертов и спектаклей [12]. В том числе Ростовский театр музыкальной комедии в августе 1941 г. выступил перед горняками г. Шахты. Была поставлена антифашистская оперетта-памфлет «Величество поневоле» и советская музыкальная комедия «Искатели сокровищ» [11].

Летом 1942 г., в условиях происходившего в южном направлении наступления врага, коллектив Северо-Осетинского драмтеатра осуществил гастроли по различным районам республики, в ходе которых провел 42 спектакля-концерта. В программе были антифашистские одноактные пьесы, художественное чтение, национальные танцы и выступления музыкантов [19, с. 198].

Несмотря на большое количество выездных мероприятий, творческие коллективы театров Северного Кавказа продолжали проводить спектакли

непосредственно в местах своего расположения. В репертуаре драматических театров наибольшее внимание уделялось постановкам патриотического характера, в том числе отражающих героическое прошлое русского народа. Например, осенний сезон 1941 г. Краснодарский драматический театр встретил постановкой пьесы «Полководец Суворов» [4, с. 589]. В Армавирском драматическом театре в начале 1942 г. были поставлены спектакли «Батый идет на восток» и «Петр I и Алексей», повествующие о героических и переломных событиях в истории России [2].

В целом, в условиях войны происходит активизация деятельности театральных работников Северного Кавказа, направленная на оказание помощи фронту, укрепление морального духа бойцов и населения. Так, по сведениям Н.А. Чугунцовой, «за первый год войны театры Дагестана посетило 320 000 зрителей; деятели искусства Северной Осетии провели 5 515 шефских мероприятия, Чечено-Ингушские – 755 концертов (более 220 000 слушателей) [24, с. 27–28].

Вследствие наступления немецко-фашистских войск летом 1942 г. и оккупации большей территории Северного Кавказа деятельность театров здесь фактически прекратилась. Вместе с тем, в районах, не подвергшихся оккупации, работали не только местные, но и эвакуированные театры. Например, эвакуированный в Сочи коллектив Краснодарского драматического театра осуществил на сцене Сочинского государственного театра постановки спектакля «Синий платочек» В. Катаева, популярной комедии В. Шкваркина «Чужой ребенок», а также спектакля «Русские люди» К. Симонова, в котором раскрывалось мужество и героизм советских воинов [9, с. 337].

После освобождения территории Северного Кавказа деятельность театров возобновилась в местах их прежнего нахождения. Этот процесс проходил в сложных условиях, вызванных последствиями вражеской оккупации. Здания многих театров были разрушены или нуждались в капитальном ремонте. В распоряжении творческих коллективов оставалось минимальное количество сценических костюмов и реквизитов.

Учитывая важную роль театров в культурной жизни и духовной мобилизации советского народа, со стороны центральных и местных органов принимались меры по восстановлению их деятельности. Большое значение в организации этой работы имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором были поставлены задачи восстановления экономики и социальной сферы [15, с. 427–465].

Конкретизируя меры по выполнению данного постановления, Краснодарский крайком ВКП(б) 29 августа 1943 г. обязал местные органы в месячный срок восстановить работу учреждений культуры, обеспечив их необходимыми кадрами и материалами. В том числе было принято решение закончить формирование краевого театра и укомплектовать его высококвалифицированным художественно-творческим составом [17, л. 132–135]. Подобного рода постановления были приняты в Ставропольском крае, в других областях и республиках Северного Кавказа.

Со стороны советского правительства были направлены финансовые средства на восстановление материально-технической базы учреждений культуры Северного Кавказа, однако их объем был недостаточен для преодоления причиненного оккупантами ущерба. О несоответствии выделяемых средств потребностям учреждений культуры свидетельствуют обращения региональных органов в вышестоящие инстанции.

Например, бюро обкома ВКП(б) Северо-Осетинской АССР в ноябре 1944 г. обратилось с просьбой в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой отпустить в целях дальнейшего развития в республике просвещения, искусства, литературы и науки дополнительно к бюджетным ассигнованиям в 1945 г. – 25432,4 тыс. руб., а также выделить для восстановления зданий учреждений культуры значительного количества стройматериалов. Помимо этого, партийное руководство республики просило выделить специальные фонды для обеспечения пяти театров реквизитом, костюмами и постановочными материалами [19, с. 405].

Кроме выделяемых государственных средств большое значение в восстановлении материальной базы театров имела помощь оказываемая предприятиями местной промышленности и артелями промысловой кооперации, которые участвовали в ремонте помещений, изготавливали необходимое для постановок спектаклей оборудование и материалы. Непосредственное участие в восстановлении работы театров принимали и сами артисты. В условиях ограниченности выделяемых средств многие театры переводились на хозяйственный расчет. Например, в мае 1943 г. Ростовский облисполком принял решение организовать на хозрасчетных началах Новочеркасский драмтеатр [3, л. 133].

Одной из серьезных проблем в период восстановления деятельности театров стала острая нехватка кадров. Обострение этой проблемы было связано с уничтожением ряда артистов фашистами, эвакуацией многих из них за пределы Северного Кавказа. В связи с этим, принимались меры по возвращению артистов на прежнее место работы. Для решения кадровой проблемы в местные театры привлекались артисты из других регионов страны. Например, в феврале 1943 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) решил обратиться для решения этой проблемы во Всесоюзный комитет по делам искусств, а также пригласить артистов из других регионов страны. Кроме того, было признано необходимым организовать отбор молодых талантов в самой республике и направлять их на работу в творческие коллективы [16, л. 66].

В целях улучшения материального положения работников культуры в июне 1944 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о повышении заработной платы сотрудникам культурно-просветительных учреждений [10, с. 21]. Дополнительные меры в оказании материальной помощи артистам были приняты местными органами. Так, в августе 1943 г. Адыгейский обком ВКП(б) дал поручение областному торговому отделу обеспечить бесперебойное снабжение актеров республиканского театра питанием и выделить для них отдельный зал в городской столовой [18, л. 7 об.].

Принятые центральными и местными органами меры позволили ослабить кадровую проблему, однако в большинстве театров до конца войны и после ее окончания штаты артистов были заполнены не полностью и в их составе преобладали молодые артисты, не обладающие достаточной подготовкой.

В таких сложных условиях творческим коллективам театров пришлось решать возложенные на них задачи военно-патриотического воспитания советских граждан, посредством воздействия проводимых спектаклей и других мероприятий. Со стороны центральных и местных партийных органов осуществлялся строгий контроль за состоянием политико-воспитательной и культурно-просветительной работы в освобожденных районах. Это было связано со стремлением сталинского руководства преодолеть последствия фашистской пропаганды и восстановить в сознании людей, оказавшихся на оккупированной территории, прежние идеологические установки.

Вместе с тем, по мере приближения победы в деятельности театров стало усиливаться общекультурное направление, что проявилось в большем внимании к произведениям зарубежной и отечественной классики, а также к постановкам развлекательного характера. С помощью этого театры, с одной стороны, способствовали повышению культурного уровня населения Северного Кавказа, с другой стороны, обеспечивали эмоциональную разрядку в тяжелых условиях военного времени.

Как и до оккупации, в деятельности театров большое внимание уделялось военно-шефской работе, а также культурному обслуживанию труженников тыла. Уже летом 1943 г., при почти полном отсутствии материальных возможностей коллективы театров осуществляли выезды в воинские части, а также в колхозы, в которых проходила уборочная кампания. Например, в сельские районы Краснодарского края неоднократно выезжали творческие группы краевого театра имени Горького. Несмотря на объективные трудности, они сумели провести 800 концертов и 25 спектаклей [8, с. 416]. Большой объем работы проводили театральные работники Ставропольского края. Так, только за 1943 г. театры Ставрополя провели 996 спектаклей при установленном плане 311, обслужив при этом 260 тыс. зрителей [9, с. 337].

К весне 1944 г. была восстановлена деятельность большинства театров Северного Кавказа. Зрители вновь получили возможность посещать спектакли и получать духовное удовлетворение от произведений театрального искусства и игры актеров. Например, в репертуаре республиканского кабардинского театра были такие классические постановки, как «Каншауби и Гошага» Кардангушева, «Лекарь поневоле» Мольера, а также спектакли патриотического характера «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского, «Жди меня» К. Симонова и другие [6].

Кроме того, местными драматургами были подготовлены пьесы, посвященные героизму советских воинов в боях против немецко-фашистских захватчиков. Среди них пьесы З. Аскирова «На восходе солнца», Х. Теунова «Испытание», М. Тубаева «Парень из Кабарды». «Примечательно, –

как отмечает М.К. Шакова, – что пьеса М. Тубаева была задумана драматургом на фронте. Вынашивалась долго под Москвой и Львовом, на Эльбе и под Берлином, дописывалась в Харбине и Порт-Артуре, была закончена лишь дома, в Нальчике» [25, с. 212]. Всего с момента окончания оккупации кабардинский театр провел 105 концертов, обслужив 31 500 человек, а театр русской драмы соответственно – 32 спектакля и 7 тыс. человек [22].

Культурную жизнь населения освобожденных районов оживляло также сотрудничество между различными творческими объединениями страны. Коллективы знаменитых московских театров неоднократно приезжали с гастролями в города и районы региона. Так, в июле 1944 г. с большим успехом в г. Ростове-на-Дону прошли концерты артистов Государственного академического Малого театра. В программе концертов были сцены из комедий Гоголя «Ревизор», Грибоедова «Горе от ума», Островского «На всякого мудреца довольно простоты» и другие [13]. К концу войны эти творческие контакты приобрели регулярный характер, что способствовало повышению профессионального мастерства артистов Северного Кавказа.

Таким образом, несмотря на ограниченность материальных возможностей, театры Северного Кавказа вели активную работу по военно-патриотическому воспитанию советских людей, способствуя тем самым достижению победы. Театральные артисты своим творчеством вдохновляли воинов на ратные подвиги, а тружеников тыла на самоотверженный труд и оказание максимальной помощи фронту. Кроме того, деятельность театров в годы войны имела большое значение для сохранения и повышения культурного уровня населения Северного Кавказа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армавирская коммуна. – 1942. – 20 февраля. – Текст : непосредственный.
2. Большевик. – 1942. – 12 февраля. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 439. – Текст : непосредственный.
4. Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993] : материалы к летописи. – Краснодар : Книжное издательство, 1993. – 798 с. – Текст : непосредственный.
5. История Кубани. XX век : очерки / под общ. ред. В. Е. Щетнева. – Краснодар : Перспективы образования, 1998. – 224 с. – Текст : непосредственный.
6. Кабардинская правда. – 1944. – 18 февраля. – Текст : непосредственный.
7. Кругов, А. И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – XX век) / А. И. Кругов. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 352 с. – Текст : непосредственный.
8. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий : в 3 кн. Кн. 2. Ч. 1: Хроника событий. 1943 год. – Краснодар : Советская Кубань, 2003. – 896 с. – Текст : непосредственный.
9. Кулик, Т. И. В едином строю с защитниками Родины / Т. И. Кулик. – Текст : непосредственный // Народный подвиг в битве за Кавказ : сборник статей / под ред. Г. А. Куманева. – М. : Наука, 1981. – С. 336–341.

10. Максакова, Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Максакова. – М. : Наука, 1977. – 343 с. – Текст : непосредственный.
11. Молот. – 1941. – 4 сентября. – Текст : непосредственный.
12. Молот. – 1942. – 8 февраля. – Текст : непосредственный.
13. Молот. – 1944. – 30 июля. – Текст : непосредственный.
14. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет : статистический ежегодник. – М. : Статистика, 1977. – 366 с. – Текст : непосредственный.
15. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации : постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. – Текст : непосредственный // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. Т. 7 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политическая литература, 1985. – С. 427–465.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 476. – Текст : непосредственный.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 976. – Текст : непосредственный.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 989. – Текст : непосредственный.
19. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. – Орджоникидзе, 1968. – С. 198. – Текст : непосредственный.
20. Смирнова, А. А. Культура Страны Советов : учебное пособие по курсу «Русская культура XX в.» / А. А. Смирнова. – СПб. : СПбГИК, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.
21. Советский тыл в первый период войны / отв. ред. Г. А. Куманев. – М. : Наука, 1988. – 424 с. – Текст : непосредственный.
22. Социалистическая Кабардино-Балкария. – 1944. – 15 марта. – Текст : непосредственный.
23. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 13. Оп. 2. Д. 746. – Текст : непосредственный.
24. Чугунцова, Н. А. Культурно-просветительные учреждения Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Чугунцова. – Текст : непосредственный // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 3. – С. 25–28.
25. Шакова, М. К. Деятели литературы и искусства Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (на материале фондовой коллекции Мемориального музея-квартиры А.А. Шогенцукова) / М. К. Шакова. – Текст : непосредственный // Единство народов Северного Кавказа – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (К 70-летию Великой Победы) : сборник статей. – Нальчик : Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2015. – С. 207–216.

REFERENCES

1. *Armavirskaya kommuna* [Armavir Commune]. 1942, 20 February.
2. *Bol'shevik*. 1942, 12 February.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti* [State Archive of Rostov Oblast]. Fund P-3737, inventory 2, case 439.
4. *Ekaterinodar–Krasnodar: Dva veka goroda v datah, sobytiyah, vospominaniyah [1793–1993]: Materialy k letopisi* [Ekaterinodar–Krasnodar: Two Centuries of the City in Dates, Events, Commemorations [1793–1993]: Materials for the Chronicle]. Krasnodar, Book Publishing, 1993. 798 p.

5. *Istoriya Kubani. XX vek: Ocherki* [The History of Kuban, XX century: Essays]. Ed. by V.E. Shchetneva. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya, 1998. 224 p.
6. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. 1944, 18 February.
7. Krugov A. I. *Stavropolskiy kray v istorii Rossii (konets XVIII – XX vek)* [Stavropol Krai in the History of Russia (the End of the XVIII – XX Century)]. Stavropol, Stavropolservisshkola, 2001. 352 p.
8. *Kuban v gody Velikoy Otechestvennoj vojny. 1941–1945. Rassekrechennye dokumenty. Hronika sobytii* [Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945. Declassified Documents. Chronicle of Events]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban, 2003, Book 2, part 1. 896 p.
9. Kulik T. I. V edinom stroyu s zashchitnikami Rodiny [In a single formation with the defenders of the Motherland]. *Narodnyy podvig v bitve za Kavkaz: Sbornik statey = People's Feat in the Battle for the Caucasus: Collection of Articles*. M., Nauka, 1981, pp. 336–341. (In Russian).
10. Maksakova L. V. *Kultura Sovetskoj Rossii v gody Velikoy Otechestvennoj vojny* [Culture of Soviet Russia during the Great Patriotic War]. M., Nauka, 1977. 343 p.
11. *Molot* [Hammer]. 1941, 4 September.
12. *Molot* [Hammer]. 1942, 8 February.
13. *Molot* [Hammer]. 1944, 30 July.
14. *Narodnoe hozhaystvo RSFSR za 60 let: Statisticheskij ezhegodnik* [The National Economy of the RSFSR for 60 Years: Statistical Yearbook]. M., Statistika, 1977. 366 p.
15. O neotlozhnykh merakh po vosstanovleniyu hozhaystva v rayonakh, osvobodzhennykh ot nemeckoy okkupacii: postanovlenie Sovnarkoma SSSR i CK VKP (b) ot 21 avgusta 1943 g. [On urgent measures to restore the economy in areas liberated from German occupation: resolution of the USSR Council of People's Commissars and the Central Committee of the CPSU (b) of August 21, 1943]. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferenciy i Plenumov CK (1898–1988) = CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*. Ed. by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. M., Politicheskaya literatura, 1985, vol. 7, pp. 427–465. (In Russian).
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv socialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social Political History] (here in after *RGASPI* [RSASPH]). Fund 17, inventory 43, case 476.
17. *RGASPI* [RSASPH]. Fund 17, inventory 43, case 976.
18. *RGASPI* [RSASPH]. Fund 17, inventory 43, case 989.
19. *Severo-Osetinskaya partiynaya organizatsiya v gody Velikoy Otechestvennoj vojny* [North Ossetian Party Organization during the Great Patriotic War]. Ordzhonikidze, 1968, p. 198.
20. Smirnova A. A. *Kultura Strany Sovetov: uchebnoe posobie po kursu "Russkaya kul'tura XX v."* [Culture of the Soviet Country: a Textbook for the Course "Russian Culture of the XX Century"]. SPb, SPbSIC, 2018. 288 p.
21. *Sovetskiy tyl v pervyy period vojny* [The Soviet Rear in the First Period of the War]. Ed. by G. A. Kumanev. M., Nauka, 1988. 424 p.
22. *Socialisticheskaya Kabardino-Balkariya* [Socialist Kabardino-Balkaria]. 1944, 15 March.
23. *Centr dokumentacii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast]. Fund 13, inventory 2, case 746.

24. Chuguntsova N. A. Kulturno-prosvetitelnye uchrezhdeniya Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Cultural and Educational Institutions of the North Caucasus during the Great Patriotic War]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii = Cultural Life of the South of Russia*, 2013, No. 3, pp. 25–28. (In Russian).

25. Shakova M. K. Deyateli literatury i iskusstva Kabardino-Balkarii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materiale fondovoy kolleksii Memorialnogo muzeya-kvartiry A.A. Shogentsukova) [Literary and art figures of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (based on the stock collection of the Memorial Museum-apartment of A.A. Shogentsukov)]. *Edinstvo narodov Severnogo Kavkaza – vazhneyshiy faktor pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. (K 70-letiyu Velikoj Pobedy). Sbornik statey = The Unity of the Peoples of the North Caucasus is the Most Important Factor in the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (to the 70th Anniversary of the Great Victory). A Collection of Articles*. Nalchik, Publishing Department of Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research, 2015, pp. 207–216. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарин, А. А. Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / А. А. Панарин, Е. В. Панарина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 148–157.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarin A. A., Panarina E. V. Creative Activity of the Theaters of the North Caucasus During the Great Patriotic War / A. A. Panarin, E. V. Panarina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 148–157. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 130.3:316.7

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ**

М.А. Губанова

**SOCIO-CULTURAL METHODOLOGY OF RESEARCH
OF NATIONAL VALUES IN RUSSIA**

M.A. Gubanova

Аннотация. Рассмотрена методология исследования таких комплиментарных и реципрокных социальных процессов как формообразование и формализация общественной культуры, а также показано применение данной методологии для исследования национальных ценностей России. В предлагаемой методологии используется также принцип историзма, позволяющий конкретизировать социокультурный подход. Выделена системообразующая роль ценностей книжной культуры и рассмотрена противоречивость ценностей русского человека. Автор делает вывод о том, что полученные результаты могут быть использованы для исследования сложной современной проблемы идентичности индивидуальных и социальных субъектов в России, проблемы межкультурной коммуникации и других проблем.

Abstract. The methodology for studying such complementary and reciprocal social processes as the formation and formalization of social culture is considered; the application of this methodology to the study of national values in Russia is shown. The proposed methodology also uses the principle of historicism which makes it possible to concretize the sociocultural approach. The system-forming role of the values of book culture is singled out and the contradictory nature of the values of the Russian person is considered. The author concludes that the results obtained can be used to study the complex modern problem of the identity of individual and social subjects in Russia, the problem of intercultural communication and other problems.

Ключевые слова: российское общество, форма, формообразование, Россия, национальные ценности, культура, русский человек.

Keywords: Russian society, form, shaping, Russia, national values, culture, a Russian person.

Актуальность темы национальных ценностей России вызвана многообразием различных причин, в частности, необходимостью диалога различных культур, в котором возникает лучшее взаимопонимание стран и народов, уважение к их идентичности. Особую значимость и востребованность приобретает решение проблемы общественных ценностей в многонациональной

России с ее информационными процессами, которые существенно меняют социальные формы и традиционные культурные формообразования, формализуют культуру и ее ценности. В процессах глобализации должна быть учтена сопряженная с глобализацией тенденция локализации, т. е. оправданное стремление к сохранению традиционных национальных ценностей. Столкновение этнических ценностей тем опаснее, чем шире конфликт. С. Хантингтон по-своему прав, утверждая, что конфликты культур и цивилизаций обусловлены не только экономическими или социально-политическими причинами, но и культурными различиями и особенностями ценностей [16]. Конфликты цивилизаций, полагает Хантингтон, вызваны преимущественно различием ценностей мировых религий. Географическое соседство цивилизаций с различными ценностями и культурами приводит к различного рода конфликтам. Серьезные конфликты, вплоть до вооруженных столкновений, возникают именно на стыке цивилизаций, например, христианской и мусульманской. Более того, возможно прогнозирование конфликтов, исходя из логики ценностного взаимодействия цивилизаций.

Цель статьи: на основе обобщения теоретико-методологических положений предложить концептуальную схему рассмотрения российских ценностей в аспекте методологии исследования социокультурных формообразований.

Отметим, что значимые в данном контексте теоретико-методологические положения высказаны такими отечественными авторами, как Н.А. Бердяев [2, с. 17–19], Л.Н. Лебедева [6, с. 53–60], Н.О. Лосский [8, 149–150], Ю.М. Лотман [9], Н.К. Матросова [11, с. 38–41], А.Я. Флиер и другими [3; 13; 14; 15]. Так, вовсе не устарели положения, которые высказывали русские философы, хотя реалии информационного общества вносят в них некоторые коррективы.

Из зарубежных исследователей весьма значимы труды Г. Зиммель [5]. Э. Кассирера [4], М. Маклюэна [10], А. Моля [12], О. Шпенглера и некоторых других [16]. Так, например, в работе «Закат Европы» О. Шпенглер, отмечая сложность понятия формы при рассмотрении культурно-исторической действительности, указывает на ее потаенность, на то, что в истории встречаются лишь отдельные формы истории, но недоступна как раз «сама форма, точная копия нашей внутренней жизни» [16, с. 175]. Применительно к анализу ценностей российского общества это означает необходимость обращения к душе народа, к национальному характеру русского человека, скрывающегося в неовеществляемой субъективности архетипические первообразы личностных смыслов и общественных ценностей.

Следует оговориться, что в частных науках процессы культурного формообразования исследуются в визуальном, вещественно-материальном виде. Например, анализируются такие феномены как региональная специфика архитектуры, европейского костюма и т. д. При этом аспекте рассмотрения основное внимание направлено пространственное измерение формообразующих факторов и элементов. Однако наш подход дает возможность пойти принципиально

иным путем: обобщенно исследовать духовные формообразования в ценностном аспекте, на уровне национальной жизни духа народа, выделяя временные, темпоральные особенности социокультурных процессов и их результатов. В виде формообразующих факторов и элементов в этом случае выступают смыслы и ценности, различные типы социокультурной информации.

Своеобразие выдвигаемой концептуальной идеи состоит в том, что явно различаются понятия «форма» и «формообразование» в культуре. Культурное формообразование представляет собой процесс социокультурного и социально-исторического творчества и одновременно результат данного процесса – произведенные формы человеческой субъектности, системы ценностей, дающие основу для самоидентификации социальных субъектов. В данной концептуальной идее синтезируются историко-культурологический и философско-методологический подходы, которые дают возможность адекватным понимание культурогенез духовных формообразований.

Российские формообразования культуры отличаются духовностью, многомерностью, синтезом материального и духовного в человеческой субъективности. Динамичность российских культурных формообразований связана с экзистенциальной ментальностью, моралью и религиозным характером основных ценностей. Аналитическая дифференциация типичных черт национальных ценностей как духовных формообразований традиционных ценностей русской культуры позволяет выделить целый спектр взаимосвязанных формообразований духовности: картины мира; мораль, художественное творчество, искусство, нравственность; книга, храм, фольклор и т. д. Выделим ценность книги и слова (устного и печатного). Именно книга традиционно связывает самые крупные такие духовные формообразования, как искусство, миф, религия, мораль

Книга – базисное культурное формообразование для российской жизни. Понимание книги как феномена культуры – это необходимое, но еще недостаточное условие для понимания ее творческой природы. Книговедение изучает материальную сторону феномена книги. История культуры рассматривает трансформацию функций книги в процессе исторического филогенеза. Благодаря теории коммуникации оказывается возможным выявить те свойства книги, которые не сводятся к ее вещественным параметрам, к материальной форме. Книга предстает в форме глиняной табличке, плитке, свитка папируса, пергамент, скрепленным листам бумаги, микрофильму, компьютерному диску или визуальному гипертексту. В аспекте теории трансляции социальной информации уже явно и ясно проявляется интерес к идеальным смыслам книги как фактора формирования человеческой личности и субъектов больших культурных формообразований.

Социокультурный подходы помогает понять феномен книги как социокультурное формообразование, раскрывающее ценность творческой индивидуальности человека. Книга показывает подлинный смысл как способ духовного развития и саморазвития личности.

Без книги не смогли бы появиться мировые религии. Если рассматривать знаково-символические предпосылки происхождения религии как относительно автономной формы общественного сознания, становится очевидным, что мировая религия не могла стать формой духовной культуры (или достоянием «общественного сознания») до возникновения письменности. Безусловно, нет, поскольку с появлением письма мир как бы «удваивается», образуется царства чистой мысли (логика и философия) и мир сверхъестественных сущностей. Миф является только устным рассказом, он непрочен, он не может быть использован для накопления больших, сверхиндивидуальных объемов информации. Национальные и мировые религии предполагают не только устную речь, а уже письменное закрепление ценностной информации. При этом происходит трансляция личностных сведений в практически неограниченных пространственно-временных масштабах всемирной истории, когда количественно увеличивается объем социальной памяти, и это количество переходит в новое социальное качество универсализма. Существование мировых религий было бы невозможно без Библии, Упанишад, Корана, Авесты, Трипитаки и других вероучительных текстов. Письменный текст превращается в программу деятельности миллионов людей.

Письменность не только закрепляет, но и упорядочивает движение религиозной и нравственной информации. Такая информация ценная для рассмотрения культурных формообразований своим особым источником. Таким источником становится не материальный мир, а идеальный, подлинно исторический субъективный мир, т. е. мир переживаний людей, который объективируется в форме «Слова», и становится основой для творчества следующего поколения.

Возникает книжная культура. Книжная культура – это культура, которая появляется на основе коммуникации посредством рукописных и затем печатных текстов. Она становится способом нового освоения мира, порождая линейное восприятие мира, теоретическое, рационалистическое мышление. Наиболее рельефно отразил, возможно, преувеличил, это определяющее влияние книги на общество, культуру и человека М. Маклюэн. В отношении искусства, в частности, литературы, это влияние конкретизировал А. Моля. У М. Маклюэна выражен факт технологичности социальной информации, которой определяет способы восприятия мира [10]. Ведущая идея М. Маклюэна – идея новой системности, целостности сознания как формы духовной культуры. Можно отметить идею внутреннего «информационного взрыва». У М. Маклюэна используются соотносительные термины «взрыв» (или «explosion») и «имплозия» («implosion», направленный внутрь сознания взрыв, или «схлопывание»). Ведущая идея Концепции А. Моля – мозаичная культура [12], образующаяся под влиянием СМИ.

Для Древней Руси объединяющим текстом культуры стала Библия, книга книг. Россия – страна традиционно книжной культуры. Для этой культуры характерно отношение «человек-вещь», но отсутствует самостоятельное отношение

объективного знания. Эта культура может быть охарактеризована как средневековая с ее символическим (семантическим) кодом [1, с. 114–158; 9, с. 402].

Для России Библия стала не только основой идеологии, объединяющей силы для становления новой государственности, но и одним из самых значимых культурных формообразований. Вполне понятны восторженные оценки Библии таких поэтов и писателей, как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский и другие. Однако эмоциональные высказывания писателей, поэтов, а также композиторов, архитекторов и художников не отменяют необходимости рациональной оценки и беспристрастного анализа. Действительно, роль Библии в мировоззрении и в таких сферах художественной культуры как литература, музыка, живопись, скульптура исключительно важна и широко известна.

Изучая эти древние религиозные тексты, мы вживаемся в мировоззрение и духовный мир древнего человека с его мудростью и наивностью, истиной и заблуждением, добротой и жестокостью, прекрасным и безобразным. Памятником литературы, искусства, культуры по праву называли и называют Библию писатели, ученые, философы. Библия не только замечательный литературный памятник, но и культурное формообразование, которое связано с жизнью, содержание которого подлежит научному исследованию. Культурологический подход к исследованию Библии вполне обоснован, его право на существование несомненно. Он заменил такой стереотипный для советского общества подход как вульгарный научно-классовый подход.

Процесс книгопечатания на Руси произвел переворот в восприятии человека и способов социальной организации. К XIX веку в России назрел культурный Ренессанс. Процесс книгопечатания привел к резкому росту анархизма и индивидуализма. Этот процесс противоречивый. Атомарный индивид – это особое культурное формообразование, внутренне связанное как раз с книжной культурой. Книгопечатание способствовало национальной обособленности как европейских государств, так и России.

На основе книжной культуры возник уникальный феномен России – интеллигенция. Писатель стал глашатаем истины, рупором Великой Правды жизни. Писатель (критик) берет на себя функции преобразователя жизни, революционера, вождя народа. Он становится кумиром, ему поклоняются, как царю и богу. В России сформировалась такая категория как интеллигентность, обладающая синтетическими характеристиками, объединяющая эмоциональное и рациональное, образное и абстрактное, научное и нравственное, теоретическое и практическое начало. Именно в России поэт – это больше, чем просто поэт, а писатель – больше, чем писатель. Они пророки, Учителя с большой буквы.

Поэт учит не только словом, но и молчанием. Прозаическая форма русской литературы, которая использовала слово как орудие социальных и культурных новаций и инноваций, впоследствии широко использовалась философами-экзистенциалистами (особенно А. Камю и Ж.П. Сартром). Уникальным же явлением является до сих пор масштаб философского осмысления действительности

в поэтической форме. Особое место занимает в русской литературы уникальный поэт-философ Ф.И. Тютчев. Глубоко религиозным в духе исихазма является его стихотворение о молчании «Silentium».

Молчание... Это не только паузы между словами, но и особое культурное формообразование. Деконструктивизм обнаружил значимость лакун в культурных текстах, например, перерывов в общении, незнания в процессе познания, небытия в развитии и т. д. Молчание (и его символические эквиваленты) – может выступать как нечто более значимое, чем сами конструкции, например, слова. Произведение искусства, а особенно художественная литературная форма, – это такой культурный текст, который с необходимостью имеет – и должен иметь – семиотические лакуны, «пустоты», которые нужны для восполнения их читателем, с помощью воображения, и тогда они образуют гармоничное целое. Автор и читатель являются сотворцами культурного формообразования. Творчество – это не только интерпретация готового текста автором, но и процесс понимания текста читателем.

Книжный характер культуры отражается во всех российских ценностях. Методологическая рефлексия обнаруживает при таком способе рассмотрения ряд противоречивых социально-исторических особенностей ценностных и нормативных систем, российских этосов: сакрализация и традиционализм политических систем власти; державную идеологию и идеологическую крипнормированность ценностей социальных субъектов; институциональную ангажированность православной культуры; панморализм и сопряженный с ним правовой нигилизм, традиционный патернализм в социальной и экономической сфере и т. д. В светском и научном мировоззрении этот книжный характер также выражается в своеобразной аксиологической форме.

Источник знания – природа. Ученые, по словам М.В. Ломоносова, этот видимый мир сделали *живой книгой*. Ломоносов отстаивает для науки независимое поле деятельности. Он утверждает, что природу нельзя противопоставить богу, бога – природе; научное знание – вере, веру – науке. «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой – свою волю. Первая – видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – священное писание» [7, с. 375].

Разумеется, следует поставить вопрос о том, могла ли играть ценность книги системообразующую роль в такой стране поголовной неграмотности как дореволюционная Россия? В этом отношении можно отметить, что слово из Библии в его устном виде доходило до сознания неграмотного крестьянина через обязательную воскресную церковную проповедь или чтение текста Священного писания грамотными людьми. С другой стороны, существовали и остатки дохристианских политеистических верований (так называемое «язычество»). Так сказать, устремленные в небо сакральные купола храмов отбрасывали на землю языческую тень; свет общественного сознания сопрягался

с темной бессознательного в национальной ментальности. В этом, кстати, открывает краешек тайны обаяние церкви Покрова на Нерли: она мила русскому сердцу близостью к природе, отражается в воде.

Амбивалентность национальных ценностей России подчеркивает ту крайнюю противоречивость и даже антиномичность природы русского человека, его национального характера, его души, что отмечали Н.А. Бердяев и Н.О. Лосский: в национальном характере уживаются анархизм и отрицание государственности, свобода и рабство; русский человек интернационалист и чужд национализма, но в то же время страдает сверхнационализмом в том смысле, что стремится к бескорыстному освобождению других народов [2, с. 17–19]. Отмечает Бердяев также слабость личностного начала и отсутствие рыцарских ценностей, мужественности.

Следует признать, что амбивалентность ценностей, дилемма светлой книжной цивилизованной культуры и культуры темной, «языческой» и визуально-инстинктивной привела к тому, что национальными ценностями стали многие маргинальные и антиномические феномены социальности: русский мат (нецензурные выражения), нигилизм (у интеллигентов) и хулиганство (у простых людей), лихое бунтарство и безграничная покорность, дерзкое испытание ценностей, экстремизм и терроризм, отсутствие дисциплины и самодисциплины и т. д. На наш взгляд, как раз слабость личностной автономии зеркально трансформируется в ценность хулиганства. Мы бы в этом отношении выделили именно хулиганство, поскольку Н.О. Лосский считал его наряду с нигилизмом как раз одной из основных черт национального характера русского человека, в которой выражаются другие его черты [8, с. 139, 147]. Интерес представляет итоговая оценка Лосским баланса положительных и отрицательных качеств русского человека. Признавая доминанту положительных цивилизационных ценностей, он полагает, что отрицательные качества выступают продолжением положительных ценностей. Например, поразительная доброта русского человека вовсе не исключает проявлений у него большой жестокости, когда он измучен нищетой и озлоблен [8, с. 150–151].

Отмечая, что в советском обществе книжный характер культуры не утратил своей значимости, хотя и священные тексты марксизма приобретали все большее многообразие интерпретаций, например, пролетарский интернационализм в ходе Великой Отечественной войны трансформировался в доктрину патриотизма, следует поставить следующий вопрос. Суть вопроса в том, утратила ли российская культура свой книжный характер; и этот вопрос в информационном обществе приобретает методологическую релевантность, поскольку линейный текст сменился гипертекстом. Из двух тенденций – культурного формообразования (добавления элементов формы) и культурной формализации (удаление элементов из структуры) – проявилась тенденция формализации культуры с повышенными возможностями манипулирования сознанием и деятельностью социальных субъектов [6, с. 53–60]. В то же время в исторической перспективе данный проблемный вопрос остается открытым,

поскольку массовизация потребительского общества неизбежно воспроизводит в расширенных масштабах мозаичную культуру.

Таким образом, предложен методологический подход к формированию фундаментальных ценностей российского общества в аспекте двух взаимно предполагающих и взаимно исключающих дополнительных процесса как формообразование и формализация культуры. Затронут вопрос о системообразующих ценностях, и в качестве таковой выделена традиционная книжная культура в ее историческом развитии. Полученные результаты могут быть использованы для исследования сложной современной проблемы идентичности индивидуальных и социальных субъектов в России. В особенности подчеркнем важность исследования процесса становления личностной автономии и адекватного сочетания принципов индивидуализма и коллективизма при исследовании ценностей российского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев, А. С. Наука и человек: философский аспект / А. С. Арсеньев. – Текст : непосредственный // Наука и нравственность. – М. : Политиздат, 1971. – С. 114–158.
2. Бердяев, Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Судьба России. Самосознание : сборник трудов. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – С. 17–19.
3. Губанова, М. А. Формообразования духовной культуры в истории России: философский аспект : монография / М. А. Губанова, Е. С. Федотенков. – Армавир : АПСИ, 2013. – 163 с. – Текст : непосредственный.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – М. : Академический проект, 2011. – 397 с. – Текст : непосредственный.
5. Кашин, В. В. Формальная социология Георга Зиммеля / В. В. Кашин. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 7 (89). – С. 4–11.
6. Лебедева, Л. Н. Трансформации культурной формы в российском обществе / Л. Н. Лебедева, М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 53–60.
7. Ломоносов, М. В. Явление Венеры на Солнце / М. В. Ломоносов. – Текст : непосредственный // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 4: Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744–1765 гг. – М. ; Л., 1950–1983. – М. ; Л. : АН СССР, 1955. – С. 361–376.
8. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М. : Посев, 1957. – 151 с. – Текст : непосредственный.
9. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с. – Текст : непосредственный.
10. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – 4-е изд. – М. : Кучково поле, 2014. – 462 с. – Текст : непосредственный.
11. Матросова, Н. К. Формообразование: история и современность / Н. К. Матросова, О. В. Сапенко. – Текст : непосредственный // Наука и мир. – 2018. – № 1–2 (53). – С. 38–41.

12. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 404 с. – Текст : непосредственный.

13. Похилько, А. Д. Поиски методологии изучения российской национальной идентичности / А. Д. Похилько, М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 4 (64). – С. 24–28.

14. Социокультурная автономность саморазвития человека: философский аспект : коллективная монография / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, Л. Г. Минасян, Н. М. Соколова. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2020. – 176 с. – Текст : непосредственный.

15. Флиер, А. Я. Феномен культурной формы / А. Я. Флиер. – Текст : непосредственный // Культура культуры. – 2020. – № 2. – С. 2.

16. Шпенглер, О. Закат Европы. Образ и действительность : в 2 т. Т. 1 / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 592 с. – Текст : непосредственный.

17. Huntington, Samuel P. (1993). "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs*. 72 (3): 22–49. doi:10.2307/20045621.

REFERENCES

1. Arsenyev A. S. *Nauka i chelovek: filosofskiy aspekt* [Science and man: philosophical aspect]. *Nauka i npravstvennost = Science and Morality*, М., 1971, pp. 114–158. (In Russian).

2. Berdyayev N. A. *Dusha Rossii* [Soul of Russia] *Sud'ba Rossii. Samosoznaniye: sbornik trudov = The fate of Russia. Self-consciousness: a collection of works*, Rostov-on-Don, 1997, pp. 17–19. (In Russian).

3. Gubanova M. A., Fedotenkov Ye. S. *Formoobrazovaniya dukhovnoy kultury v istorii Rossii: filosofskiy aspekt* [The Formation of Spiritual Culture in the History of Russia: A Philosophical Aspect: Monograph]. Armavir, 2013. 163 p.

4. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [The Philosophy of Symbolic Forms]. М., 2011. 397 p.

5. Kashin V. V. *Formalnaya sotsiologiya Georga Zimmelya* [Formal sociology of Georg Simmel] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*, 2008, No. 7(89), pp. 4–11. (In Russian).

6. Lebedeva L. N., Gubanova M. A. *Transformatsii kulturnoy formy v rossiyskom obshchestve* [Transformations of the cultural form in Russian society]. *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki = Humanitarian and Social Sciences*, 2020, No. 4, pp. 53–60. (In Russian).

7. Lomonosov M. V. *Yavleniye Venery na Solntse* [The phenomenon of Venus on the Sun]. *Polnoye sobraniye sochineniy = Full Collection of Writings*, М., 1955, vol. 4, pp. 361–376. (In Russian).

8. Losskiy N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian people]. Frankfurt am Main, Posev, 1957. 151 p.

9. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb., 2000. 704 p.

10. Maklyuen M. *Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Personal Extensions]. М., 2014, 462 p.

11. Matrosova N. K., Sapenok O. V. *Formoobrazovaniye: istoriya i sovremennost* [Shaping: history and modernity]. *Nauka i mir = Science and the World*, 2018, No. 1-2 (53), pp. 38–41. (In Russian).

12. Mol A. *Sotsiodinamika kultury* [Sociodynamics of Culture]. М., 2007. 404 p.

13. Pokhilko A. D., Gubanova M. A. Poisk i metodologii izucheniya rossiyskoy natsional'noy identichnosti [Search for a methodology for studying Russian national identity]. *Nauchnaya mysl Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2010, No. 4 (64), pp. 24–28. (In Russian).

14. Pokhilko A. D., Gubanova M. A., Minasyan L. G., Sokolova N. M. *Sotsiokulturnaya avtonomnost samorazvitiya cheloveka: filosofskiy aspekt: Kollektivnaya monografiya* [Socio-Cultural Autonomy of Human Self-Development: a Philosophical Aspect]. Armavir, 2020. 176 p.

15. Fliyer A. Ya. Fenomen kulturnoy formy [The phenomenon of cultural form]. *Kultura kultury = Culture of Culture*, 2020, No. 2, pp. 2. (In Russian).

16. Shpengler O. *Zakat Yevropy. Obraz i deystvitel'nost* [The Decline of Europe. image and reality]. M., 1993, vol. 1. 592 p.

17. Huntington Samuel P. "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs*, 1993, No. 72 (3), pp. 22–49.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Губанова, М. А. Социокультурная методология исследования национальных ценностей России / М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 158–167.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gubanova M. A. Socio-cultural Methodology of Research of National Values in Russia / M.A. Gubanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 158–167. (In Russian).

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Л.Н. Лебедева

THE FORMATION OF A NEW STYLE OF THINKING IN THE PROCESS OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

L.N. Lebedeva

Аннотация. Стремительно развивающиеся цифровые технологии приводят к усилению необходимости в формализации все новых и новых областей человеческого бытия. Это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой социальные трансформации. Меняются конечные цели основного образования. На первый план выходит необходимость формирования у современного поколения нового стиля мышления, называемого компьютерным или вычислительным, а также к набору компетенций у человека XXI века. Функциональная грамотность становится необходимым атрибутом жизни в обществе ближайшего будущего. Степень ее сформированности изучается международными исследованиями. А практические способы формирования являются предметом пристального изучения научной общественности.

Abstract. Rapidly developing digital technologies lead to an increased need for the formalization of more and more new areas of human existence. This, in turn, inevitably entails social transformations. The ultimate goals of basic education are changing. The need to form a new style of thinking in the modern generation called computer or computational, as well as a set of competencies for a person of the XXI century, comes to the fore. Functional literacy is becoming a necessary attribute of life in the society of the nearest future. The degree of its formation is described in international studies; the practical methods of formation are the subject of scrutiny by scientific community.

Ключевые слова: функциональная грамотность, компьютерное мышление, ИКТ-компетентность, креативность, творчество, формализация культуры, формализация социального, социальные практики, социальные трансформации, цифровая цивилизация, нейросеть, искусственный интеллект, scratch-программирование.

Keywords: functional literacy, computer thinking, ICT competence, creativity, formalization of culture, formalization of the social, scientific practice, scientific transformation, digital civilization, neural network, artificial intelligence, scratch programming.

Современная эпоха – это эпоха «цифры». Цифровые технологии проникают во все сферы функционирования социума. Они уже сейчас вплелись в жизнь общества, став неотъемлемой частью его коммуникации и его культурного пространства. В трудовой деятельности, образовании, досуге, формальных отношениях с государственными структурами, в экономике, финансовой сфере – везде присутствуют цифровые технологии и на уровне трансляторов готовых информационных продуктов, и на уровне инструментария для их создания.

«Цифра» облегчает коммуникацирование в социуме, рассматриваемое во всех смыслах этого понятия, но прежде всего в аспекте доступа к информации.

И при этом она с одной стороны является следствием «формализации», понимаемой и как процесс онаучивания различных областей знания, в том числе лингвистического и социального, с последующим построением моделей для изучаемых процессов, помогающих составлять прогнозы разной степени долгосрочности, и как процесс абстрагирования от частных с последующей алгоритмизацией действия или суждения. С другой стороны, цифровые технологии являются мощным катализатором усиливающейся и углубляющейся формализации социума, необходимой для дальнейшего развития цифровых социальных технологий, так как именно они начинают занимать лидирующее место как в бизнесе, так и в политике. Интернет, социальные сети, онлайн-площадки становятся основными игроками влияния, а также торговли, явной или скрытой – при помощи таргетированной рекламы. И теперь эффективность воздействия, политического или коммерческого обуславливается не личной харизмой, одаренностью, интуицией или политической или коммерческой жилкой, а технологиями – точным расчетом, основанным на математических теориях и методах, для которых и требуется формализация процессов, происходящих в социуме.

Начав с идеи математического моделирования социальных процессов [6], ученые пришли к поразительным результатам использования нейросетей для возможного регулирования жизни современного общества. Появляются технологии имитационного моделирования общества и общественных процессов [12], при помощи которого строится модель с ограничениями, обусловленными только субъективными факторами исследователя, такими как его теоретическая подготовка, цели исследования и техническими характеристиками платформы для реализации проекта.

«Изменяя экзогенные переменные модели или конфигурацию ее отдельных элементов, исследователь делает прогнозы, проводит сценарные расчеты. Собранная информация применяется к реальному объекту, – пишет в своей статье Р.Р. Рамазанов. – Знание возможностей, принципов и сфер приложения имитационных подходов позволяет превращать сложные трудоемкие аналитические процессы в производственную рутину. С помощью имитационного моделирования ученые могут строить теоретические модели, объяснять феномены настоящего и прогнозировать события будущего» [11].

Социум в современной науке рассматривается как дискретная математическая (формальная) система, рассматривается понятие «искусственного общества» [8], которое по сути – результат вариативности нейросети, для которой возникает потребность в самообучении – с одной стороны, и объяснения учеными алгоритмов принятия ею решений – с другой. И проблема как раз и заключается в том, что человек, как носитель естественного интеллекта, далеко не всегда понимает, как именно действует нейросеть. При этом нейросети развиваются и обучаются с огромной скоростью [10]. Они учатся устанавливать контакт с участками мозга человека, напрямую «договариваясь» с ними, что дает прорыв в создании имплантов нового поколения и бионических протезов [5]. Уже испытываются протезы с раздельным управлением,

где за часть выполненных действий отвечает не моторика и электроимпульсы человеческого тела, а нейронная сеть. Ведутся разработки имплантов, обладающих сенсорами, как и человеческая кожа, которые напрямую подсоединяются к участкам мозга человека, отвечающим за сенсорные ощущения [4]. Имеются импланты, встроенные в мозг, призванные регулировать настроение человека, больного депрессией. И при этом стоит еще раз обратить внимание на тот факт, что ученые не понимают, как именно работает их имплант, так как он управляется нейросетью, прошедшей предварительное обучение, основанное на обработке нейроимпульсов данного конкретного человека [16].

Технологии меняются стремительно, успевая устаревать или модернизироваться за очень короткие временные отрезки. К моменту окончания 2021 года IT-технологии и искусственный интеллект активно используются в медицине, финансовой сфере, трейдинге, сферах быта, безопасности (пожарные датчики и пр.), при строительстве автомобилей. Казалось бы, созданные только ради развлечения GAN-технологии (Генеративно-состязательные нейросети), нашли применение в архитектуре, индустрии моды, журналистике и даже астрофизике. А нейросетевая языковая модель GPT-3, третье поколение которой было выпущено компанией OpenAI летом 2020 года, может совершенно свободно составлять тексты, неотличимые от тех, которые пишет человек, генерировать стихи, фейковые посты и записи в блогах, с заранее запрограммированным эмоциональным содержанием. Данная языковая нейросеть умеет переводить одну и ту же информацию в различные языковые стили, например, делая из вольного изложения проблемы строгий деловой документ. И более того, по словесному описанию она может писать программный код, создавая приложения с заданными параметрами. Пока нейросеть не имеет свободного распространения, так как ее возможности, например, позволяют генерировать даже научные труды, а также имитировать стиль письма конкретного человека, что может быть использовано в хакерских целях. Однако неизвестно, как долго ученым удастся удерживать разработку в защищенном формате. Прочие продукты компании OpenAI, одним из соучредителей которой является Илон Маск, и специализирующейся на создании дружелюбного ИИ, также не менее интересны и неожиданны [15].

И все это происходит благодаря методам, разработанным математиками для обработки массивов данных, а также для прогнозирования поведения систем, то есть благодаря произошедшей формализации, казалось бы, неформализуемых понятий и объектов реального мира.

Ускоряющийся рост развития IT-технологий, направленных на создание искусственного интеллекта, а также генерация продуктов работы ИИ, придающая ускорение развитию технологических сфер неизбежно приводит к социальным трансформациям. Например, меняются конечные цели основного образования. На первый план выходит необходимость формирования нового стиля мышления и особого набора компетентностей и качеств, которые в комплексе дают способность разбираться в инновациях на основе

имеющихся прежде знаний, умений и навыков, что бы всегда оставаться на «пике», поспевая за ритмом развития технологий современного мира. Называется этот комплекс функциональной грамотностью [9].

Если рассмотреть схему функциональной грамотности, в которую входят базовые грамотности, компетенции и качества характера, то несложно заметить, что модель направлена на формирование личности, способной работать с информацией и представлять ее в виде, доступном для компьютерной обработки, но при этом оставаться Человеком, имеющим свой культурный код, национальную принадлежность и духовные ценности [9]. Человек нового времени – это не просто человек, получающий больше пассивных знаний. Ему требуется нечто большее – формирование некоего широко взгляда и способности к саморазвитию. А также необходимы навыки работы с информацией, усидчивость, отсутствие страха перед новым, возможность распространять полученные ранее знания и практические умения на новые области, требующие изучения. А кроме этого – внутреннее глубокое развитие, позволяющее человеку остаться человеком, а не функциональным придатком или биологическим автоматом в формализованном обществе.

Формирование функциональной грамотности представляется мировому научному сообществу настолько важным сейчас, что на нее направлен целый ряд международных исследований, одновременно проводимых среди школьников разных стран. Все они имеют свои оттенки, особенности, но объединяет их именно идея проверки, могут ли современные школьники применять имеющиеся знания в новых условиях. И, в конечном счете, есть ли у подрастающего поколения шанс на управление новым Миром, в котором искусственный интеллект, на данный момент «дружелюбный», в скором времени, а отчасти и сейчас, может взять функции управления социумом на себя, а человек, управляющий ИИ, может задать любые параметры социального воздействия на общественные массы через интерактивные социальные практики и сетевые площадки.

Таким образом, в современном образовании, формирующем социум будущего, на передний план выходит проблема, связанная с разработкой методов формирования функциональной грамотности.

Рассмотрим один из возможных способов на примере формирования ИКТ-компетентности.

Согласно «Модели Европейской классификацией навыков, компетенций и профессий (ESCO)» [13], ИКТ-грамотность отнесена к базовым навыкам человека новой эпохи. Она поставлена в один ряд с навыками чтения и письма или математической грамотностью. И сразу обратим внимание на тот факт, что особое внимание среди компетенций человека XXI века уделяется критическому мышлению и креативности. При этом креативность считается одной из самых востребованных компетенций. А также на то, что дополняется модель личностными качествами, среди которых хотелось бы особо выделить любознательность, настойчивость, инициативность.

Современному человеку крайне важно быть творческой личностью и обладать знаниями об основных принципах обработки информации. Причем необходимо уметь использовать самый широкий спектр инструментария, а также различать виды информации, понимать правовые аспекты ее использования и уметь на практике преобразовывать ее, перерабатывать, анализировать и синтезировать, уметь обрабатывать большие массивы данных.

В обиход входит такое понятие, как компьютерное или вычислительное мышление, под которым понимается способ восприятия информации, позволяющий вычлнить проблему и метод ее решения в виде, доступном для компьютерной обработки. Фактически, речь идет о формализации мышления, способности представлять данные в особой форме, умении алгоритмически мыслить и вычлнять алгоритмы для обработки информации. Все это связано с усиливающимся потоком информации, обработать который самостоятельно уже не представляется возможным. При этом надо понимать, что формализация в мышлении присутствовала всегда. «...Этот стиль мышления, латентно существовавший очень давно, актуализировался при создании первых ЭВМ, ставших для него инструментом реализации; при этом облик вычислительного мышления менялся параллельно с эволюцией технических и программных средств и стремительным расширением пространства решаемых задач» [1].

Основными компонентами компьютерного мышления считаются декомпозиция, распознавание, абстракция, алгоритмизация.

Под декомпозицией проблемы понимается разложение ее на составляющие, дробление на задачи, маленькие шаги, которые несложно выполнить. Умение решить проблему не глобально, а путем решения довольно простых задач является очень важным навыком в любой научной работе. А в сфере программирования – это наиболее правильный подход, помогающий писать эффективные программы.

Распознавание – умение сравнивать решаемую проблему с уже знакомыми проблемами или задачами, с теми, которые уже были решены прежде. Это как раз и отражает требование функциональной грамотности: на основе уже изученного уметь ориентироваться в новой обстановке и решать новые задачи на протяжении всей жизни.

Абстракция является, пожалуй, наиболее понятной категорией. Это умение игнорировать малозначимые детали, абстрагирование от всего неважного, вычлнение самого значимого в данной проблеме. Она необходима для того, чтобы не заикапываться в деталях и экономить время на разрешение проблемы.

Алгоритмизация, способность создать четкую последовательность действий, в результате которых и будет получен нужный результат.

Таким образом, в рамках рассмотренной модели, для формирования ИКТ-компетентности необходимо объединить творческую деятельность с изучением soft-функционала, а также развитием мыслительных навыков.

Одним из решений данной проблемы, как нам видится, является использование различных платформ для формирования мультимедийного контента, предполагающего творчество во всех доступных смыслах этого слова. А затем работа с полученным контентом на онлайн-площадках с тем, чтобы в доступной форме и наглядно показать учащемуся и способы наполнения контентом различных сетевых ресурсов, и способы «перетекания» информации с ресурса на ресурс, проверки авторства, поиска сведений о датах размещения информации в сети и первоначальных адресах ее появления. Все это значительно может помочь ему ориентироваться в информационных потоках, определять достоверность информации и заставлять ее служить собственным нуждам.

При этом заметим, что для развития мыслительных навыков и компьютерного мышления наиболее эффективным является программирование, научающее детально разбираться в исследуемом процессе, так как требует учета развития событий в различных направлениях. При создании программного кода необходимо предусмотреть все возможные варианты, учесть нюансы, о которых в обычной жизни человек обычно не задумывается, так как многие действия совершает уже неосознанно, на уровне подсознания. И при создании программы все четыре кита компьютерного мышления всегда задействованы. Проблема дробится на отдельные действия. Если какие-то блоки проблемы знакомы, то для них используют стандартные алгоритмы. Вычленяется главная проблема, которую необходимо решить. И уже для нее создается программный продукт.

Способность программировать в дальнейшем помогает и просто при анализе жизненных ситуаций, и при изучении любых дисциплин, так как приучает к систематизации входных данных, под которыми можно понимать и литературный текст, и математическую задачу.

Таким образом, сочетание программирования с созданием мультимедийного продукта в значительной мере помогает решить проблему формирования ИКТ-компетентности в комплексе с развитием креативности и критического мышления.

Одним из наиболее удачных и доступных практических решений такого подхода является, например, использование платформы Scratch – визуальной событийно-ориентированной среды программирования [3]. Она может выступать в качестве первой, ознакомительной среды для новичков. Ее интерфейс прост и интуитивно понятен даже ребенку, что является огромным преимуществом при обучении программированию. Команды программы напоминают детали конструктора, где каждая может скрепиться только с подходящим типом деталей. Однако при всей кажущейся простоте, набор команд повторяет практически все основные структуры серьезных языков. В Scratch есть и условные операторы, и циклические, и использование переменных, случайных чисел и прочего [2].

При этом Scratch включает в себя простой графический редактор и редактор аудио. Он обладает большой встроенной графической библиотекой

и библиотекой звуков, и позволяет создавать в нем различные мультимедийные продукты. В частности, мультфильмы, игры, анимированные открытки.

Рассмотрим возможности формирования информационных и глобальных компетентностей на примере создания мультипликационного фильма.

Выделим составляющие проекта.

1. Сюжет – осмысленная история, подчиняющаяся законам литературного произведения. То есть он должен иметь общую канву, завязку, развитие, кульминацию, развязку. Кроме этого по законам литературной истории, герой должен в процессе истории изменяться, а сама история должна нести некоторую либо мораль, либо общую идею. При работе над созданием сюжета формируются читательские и литературные компетенции, умение анализировать и структурировать информацию, выстраивать ее в определенной последовательности, выявляя ее каркас. Умение выделять главное и второстепенное в тексте, так как, прежде всего, история – это текст, воплощенный в графику. Но самое главное – происходит развитие творческого потенциала, креативности. Создание достойного мультипликационного фильма под силу даже не каждому взрослому. Поэтому работа в этом направлении удивительна своей увлекательностью, многогранностью и многообразием. Она требует огромных затрат времени, усидчивости, способности к долговременной кропотливой работе, настойчивости и трудолюбия. Для создания нескольких минут качественного анимационного продукта иногда требуются месяцы работы.

2. Программный код. Его создание заставляет разложить ситуацию на отдельные составляющие и, как из кирпичиков-действий, создать модель процесса. Если на первый взгляд это кажется простым, то достаточно попробовать описать любой бытовой процесс, чтобы понять, что это не так. Описывая выход из двери, достаточно промахнуться с количеством шагов до двери, или забыть команду: «Нажать ручку двери вниз», «Отпустить ручку двери» и т. д., чтобы робот просто не смог выполнить алгоритм, который человеку понятен на уровне даже подсознания. При этом робот при простейшем действии просто разобьется или застрянет. Персонаж – это тот же робот. То есть формальный исполнитель. Он сделает только то, что заложит программист. И только в той последовательности, в которой будет построен алгоритм.

3. Редактирование графики – еще одна необходимая икт-компетенция. Встроенный редактор *scratch* довольно примитивен, но он дает представление о векторной и растровой графике, а также позволяет подгружать сторонние графические объекты подходящих типов, которых можно нарисовать в других, более мощных графических редакторах, или найти на просторах сети Интернет. При этом формируется навык работы с файловой системой, а также умение искать необходимую графическую информацию в бесплатных библиотеках сети.

Создание персонажа и его прорисовка – это еще одна грань творчества. Заметим, что персонаж в *scratch* – это не только герой мультфильма. Это абсолютно все, к чему привязывается программный код, за исключением сцены [7].

4. Работа со звуком. Здесь, также как и с графикой: и творчество, и развитие начальных навыков редактирования звука.

Заметим, что в ходе работы над проектом развивается не просто функционал, но и личность. Создание собственного мультимедийного продукта раскрывает творческие способности, внутренний потенциал, способствует самореализации и самовыражению. В процессе долгого преодоления трудностей вырабатываются многие личностные качества, находящиеся в дефиците у поколения, имеющего клиповое мышление и не умеющего посвящать длительное время одному и тому же виду деятельности: усидчивость, упорство в достижении цели, да и сама целеустремленность.

Рассмотренный нами пример возможного метода формирования компетенций, входящих в модель функциональной грамотности, является одним из множества подходов к решению проблемы, стоящей перед современным образованием. Однако, учитывая темпы развития науки в области создания искусственного интеллекта и достигнутые успехи в области IT-технологий, мы не можем с уверенностью спрогнозировать, насколько актуальны будут данные компетенции хотя бы через десять лет. Возможно, на смену собственного творчества придет необходимость умения лишь полной декомпозиции проблемы с целью четкого формулирования задания для искусственного интеллекта, управляемого голосом. Однако думается, что креативность и системное мышление останутся востребованными всегда.

К тому же компьютерное мышление и понимание того, как вообще происходит обучение, помогут понять и то, как именно обучается нейросеть, подключенная к человеческому телу, что открывает огромные возможности в сфере создания не только имплантов, но и киборгов, эпоха которых уже наступила, как бы фантастически это не звучало [15].

Подведем итог сказанному.

Изменяющийся культурный и технический облик современного мира влечет за собой изменение требований к социуму и его человеку-единицам – отдельным личностям, которые должны обладать принципиально другими жизненными компетенциями. Вопрос, насколько при этом изменится социум, остается открытым для научных изысканий социологов, психологов, культурологов и философов современности. Формализация культурного и социального пространства становится самой актуальной парадигмой нового времени. И необходимость формирования функциональной грамотности, настойчивое требование к современному образованию разработать методы ее формирования, только подтверждают это. Фактически, функционально-грамотный человек – это человек современности, целиком вписывающийся в формализованное общество и могущий его формализовать. Однако при этом возникает опасность лишиться самостоятельности в формализованном обществе и стать винтиком системы. Но культура, с одной стороны являющаяся продуктом социума, а с другой – его направляющей, способна внести значительные коррективы в этот процесс. Творчество выдергивает из системы, раздвигает

горизонты и дает новые направления в развитии. Творчество, проявляемое при создании программных продуктов – не исключение. При этом программирование является самым эффективным инструментом для формирования компьютерного мышления. Превалирование развития компьютерного мышления может иметь далеко идущие последствия для функционирования социума и трансформации внутрикультурного пространства, наложить отпечаток на уже существующие социальные практики и способствовать возникновению новых практик, возможно пока непредсказуемых по своему формату. Однако имея внутри себя зерно творческого потенциала, человек всегда будет преобразовываться к высокому духовному идеалу, независимо от того, имеет он компьютерное мышление или любое другое. Функционально же грамотный человек может найти совершенно новые решения многих проблем и подобрать нестандартный инструментарий для реализации творческих идей, создать новые площадки для их социализации, открыть новые направления в искусстве, связанные теперь с имеющимися техническими возможностями информационной цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босова, Л. Л. Методика применения интерактивных сред для обучения младших школьников программированию / Л. Л. Босова, Т. Е. Сорокина. – Текст : непосредственный // Информатика и образование. – 2014. – № 7. – С. 61–68.
2. Голиков, Д. Н. Scratch для юных программистов / Д. Н. Голиков. – СПб. : БХВ-Петербург, 2017. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Еремин, Е. А. Среда Scratch – первое знакомство / Е. А. Еремин. – Текст : непосредственный // Информатика. – 2008. – № 20 (573). – С. 16–28.
4. Колмановский, И. А. Рука на удаленке. История еще одного киборга / И. А. Колмановский. – URL: <https://soundstream.media/clip/37-ruka-na-udalenske-istoriya-yeshche-odnogo-kiborga> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
5. Коробенков, Н. О. Бионическое протезирование конечности / Н. О. Коробенков, С. С. Кочетов, П. А. Григоров. – Текст : непосредственный // Сибирский медицинский журнал. – 2019. – № 3. – С. 22–27.
6. Лаптев, А. А. Математическое моделирование социальных процессов / А. А. Лаптев. – Текст : непосредственный // Математические структуры и моделирование. – 1999. – № 3. – С. 109–124.
7. Мажед Маржи. Scratch для детей : самоучитель по программированию / Мажед Маржи. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 288 с. – Текст : непосредственный.
8. Искусственное общество и реальные демографические процессы / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, Е. Д. Сушко, А. Ф. Агеева. – Текст : непосредственный // Экономика и математические методы. – 2017. – Т. 53. – № 1. – С. 3–18.
9. Функциональная грамотность. – URL: <https://www.nauchim.online/base-functional-literacy> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
10. Пройдаков, Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта / Э. М. Пройдаков. – Текст : непосредственный // Цифровая экономика. – 2018. – № 3. – С. 50–63.

11. Рамазанов, Р. Р. Сравнительная характеристика подходов имитационного моделирования общественных процессов / Р. Р. Рамазанов. – Текст : непосредственный // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. – 2017. – № 2 (20). – С. 67–77.
12. Рамазанов, Р. Р. Моделирование межрегиональной миграции при дифференциации характеристик одной локальной общественной услуги / Р. Р. Рамазанов. – Текст : непосредственный // Искусственные общества. – 2019. – Т. 14. – Вып. 1.
13. European Skills / Competences, qualifications and Occupations. – URL: <https://ec.europa.eu/esco/portal/skill> (дата обращения: 27.03.2021).
14. OpenAI conducts fundamental, long-term research toward the creation of safe AGI. – URL: <https://openai.com/research/> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
15. Спиридонов, В. Люди-киборги среди нас: эпоха сверхвозможностей / В. Спиридонов. – URL: <https://ria.ru/20170918/1505000295.html>. – Текст : электронный.
16. Жительницу Великобритании вылечили от депрессии с помощью мозгового импланта. – URL: <https://habr.com/ru/news/t/581612/> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст : электронный.
17. Фирсова, К. 8 известных людей-киборгов / К. Фирсова. – URL: <https://www.if24.ru/8-izvestnyh-lyudej-kiborgov/>. – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Bosova L. L., Sorokina T. E. Metodika primeneniya interaktivnykh sred dlya obucheniya mladshikh shkol'nikov programmirovaniyu [Methods of using interactive environments for teaching programming to younger schoolchildren]. *Informatika i obrazovaniye = Computer Science and Education*, 2014, pp. 61–68. (In Russian).
2. Golikov D. N. Scratch для юных программистов [Scratch for young programmers]. SPb., BHV-Petersburg, 2017. 192 p.
3. Eremin E. A. Sreda Scratch – pervoye znakomstvo [Environment Scratch – first encounter]. *Informatika = Computer Science*, 2008, No. 20 (573), pp. 16–28. (In Russian).
4. Kolmanovsky I. A. Ruka na udalenne. Istoriya yeshche odnogo kiborga [The hand on the remote. The story of another cyborg]. Available at: <https://soundstream.media/clip/37-ruka-na-udalenne-istoriya-yeshche-odnogo-kiborga>. (In Russian).
5. Korobnikov N. O., Kochetov S. S., Grigorov P. A. Bionicheskoye protezirovaniye konechnosti [Bionic limb prosthetics]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal = Siberian Medical Journal*, 2019, No. 3. pp. 22–27. (In Russian).
6. Laptev A. A. Matematicheskoye modelirovaniye sotsial'nykh protsessov [Mathematical modeling of social processes]. *Matematicheskiye struktury i modelirovaniye = Mathematical Structures and Modeling*, 1999, No. 3, pp. 109–124. (In Russian).
7. Marji M. Scratch dlya detey. Samouchitel po programmirovaniyu [Scratch for kids. Tutorial on Programming]. M., Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 288 p.
8. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Ageeva A.F. Iskusstvennoye obshchestvo i real'nyye demograficheskiye protsessy [Artificial society and real demographic processes]. *Ekonomika i matematicheskiye metody = Economics and Mathematical Methods*, 2017, vol. 53, No. 1, pp. 3–18. (In Russian).
9. Osnovy funktsional'noy gramotnosti [Fundamentals of functional literacy]. Available at: <https://www.nauchim.online/base-functional-literacy>. (In Russian).
10. Proydakov E. M. Sovremennoye sostoyaniye iskusstvennogo intellekta [The current state of artificial intelligence]. *Tsifrovaya ekonomika = Digital Economy*, 2018, No. 3, pp. 50–63. (In Russian).

11. Ramazanov R. R. Sravnitel'naya kharakteristika podkhodov imitatsionnogo modelirovaniya obshchestvennykh protsessov [Comparative characteristics of approaches to simulation modeling of social processes]. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Seriya ekonomika = Bulletin of USNTU. Science, Education, Economics. Economics series, 2017, No. 2 (20), pp. 67–77. (In Russian).

12. Ramazanov R. R. Modelirovaniye mezhregional'noy migratsii pri differentsiatsii kharakteristik odnoy lokal'noy obshchestvennoy uslugi [Modeling of interregional migration with differentiation of characteristics of one local public service]. Iskusstvennyye obshchestva = Artificial Societies, 2019, vol. 14. (In Russian).

13. European Skills/Competences, qualifications and Occupations. Available at: <https://ec.europa.eu/esco/portal/skill>.

14. OpenAI provodit fundamental'nyye, dolgosrochnyye issledovaniya, napravlennyye na sozdaniye bezopasnogo AGI [OpenAI Conducts Fundamental, Long-Term Research Aimed at Creating a Secure AGI]. Available at: <https://openai.com/research>. (In Russian).

15. Lyudi-kiborgi sredi nas: epokha sverkhvozmozhnostey [Cyborg People among Us: the Era of Superpowers]. RIA Novosti, 09/18/2017. Available at: <https://ria.ru/20170918/1505000295.html>. (In Russian).

16. Zhitel'nitsu Velikobritanii vylechili ot depressii s pomoshch'yu mozgovogo implanta [A Resident of the UK Was Cured of Depression with a Brain Implant]. Available at: <https://habr.com/ru/news/t/581612>. (In Russian).

17. 8 izvestnykh lyudey-kiborgov [8 Famous Cyborg People]. Available at: <https://www.if24.ru/8-izvestnyh-lyudej-kiborgov/>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лебедева, Л. Н. Формирование нового стиля мышления в процессе информатизации общества / Л. Н. Лебедева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 168–178.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lebedeva L. N. The Formation of a New Style of Thinking in the Process of Informatization / L. N. Lebedeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 168–178. (In Russian).

УДК 123:159.947.23

**ПЕРСПЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА**

С.В. Омельченко

**PERSPECTIVE SOCIAL RESPONSIBILITY:
THE SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECT OF ANALYSIS**

S.V. Omelchenko

Аннотация. В философском аспекте рассматривается понятие перспективной ответственности. Вопросы свободы и ответственности являются актуальными применительно к социальной позиции ученого и педагога в связи с необходимостью воспитания у личности нового поколения автономного сознания и активной жизненной позиции. Свобода и ответственность – факторы, обуславливающие уровень индивидуальной культуры. Уровень свободы и чувство ответственности выражается в творческом проявлении культуры педагога-исследователя.

Abstract. The concept of long-term responsibility is considered in philosophical terms. The issues of freedom and responsibility are relevant in relation to the social position of a scientist and a teacher in connection with the need to educate a new generation of autonomous consciousness and an active life position in a person. Freedom and responsibility are factors that determine the level of individual culture. The level of freedom and sense of responsibility are expressed in the creative culture of a teacher-researcher.

Ключевые слова: свобода, ответственность, ретроспективная ответственность, перспективная ответственность, ответственность ученого, ответственность педагога, ответственность медицинского работника, личностная автономия.

Keywords: freedom, responsibility, retrospective responsibility, long-term responsibility, scientist's responsibility, teacher's responsibility, health worker's responsibility, personal autonomy.

Проблема свободы и ответственности, как в социальном, так и в индивидуальном аспекте, является актуальной в связи с необходимостью модернизации и демократизации российского общества. В системе социальных отношений свобода реализуется в рамках общественной необходимости, она связана с правами человека, его обязанностями и ответственностью. Данная проблема не нова, но открываются новые, актуальные аспекты, связанные со сложностями модернизации и демократизации в современной России. В современных условиях возникают ситуации, в которых нравственная и правовая ответственность становятся трудно определяемыми. Требуется выявление особенностей их распределения по индивидуально-коллективным субъектам. Существует потребность в выявлении общих и частных критериев особых видов ответственности.

Цель статьи – охарактеризовать новые подходы к проблеме взаимоотношения свободы и ответственности в философском аспекте перспективной социальной ответственности современного российского педагога. В данном

случае под перспективной ответственностью имеется в виду ответственность, которая альтернативна ретроспективной ответственности.

Кратко рассмотрим степень изученности темы взаимосвязи свободы и ответственности в общем виде и в виде частных малоизученных случаев.

Вопросам перспективной ответственности в юридическом аспекте в большей или меньшей мере уделяли внимание такие исследователи, как С.С. Алексеев, Б.Т. Базылев, М.С. Богданова, Н.В. Витрук, В.М. Горшенев, П.С. Дагель, В.А. Елеонский, Т.Д. Зражевская, Н.Г. Кобец, Б.М. Лазарев, Д.А. Липинский, А.Е. Лунев, Н.И. Матузов, А.С. Мордовец, П.Е. Недбайло, А.И. Петелин, Т.Н. Радько, В.А. Рыбаков, В.Г. Смирнов, В.А. Тархов, Ф.Н. Фаткуллин, Р.Л. Хачатуров, Е.А. Цишковский, Е.В. Черных и др. Например, Е.А. Цишковский полагает, что сущностью позитивной (перспективной) ответственности выступает юридическая оценка. Оценка связывает позитивную и негативную ответственность с родовым понятием социальной ответственности. Оценка дается и будущему (возможному) правомерному поведению, следствием которой выступает его осуществление в реальной действительности [9].

В философском аспекте следует выделить работы таких исследователей, как Ф.Х. Бахитова, В.П. Дик, В.К. Иошкин, С.С. Клименко, А.И. Коломак, В.А. Купцов. Очевидно, что в философском аспекте тема исследована значительно меньше, чем в правовом аспекте. Философский аспект отличается тем, что в нем более явно и обобщенно выражена связь ответственности со свободой. Ответственность в таком случае обращается в будущее, она выявляет творческий потенциал человека, его возможности. Если ретроспективная ответственность как бы «обратно пропорциональна», если можно выразиться математическим языком, свободе (чем больше ответственности, тем меньше свободы), то перспективная свобода прямо пропорциональна ответственности (чем больше свободы, тем больше ответственности). Наиболее яркое выражение такой философский подход выразился в концепции «бегства от свободы» Э. Фромма [7]. Суть этой концепции в том, что в массовом обществе люди отказываются от свободы, чтобы избежать бремени ответственности. Это может показаться парадоксом, но в экзистенциализме, который разделяет и Э. Фромм, свобода индивида принимает характер абсолютной модальности. Соответственно и ответственность повышается до абсолютного уровня, до бесконечности и становится невыносимой. Экзистенциалистскую индивидуалистическую концепцию свободы А.И. Коломак пытается соединить с социальной концепцией свободы [3]. Социальная свобода и социальная ответственность связаны с тем, что включают относительную модальность. Если эту относительную модальность довести до логического конца, отбросить экзистенциальное измерение человека, то вывод будет следующий. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Это положение считается какой-то аксиомой, незыблемым положением. Однако забывают, что это высказывание В.И. Ленина, направленное на тотальный контроль за литературой [4, с. 102]. В таком случае

перспективная свобода элиминируется и соответственно остается ретроспективная ответственность. Действительно, индивид, в частности, творческий человек, литератор, лишается свободы. «Литературное дело, – пишет в этой статье В.И. Ленин, – должно стать *частью* общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного-единого, великого социал-демократического механизма...» [4, с. 100]. Контекст революционной борьбы, в котором высказываются эти положения, забывается, а догма о том, что у человека в обществе нет свободы, остается и в настоящее время, спустя более века.

В рамках философского подхода, как указывает А.Н. Харламов, «возможно рассмотрение ответственности как перспективной – это ответственность перед лицом бытия как такового, потенциальная ответственность, предполагающая возможность выступать в качестве субъекта своих действий и учитывать их результат, последствия» [8, с. 246–253]. В таком случае перспективная ответственность в значительной степени теряет свою юридическую нормативность и наполняется нравственным содержанием. Отметим следующий парадоксальный момент перспективной ответственности. Перспективная ответственность выступает как ответственность за свою свободу и за творчество. В частности, в науке это означает ответственность ученого за свои открытия и их применение.

Особенно остро встал вопрос о социальной ответственности ученого после применения ядерного оружия в конце второй мировой войны. В Лондоне в 1946 году Фредерик Жолио-Кюри прочитал лекцию «Наука и благоденствие человечества». Здесь родилась идея Всемирной федерации научных работников, которая поставила главную задачу – защитить мира и предотвратить ядерную войну. Российские ученые поддержали идею об ответственности за использование научных открытий против человечества и человечности. В настоящее время задачи ВФНР расширились. В число этих задач входят как традиционные, так и новые задачи: глобальных вопросы защиты мира и предотвращения опасности ядерной войны, серьезные проблемы энергетики и вопросы изменения климата. На конференции ВФНР 2017 г. в Сенегале ставились вопросы развития многих отсталых стран Африканского континента, решались проблемы африканской науки и образования, например, проект виртуального университета [1, с. 65–68].

Вызовы коронавирусной инфекции COVID-19 выявили интересную закономерность взаимной ответственности ученых-медиков и пациентов. Пациенты оказывались автономными личностями, которые участвовали в исследованиях болезни в качестве партнеров. Действительно, люди даже в качестве объекта наблюдения отличаются от подопытных кроликов или морских свинок. Люди могут наблюдать симптомы, корректировать ход лечения, облегчать поиск стратегии лечения, особенно в случае длительного ковида. Главное, чего они хотят – это ускорить процесс поиска лекарств и путей лечения. Поэтому можно утверждать, что благодаря такому положению дел с партнерством пациентов, возникает возможность революционных сдвигов в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Если же углубиться в философский аспект этого вопроса, то мы видим смену парадигмальных принципов ответственности. Примерно до середины XX в. отношения врача и пациента можно было охарактеризовать с точки зрения принципа патернализма. В такой модели врач представляет собой как бы «отца семейства», заботящегося обо всех членах семьи, он несет ответственность за пациентов – своих «домочадцев». Врач принимал главные решения, был ответственным за последствия этих решений, а пациент оказывался пассивным и бесправным.

Необходимость ее смены патерналистской модели стала очевидна после Второй мировой войны. Была понята необходимость врачебной этики, запрещающей медицинские эксперименты над людьми без их согласия. В 1948 году принимаются Женевская декларация и Всеобщая декларация прав человека, которые стали основой современной биомедицинской этики. В новой этике взаимоотношения «врач – пациент» происходит инверсия прав и ответственности: пациент освобожден от зависимости, от опеки врача. Он должен самостоятельно решать вопросы здоровья, и даже вопросы жизни и смерти. К этому пациент оказывается далеко не всегда готов. Информированное согласие – это минимум, оно оказалось формальным, а правовая нормативность врача тормозила творческое отношение к лечению как искусству [2, с. 436–439]. Трудность нормативного регулирования заключается в том, что индивидуально-личностные права тесным образом связаны с нравственными ценностями и индивидуально-личностными смыслами [6, с. 27–30]. Например, эстетическая медицина предполагает, что привлекательность пациента должна повыситься, но вкусы – это дело очень субъективное. О вкусах, как известно, не спорят.

Чем сложнее лечение, тем больше необходимо творческое отношение врача к своему профессиональному долгу. Он оказывается в зоне повышенной ответственности. Например, рак, ВИЧ, редкие заболевания предъявляют новые требования к врачу и к сотрудничеству с автономным пациентом. Например, ВИЧ-инфекция стала одной из серьезных проблем в России. Рост заболеваемости при неэффективности современной стратегии, может привести к возобновлению этой эпидемии. На данный момент наиболее продуктивным методом борьбы представляется биоэтический метод, предполагающий неразрывную связь медицины, права и социума [10, с. 141–144]. Очевидно, что такой метод требует творческого применения.

Наука и образование тесно взаимосвязаны, в частности, они оба обращены в будущее. В чем состоит перспективная нравственная ответственность педагога? При этом подчеркнем, что правовой статус педагогического работника и соответственно его ответственность в ретроспективном аспекте исследована гораздо более полно [5, с. 19–38]. Нас же интересует именно проблема перспективной ответственности педагога.

Такая ответственность, на наш взгляд, состоит в том, чтобы формировать обучающегося как личность. Дело не только в том, чтобы дать информацию или открыть доступ к знаниям, но еще и в том, чтобы обучающийся

приобретал самостоятельность в своих суждениях, учился критически мыслить, понимал ценность свободы, формировал свой личностный инновационный потенциал. Единство трех компонентов – свободы, ответственности и творчества – выражается в понятии личностной автономии. Свобода и ответственность в таком случае связаны с творчеством и самотворчеством.

Можно провести аналогию взаимоотношения педагога и обучающегося с взаимоотношением врача и пациента. Действительно, традиционный принцип «Не навреди» остается, но он дополняется принципами «Твори благо», а также принципами справедливости и автономии личности. Для педагога принцип творить добро означает повышать инновационный потенциал личности, формировать нравственные ценности личности. Именно нравственные ценности выступают ядром личностной автономии.

Как на практике реализуется перспективная ответственность педагога? На наш взгляд, каждый обучающийся вместе с педагогами реализует собственный проект саморазвития. В этом проекте органично сочетаются свобода, ответственность и творчество. Динамическим способом объединения и взаимосвязи этих компонентов личностной автономии выступает диалог. Диалогическая этика – это этика персональной ответственности. С одной стороны, диалог выступает в качестве самораскрытия личностной автономии, а, с другой стороны, посредством диалога формируется личностная автономия.

Таким образом, проблема взаимосвязи свободы и ответственности обогащается новыми подходами и требует своего философского рассмотрения. В особенности важнейшим направлением дальнейшего исследования выступает перспективная ответственность, связанная с конструированием будущей виртуальной социальности на основе личностной автономии и инновационного потенциала личности. Вопросы свободы и ответственности особо нуждаются в своей конкретизации применительно к социальной позиции медицинского работника, ученого и педагога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовин, В. Ф. 22-я Генеральная Ассамблея ВФНР в Сенегале / В. Ф. Вдовин, Е. В. Харитонова. – Текст : непосредственный // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 5 (730). – С. 65–68.
2. Коваль, Е. А. Биомедицинская этика в контексте ценностно-нормативных трансформаций современного общества / Е. А. Коваль, А. А. Сычев, Н. В. Жадунова. – Текст : непосредственный // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века : материалы 19-й Международной научной конференции, Минск, 23–24 мая 2019 года. – Мн. : Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь, 2019. – С. 436–439.
3. Коломак, А. И. Социальные и экзистенциальные истоки свободы личности : монография / А. И. Коломак. – Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2010. – 119 с. – Текст : непосредственный.
4. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : 55 т. Т. 12. – М., 1960. – С. 99–105.

5. Ожиганова, М. В. О трансформации правового статуса педагогических работников / М. В. Ожиганова. – Текст : непосредственный // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2021. – Т. 16. – С. 19–38.

6. Садово-Румянцев, В. Ю. Личностные права человека в гражданском обществе / В. Ю. Садово-Румянцев, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 5 (60). – С. 27–30.

7. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 284 с. – Текст : непосредственный.

8. Харламов, А. Н. Перспективная ответственность: амбивалентность вины / А. Н. Харламов. – Текст : непосредственный // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2015. – № 1–3. – С. 246–253.

9. Цишковский, Е. А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. А. Цишковский ; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 33 с. – Текст : непосредственный.

10. Черноусов, Я. О. Борьба с ВИЧ-инфекцией в современной России: между этикой, правом и медициной / Я. О. Черноусов. – Текст : непосредственный // Научный альманах. – 2018. – № 11–1 (49). – С. 141–144.

REFERENCES

1. Vdovin V. F., Kharitonova Ye. V. 22-ya generalnaya Assambleya VFNR [22nd General Assembly of the WFSW in Senegal]. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*, 2018, No. 5 (730), pp. 65–68. (In Russian).

2. Koval, Ye. A., Sychev A. A., Zhadunova N. V. Biomeditsinskaya etika v kontekste tsennostno-normativnykh transformatsiy sovremennogo obshchestva [Biomedical ethics in the context of value-normative transformations of modern society]. *Sakharovskiye chteniya 2019 goda: ekologicheskiye problemy XXI veka: Materialy 19-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = Sakharov Readings 2019: Environmental Problems of the XXI Century: Materials of the 19th International Scientific Conference*, Minsk, 2019, pp. 436–439. (In Russian).

3. Kolomak A.I. *Sotsial'nyye i ekzistentsialnyye istoki svobody lichnosti: monografiya* [Social and Existential Origins of Individual Freedom: Monograph]. Stavropol, NCSTU, 2010, 119 p.

4. Lenin V.I. Partiynaya organizatsiya i partiynaya literatura [Party Organization and Party Literature]. *Polnoye sobraniye sochineniy = Full Collection of Essays*, vol. 12, pp. 99–105. (In Russian).

5. Ozhiganova M. V. O transformatsii pravovogo statusa pedagogicheskikh rabotnikov [On the transformation of the legal status of teachers]. *Yezhegodnik rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva = Yearbook of Russian Educational Legislation*, 2021, vol. 16, pp. 19–38. (In Russian).

6. Sadovo-Rumyantsev V. Yu., Pokhilko A. D. Lichnostnyye prava cheloveka v grazhdanskom obshchestve [Personal human rights in civil society]. *Gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki = Humanitarian and Socio-Economic Sciences*, 2011, No. 5 (60), pp. 27–30. (In Russian).

7. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. M., AST: Astrel, 2011, 284 p.

8. Kharlamov A. N. Perspektivnaya otvetstvennost: ambivalentnost viny [Perspective responsibility: ambivalence of guilt]. *Obshchestvennaya bezopasnost, zakonnost i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public Security, Law and Order in the III Millennium*, 2015, No. 1–3, pp. 246–253. (In Russian).

9. Tsishkovskiy, Ye. A. *Pozitivnaya i perspektivnaya yuridicheskaya otvetstvennost v sisteme sotsial'nogo kontrolya* [Positive and Promising Legal Responsibility in the System of Social Control]. Cand. diss. abstract. Nizhniy Novgorod, 2003, 33 p.

10. Chernousov Ya. O. *Borba s VICH-infektsiyey v sovremennoy Rossii: mezhdru etikoy, pravom i meditsinoy* [The fight against HIV infection in modern Russia: between ethics, law and medicine]. *Nauchnyy almanakh = Scientific Almanac*, 2018, No. 11–1 (49), pp. 141–144. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Омельченко, С. В. Перспективная социальная ответственность: социально-философский аспект анализа / С. В. Омельченко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 179–185.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Omelchenko S.V. Perspective Social Responsibility: the Social-philosophical Aspect of Analysis / S. V. Omelchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 179–185. (In Russian).

УДК 316.3

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ
СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ
(ЧАСТЬ 2)**

Н.Н. Равочкин

**THE METHODOLOGICAL ROLE
OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM
IN THE RESEARCH OF POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS
(PART 2)**

N.N. Ravochkin

Аннотация. Рассматривается методологический потенциал социального конструктивизма для политико-правовых институциональных исследований. Во второй части исследования рассматриваются наиболее значимые исследовательские инструменты, а именно технология репертуарных решеток, нарративный и дискурсивный анализ. Продемонстрирована специфика практического применения обозначенных методологических установок среди сторонников социального конструктивизма. Подробно описана логика разворачивания перечисленных подходов в действии. Выявлен потенциал использования каждой из частных методологий по отношению к раскрытию политико-правовой институциональной проблематики. Репрезентированы преимущества и недостатки указанных познавательных средств. Графически отображена основная информация, разграничивающая исследовательские возможности и основные задачи анализируемых методов. Показана тесная связь между деятельностью акторов институциональных преобразований и приписыванием значений самой социальной действительности и создаваемым в ней феноменами как результатов intersубъективных взаимодействий. Сделан акцент на высокой роли субъективизма, который не позволяет рассмотренным подходам предлагать валидные описания. В заключение работы подведены основные итоги исследования.

Abstract. The methodological potential of social constructivism for political and legal institutional research is considered. In the second part of the study, the most significant research tools are considered, namely the technology of repertory grids, narrative and discursive analysis. The specificity of the practical application of the indicated methodological guidelines among the supporters of social constructivism is demonstrated. The deployment logic of the listed approaches in action is described in detail. The potential of using each of the particular methodologies in relation to the disclosure of political and legal institutional issues is revealed. The advantages and disadvantages of these cognitive means are presented. The basic information is graphically displayed delimiting the research possibilities and the main tasks of the analyzed methods. A close relationship is shown between the activities of the actors of institutional transformations and the attribution of values to the social reality itself and the phenomena created in it as the results of intersubjective interactions. Emphasis is placed on the high role of subjectivism, which does not allow the considered approaches to offer valid descriptions. In conclusion, the main results of the study are summed up.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, политико-правовой институт, общество, смысл, метод, дискурс, культура.

Keywords: social constructivism, political and legal institution, society, meaning, method, discourse, culture.

Во второй части исследования целесообразно обратиться к выявлению возможностей и затруднений применения средств социального конструктивизма, а именно рассмотреть методику репертуарных решеток, а также раскрыть потенциал нарративного и дискурсивного анализа.

Методика репертуарных решеток (Repertory Grid Technique). Данная технология представляет собой «психосемантический метод, позволяющий реконструировать смысловые параметры, лежащие в основе восприятия данным конкретным человеком себя и других людей, объектов и отношений» или же «идеографическую технику, основанную на использовании психосемантических закономерностей, анализе индивидуальных матриц, при котором пространство самоописания и его содержательные оси не задаются априорно на основе усредненных данных, а выявляются у данного конкретного испытуемого, а результаты интерпретируются не путем соотнесения с нормой, а относительно других характеристик того же субъекта» [7, с. 116–117]. При этом зарубежные коллеги предлагают дефинировать методику репертуарных решеток как «метод полуструктурированного интервью, основная цель которого состоит в изучении того, как люди конструируют мир вокруг себя» [15, р. 55].

Основу данного инструмента фундирует теория личностных конструктов, ориентирующая субъекта на объяснение и понимание того, как индивиды конструируют «целостный образ мира» [14, р. 2651]. «Конструкт» выступает одним из базовых концептов этой. Кстати, именно конструкты формируют мировосприятие личности и полагаются как бинарные оппозиции, детерминирующие специфику личностного поведения. На наш взгляд, именно они позволяют как нельзя лучше и глубже постичь диалектичность мышления. Действительно, через различные когнитивные пары («добро – зло», «дружба – ненависть», «хорошо – плохо») задаются два противоположных полюса, что позволяет нам ориентироваться в социально одобряемых или же порицаемых на определенном этапе исторического развития общества категориях. К примеру, по словам Бергера и Лукмана, «инцест» сегодня может расцениваться как преступление против упорядоченного богом космического порядка и сформированной им же личности, тем самым мотивируя индивидов избегать этой формы поведения [11, р. 115]. По своей сути, конструкты выступают результатом и средством хабиитуализации, репрезентируя многочисленные выборы индивидами тех или иных стратегий поведения в соответствии с оформившейся в определенном обществе системой представлений и ценностей, что устраняет необходимость оценивания каждой новой социальной ситуации.

Выявление конструктов как инструмента целостного непротиворечивого объяснения поведения личности, социальных групп требует учета ключевых

принципов метода, к которым могут быть отнесены следующие: (1) «индивидуальность», поскольку даже общепринятые конструкты интериоризируются людьми и наделяются персональными смыслами, что предопределяет индивидуальные способы описания и интерпретирования [12, р. 359]; (2) «общность», раскрывающая степень, в которой конструкты одной личности схожи с конструктами другой, тем самым позволяя проводить параллели между особенностями их психики; (3) «социальное следствие», отражающее результаты способностей человека совершать приемлемые для других индивидов практики конструирования, тем самым расширяя сеть своих взаимодействий; (4) «ограниченный диапазон пригодности», демонстрирующий оценочные возможности персональных конструктов применительно к многочисленным срезам социальной действительности [7, с. 120].

Говоря другими словами, рассматриваемый метод направлен на объяснение социального через личностное, напоминая постижение общего через частное. Сущность технологии репертуарных решеток состоит в выявлении оппозиционных конструктов, хотя в последние годы в социальном конструктивизме все большая часть исследователей выходит за рамки выявления конструктов, используя последние в качестве основы для реализации дальнейших исследований. Выявленные конструкты могут подвергаться ранжированию по степени значимости вручную или при помощи компьютерных программ, обработка полученных данных может осуществляться при помощи корреляционного или факторного анализа [14, р. 2652].

К основным исследовательским средствам, связанным с методикой репертуарных решеток, относят лестничную технику (laddering technique), позволяющую исследователю зафиксировать ценностные последствия реализации поведенческих стратегий и выбранных социальных ролей. Другим значимым инструментом является метод самоконфронтации, направленный на изучение индивидуального восприятия свободы выбора взаимодействий с другими посредством изучения наиболее важных жизненных событий.

Уже стало понятно, что по аналогии с большинством конструктивистских методов технология репертуарных решеток фокусируется на локальных смыслах, акцентирует внимание на системных терминах, которые отражают совокупности личностных аксиологем, регулирующих поведение человека на данном этапе исторического развития общества. В свою очередь применение указанных возможностей к изучению политико-правовых институтов как социальных конструкций позволяет выявлять личностные ценности и смыслы, которые приобретают данные социальные структуры в сознании реципиента. Далее исследователь может ранжировать эти аксиологические категории в соответствии со степенью значимости и возможностей их влияния на поведение личности. Наконец, это способствует пониманию распределения самих политико-правовых институтов по степени значимости для конкретного общества. Это открывает широкие аналитические возможности применительно к такой прикладной проблематике, как, например, несоответствие функционирования

властных институтов ожиданиям и ценностям респондентов, что зачастую приводит к институциональным разрывам, демонстрируя неудачи идейной детерминации осуществленных акторами преобразований в тех или иных эмпирических контекстах. Основными недостатками данного метода являются (1) его трудоемкий характер, связанный с заполнением репертуарных матриц; (2) неоднозначное отношение научного сообщества к выявленным конструктам и (3) отсутствие изначальной заданности гипотез, что ставит интерпретацию данных в жесткую зависимость от квалификации конкретного исследователя.

Нарративный анализ. Данный метод, вне всякого преувеличения, пользуется повышенной популярностью среди современных социальных философов. Рассматриваемый подход сложился на перекрестках символического интеракционизма, феноменологии и этнометодологии. Его основу составляют положения нарративной психологии, в соответствии с которыми жизнь субъекта рассматривается как организация значимых жизненных событий, которые оформлены в различного рода сюжетные линии [14, p. 2652]. В процессе жизнедеятельности любой человек осмысливает собственный экзистенциальный опыт, создавая истории, используя язык, общие сюжеты, фреймы, символы и знаки семиотических систем, сформированные в рамках отдельных культурных моделей. Таким образом, любой нарратив всегда будет национально и культурно маркирован, поскольку он отражает систему ценностей, принятых в определенном социальном пространстве.

В современной научной литературе под «нарративом» понимают «осмысленное целое, существующее для других в форме завершенных историй» [6, с. 496] или же «когнитивный механизм организации информации с целью понимания смысла социального взаимодействия героев, разворачивающегося во времени и пространстве» [2, с. 9]. В социальном конструктивизме нарратив – это «специфический способ конструирования и установления реальности через социальное взаимодействие в особых культурных контекстах» [4, с. 43], в силу чего он выступает ярким отражением объективации накопленного личностью экзистенциального опыта.

Большинство нарративов далеки от истинности и далеко не всегда будут отражать те события, которые произошли с конкретным человеком, однако они всегда представляют собой результат не их реконструкции, но именно интерпретации и оценивания личностью, предлагая индивидуальное видение прошлого. Содержание нарратива состоит из трех компонентов и выражается как «состояние – событие – состояние». Событие – это ядро нарратива. Вокруг него строится повествование, и именно оно является тем драйвером, который выводит индивида из состояния статики, где она находилась ранее, тем самым конституируя поле возможностей для его будущего развития. В последующем индивид опять-таки возвращается в состояние, но оно уже будет отличаться от исходного, поскольку человек осуществил переход [8, с. 145].

В структурном отношении в нарративе выделяют следующие элементы: (1) «Т» – тезисы; (2) «ОС» – ориентация (контекстуальные условия); (3) «КД» –

комплекс действий; (4) «О» – оценка (смысл действий и отношение рассказчика к ним); (5) «Р» – резолюция (итог); (6) «К» – код (возврат к настоящему времени). Здесь важно отметить, что четкого разграничения между «О» и «ОС» нет, а проведение демаркационных линий между указанными блоками остается исключительно за исследователем – и в этом отражается характерная для социально-конструктивистских методов высокая субъективная составляющая [8, с. 147].

Итак, все отмеченные компоненты нарратива всегда связаны с рассказчиком, который весьма эксплицитно представлен на разных этапах жизнедеятельности. Так, перед нами могут оказаться ребенок, подросток, взрослый человек, нашему вниманию может предлагаться одна из биографических фаз легитимизации личности собственного способа существования в символической вселенной, однако в любом случае в рассказе будет объективирован экзистенциальный опыт, отражающий совокупность человеческих значений, которые, в свою очередь, могут быть сформированы, выявлены и поняты исключительно в процессе взаимодействия с обществом [11, р. 117].

Особого внимания для институциональных исследований представляет «К», который не может быть исключительно индивидуальным, но «это всегда общезначимый социальный смысл, именно поэтому код фиксируется как возвращение субъекта из автономии события в статику состояния» [8, с. 148]. Следует задуматься, поскольку на практике биография любого из нас актуализирует весь запас социальных знаний, и именно код является отражением взаимодействий индивидуального и коллективного [11, р. 92]. Наррация становится средством синтеза частного и социального, биографии и истории, и воспринимается как разговор между различными частями себя, что позволяет категорировать каждый отдельный рассказ «не только как индивидуальное, имеющее отношение лишь к его частной жизни, как опыт самотипизации, но и частное проявление социально-типичного» [8, с. 149].

Выходит, что в социальном конструировании нарративный метод может применяться для выявления явных и неявных представлений личности, аксиологических модусов и смыслов, которые индивиды приписывают тому или иному политико-правовому институту. При анализе функционирования данных структур материалом исследования становятся преподнесенная рассказчиком информация, структура сюжета и последовательность событий. Дополнительные, имплицитные, смыслы, заложенные акторами преобразований в институты, могут быть выявлены через аналитику чувств, эмоций и теми оценками, которыми субъект выставляет тем или иным событиям. В целом же, нарративы помогают выявлять значения, которые индивиды связывают с тем или иным политико-правовым институтом, маркировать смыслы как позитивные или негативные, давая оптику для изучения наиболее проблемных аспектов функционирования рассматриваемых структур и то, как различные социальные практики влияют на переход личности в новое состояние. Нарративный анализ позволяет выявлять связанные с политико-правовым институтом национально окрашенные смыслы

и осуществлять их компаративистские исследования. Недостатки данного метода сводятся к его трудоемкости и высокой субъективной составляющей.

Дискурсивный анализ. Если проанализированные ранее методы были направлены на изучение отдельного субъекта или же групп, то третий конструктивистский инструмент сосредоточивается на дискурсах и текстах, в процессе создания которых принимают участие большое количество акторов социальных взаимодействий. Краеугольным камнем дискурсивного анализа является теория речевых актов, в рамках которой язык не рассматривается как совокупность универсальных и единожды сформировавшихся смыслов, но выступает той областью действий, посредством которых продуценты высказываний оказывают влияние на поведенческие паттерны окружающих [5]. Немаловажно, что представители данного направления также отмечают связи между речевым поведением и контекстуальными реалиями, акцентируя внимание на том, что «значение создается и оформляется в социальных практиках» [10, с. 141].

Общеизвестно, что «дискурс» – это сложное коммуникативное явление, содержащее в себе лингвистические и экстралингвистические структурные элементы. В дополнение к этому, любой дискурс многогранен, поскольку он не только ситуативно сопряжен с параметрами коммуникации, где происходит его генезис и развертывание возникает, но и с участниками общения, репрезентируя в частности их уникальные картины мира, мотивы, опыт и установки. Поэтому мы в полной мере солидаризуемся с теми исследователями, кто понимает под дискурсом контекстуально обусловленную когнитивную структуру или же усматривает в нем один из инструментов вербального конструирования мира [1, с. 147].

Прежде всего следует сказать, что главная цель дискурсивного анализа в социальном конструктивизме заключается в постижении «социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами» [5, с. 452]. В процессе его практической реализации данного конструктивистского метода анализу подвергаются лексические единицы и синтаксические конструкции не только одного, но целого ряда тематически объединенных текстов. Важно, что в процессе проведения данного анализа исследователь исходит из того, что «для дискурсивной семантики существенно не буквальное значение языковых единиц, но интертекстуальные и интрадискурсивные отношения и порождаемые ими импликации» [10, с. 140]. Итак, мы видим, что третий конструктивистский инструмент подразумевает тщательную глубинно- и макро-семантическую аналитическую работу и направлен на описание и изучение феноменов, которые стоят за использованием языка.

Е.А. Тимошук отмечает, что практическая реализация дискурсивного анализа предполагает последовательное осуществление ряда стадий, которые графически представлены ниже (рис. 1): (1) выделение ключевых понятий; (2) формулирование и корректировка релевантных уточняющих вопросов; (3) создание баз(ы) взаимозависимых значений с помощью количественных

методов; (4) интерпретация знаний при использовании качественных методов; (5) работа с границами контекстов, их демаркация и аксиологическое описание [9, с. 71].

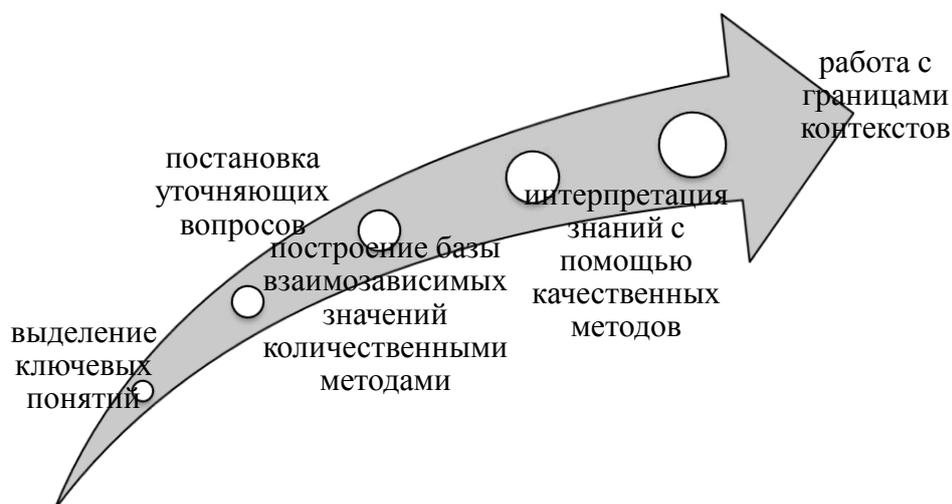

Рис. 1 – Этапы дискурсивного анализа

По сути, дискурсивный анализ – это такой подход, который не разрабатывает новые исследовательские методы, но предлагает качественно иной подход к пониманию высказываний в их связи с социальными практиками. Здесь происходит методологический синтез тех средств, которые были разработаны в областях научного познания, фундировавших сам дискурсивный анализ. В дополнение двум рассмотренным методам использование дискурсивного анализа при изучении политико-правовых институтов дает исследователям возможности не только подтвердить свои гипотезы по поводу заложенных в них смыслах и ценностях, но и определить горизонт наиболее актуальных проблем для национального или же вовсе международного общества.

Так, для примера можно обратиться к анализу дебатов, происходивших в южноафриканском парламенте. Операционализация понятий позволяет увидеть резонирующую для современного мира идею о превосходстве белых, которую разделяли как либеральные, так и консервативные депутаты ЮАР. Другим показательным примером будет анализ текстов современного феминистского дискурса, который показывает размежевание между сообществами по многочисленным идеологическим основаниям, в частности касаясь средств ведения политической борьбы [13]. Руководство дискурсивным анализом таким образом открывает дорогу понимания принципов функционирования политико-правовых институтов через исследования социальных проблем и говорящих о них групп и сообществ, положение которых можно маркировать как «дискриминация» либо «маргинализация». Обращение внимания на такого

рода сигналы одновременно позволяет вырабатывать средства превенции институционального кризиса и осуществлять последующий анализ успешного и неудачного опыта ремоделирования институциональной архитектуры в различных эмпирических контекстах.

При этом обозначенная вариативность дискурсивного подхода вызывает и критические замечания. Так, ряд исследователей подчеркивает, что размытые недифференцированные подходы к пониманию дискурса способствуют потере регулярности и системности, словно постмодернисты не желают глубинно постичь объекты социального мира и намеренно упрощают их, упуская из внимания важные причинно-следственные связи [3]. Вполне очевидно, что размытость самого ключевого понятия, плюрализм используемых в рамках дискурсивного анализа методов чревата подмене анализа субъективным восприятием и фантазированием, в том числе и самих закономерностей развития социальных процессов. Отсюда следует, что его наиболее уязвимое место – это низкая достоверность результатов.

Результаты проведенного во второй части исследования изучения социально-конструктивистских методов, их целей, задачи особенностей специфики применения представлены в таблице 1:

Таблица 1

Особенности социально-конструктивистских методов

	Метод репертуарных решеток	Нарративный анализ	Дискурсивный анализ
Цель	Изучение ценностей, особенностей функционирования политико-правовых институтов	Изучение смыслов, связанных в сознании личности с тем или иным политико-правовым институтом	Выявление и изучение наиболее проблемных аспектов функционирования политико-правовых институтов
Задачи	1) выявление ценностей, идей, абстрактных понятий, лежащих в основе политико-правового института; 2) ранжирование аксиологом по степени важности, значимости, влияния на поведение; 3) ранжирование политико-правовых институтов по степени значимости,	1) выявление личностных смыслов, связанных в сознании реципиентов с политико-правовым институтом; 2) маркировка смыслы как позитивные или негативные; 3) выявление наиболее проблемные аспекты функционирования политико-правовых институтов;	1) выявление наиболее проблемных социальных аспектов, функционирования политико-правовых институтов; 2) выявление языковых средств, способов повышения стратификации и дестабилизации общества; 3) осуществление компаративных исследований,

	Метод репертуарных решеток	Нарративный анализ	Дискурсивный анализ
	по степени соответствия системе национальных ценностей; 4) проведение компаративистских исследований, направленных на сравнение особенностей функционирования политико-правовых институтов, идей, лежащих в их основе, степени соответствия общественным ожиданиям	4) выявление влияния политико-правового института на изменения личности; 5) проведение компаративистских исследований, направленных на сравнение дополнительных смыслов, связанных с политико-правовыми институтами, в различных культурных моделях	направленных на изучение различных аспектов функционирования политико-правовых институтов; 4) выявление социальных факторов, которые приводят к институциональному краху, необходимости реформирования политико-правовой архитектоники
Ключевые понятия	Конструкт как классификационно-оценочный эталон	Нарратив как рассказ, направленный на описание прошлых событий и развитие событий	Дискурс как средство означивания мира
Теоретическое обоснование	Теория личностных конструктов	Феноменология, символический интеракционизм, этнометодология	Теория речевых актов
Материал	Система конструктов-аксиологем	Рассказы, сюжеты	Дискурсы
Недостатки	1) трудоемкость; 2) отсутствие заданных гипотез	1) трудоемкость; 2) высокая субъективность*	1) отсутствие единой универсальной процедуры; 2) высокая субъективность

** важно добавить, что высокая субъективность характерна для всех социально-конструктивистских методов*

Следует помнить, что социальные конструктивисты не ограничиваются вышеперечисленными методами, а сама парадигма не подлежит строгому описанию и установленному набору процедур и способов интерпретаций. Практика демонстрирует, что в процессе изучения социальных конструктов исследователи привлекают многочисленные методологические процедуры, разработанные в рамках других научных областей, адаптируя и видоизменяя их под цели конкретного исследования и особенности того или иного объекта.

Заключение. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что конструктивизм – это интенсивно развивающееся и сложное философское направление, направленное на изучение социальных конструкций как феноменов. Последние возникают в результате интересубъективных взаимодействий, когда социокультурным объектам и процессам придаются различные значения. Среди особенностей восприятия действительности конструктивистами обращает на себя внимание коммуникативная обусловленность парадигмы, в результате чего основные методы в большинстве своем направлены на изучение социальных процессов и означивания конструкций элементами семиотических систем.

В рамках проанализированных подходов мы увидели, что сами социальные конструкции могут быть условно представлены тремя типами: (1) возникшие в результате исторического развития общества и регулирующие взаимодействия между людьми; (2) выступающие предметным воплощением идей; (3) формирующиеся в результате наделения материальных объектов дополнительными смыслами.

Применительно к заявленной политико-правовой институциональной проблематике можно сделать вывод, что эти структуры в той или иной степени обладают типологическими признаками всех представленных типов социальных конструкций: возникая исторически и регулируя социальные отношения, они всегда основываются на нескольких идеях, служат средством их воплощения, обладают материальной базой и приобретают дополнительные значения и смыслы.

Сегодня основными методами социального конструктивизма являются методика репертуарных решеток, нарративный и дискурсивный анализ, основанные на способности языка выходить за пределы «здесь – и – сейчас». Первый инструмент занимается исследованием конструкторов как оценочных эталонов, которые регулируют жизнедеятельность каждой личности; нарративный – рассказов и сюжетов, которые отражают восприятие и интерпретацию личностью социальных процессов и эмпирических контекстов; дискурсивный – результатов речепорождения социальных групп. Каждое из указанных средств позволяет решать актуальные задачи, панорама которых расширяется перед социальными конструктивистами. Что касается институциональных исследований, то репертуарный анализ выявляет ценности, которые лежат в основании политико-правовых структур, нарративный – личностные смыслы, связанные в сознании реципиента с тем или иным установлением, дискурсивный – наиболее значимые проблемы функционирования институтов.

В то же время всем вышеуказанным методам присущ ряд недостатков. Прежде всего, к таковым следует отнести трудоемкость и высокую субъективную составляющую процедур. Соответственно, на сегодняшний день основной проблемой социального конструктивизма является снижение субъективности и повышение достоверности результатов исследования, что может быть достигнуто в том числе посредством дополнения инструментария количественными методами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 147–165. – Текст : непосредственный.
2. Зайцева, Ю. Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности / Ю. Е. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 4. – С. 6–22.
3. Золян, С. Т. Семантика и структура поэтического текста / С. Т. Золян. – М. : URSS, 2014. – 336 с. – Текст : непосредственный.
4. Ищенко, Н. С. Коллективный субъект социального конструктивизма под знаком «одержимой личности» / Н. С. Ищенко. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 4 (259). – С. 43–45.
5. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 451–456.
6. Сапогова, Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости / Е. Е. Сапогова. – М. : Смысл, 2013. – 767 с. – Текст : непосредственный.
7. Тарарухина, М. И. Техника репертуарных решеток Дж. Келли / М. И. Тарарухина, М. В. Ионцева. – Текст : непосредственный // Социология: Методология, методы, математические модели. – 1997. – № 8. – С. 114–138.
8. Терехова, Т. А. Нарративный анализ как понимающий метод / Т. А. Терехова, С. К. Малахаева. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 1 (41). – С. 143–152.
9. Тимощук, Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания / Е. А. Тимощук. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 4 (12). – С. 66–73.
10. Чернявская, В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 135–148.
11. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. – London : PenguinBooks, 1991. – 233 p.
12. Klapper R. G. George Kelly's Repertory grids in Social Constructionist research in the French Context Management & Avenir. – 2011. – Vol. 3. – № 43. – Pp. 354–371.
13. Morris W. F. Understanding ideology. – Lanham, Maryland : University press of America, 2010. – 200 p.
14. Neimeyer R., Levitt H. Constructivism/constructivist methodology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences: Elsevier Science, 2001. – Pp. 2651–2654.
15. Tomico O., Karapanos E., Lévy P., Mizutani N., Yamanaka T. The repertory grid technique as a method for the study of cultural differences // International Journal of Design. – 2009. – № 3 (3). – Pp. 55–63.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafor = Metaphor theory*, M., Progress, 1990, pp. 147–165. (In Russian).
2. Zaitseva Y. E. A model of narrative analysis of identity style [Model narrativnogo analiza stilya i dentichnosti]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psihologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, No. 4, pp. 6–22. (In Russian).
3. Zolyan S. T. Semantika i struktura poeticheskogo teksta [Semantics and Structure of a Poetic Text]. M., URSS, 2014. 336 p.
4. Ishchenko N.S. Kollektivnyy sub"yekt sotsial'nogo konstruktivizma pod znakom oderzhimoy lichnosti [The collective subject of social constructivism under the sign of "possessed personality"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, No. 4 (259), pp. 43–45. (In Russian).
5. Prokoshenkova L. P., Getskina I. B. Diskursivnyy analiz i yego rol' v sovremennoy lingvistike [Discursive analysis and its role in modern linguistics]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*, 2006, No. 4, pp. 451–456. (In Russian).
6. Sapogova E. E. Ekzistencialnaya psikhologiya vzroslosti [Existential Psychology of Adulthood]. M., Smysl, 2013. 767 p.
7. Tararukhina M. I., Iontseva M. V. Tekhnika repertuarnykh reshetok Dzh. Kelli [Technique of repertory grids by J. Kelly]. *Sociologiya: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli = Sociology: Methodology, methods, mathematical models*, 1997, No. 8, pp. 114–138. (In Russian).
8. Terekhova T. A., Malakhaeva S. K. Narrativnyy analiz kak ponimayushchiy metod [Narrative analysis as an understanding method]. *Gumanitarnyy vector = Humanitarian Vector*, 2015, No. 1 (41), pp. 143–152. (In Russian).
9. Timoshchuk E. A. Diskursivnyy analiz kak fenomenologicheskaya strategiya sotsiokul'turnogo opisaniya [Discursive analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2012, No. 4 (12), pp. 66–73. (In Russian).
10. Chernyavskaya V. E. Metodologicheskiye vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2017, No. 50, pp. 135–148. (In Russian).
11. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. London, Penguin Books, 1991. 233 p.
12. Klapper R. G. George Kelly's Repertory grids in Social Constructionist research in the French Context. *Management & Avenir*, 2011. Vol. 3. No. 43, pp. 354–371.
13. Morris W. F. Understanding ideology. Lanham, Maryland, University press of America, 2010. 200 p.
14. Neimeyer R., Levitt H. Constructivism / constructivist methodology. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Elsevier Science, 2001, pp. 2651–2654.

15. Tomico O., Karapanos E., Lévy P., Mizutani N., Yamanaka T. The repertory grid technique as a method for the study of cultural differences. *International Journal of Design*, 2009, No. 3 (3), pp. 55–63.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Методологическая роль социального конструктивизма для исследований политико-правовых институтов (часть 2) / Н. Н. Равочкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 186–198.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N. The Methodological Role of Social Constructivism in the Research of Political and Legal Institutions (Part 2) / N. N. Ravochkin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 186–198. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Барсегян Сюзанна Вагеевна – аспирант, преподаватель ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: galstyan.suzi@mail.ru

Barseghyan Suzanna Vageevna – post-graduate student, Lecturer, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: galstyan.suzi@mail.ru

Головлёв Алексей Алексеевич – доктор географических наук (г. Самара); e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlyov Alexey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences (Samara); e-mail: dudarev51@mail.ru

Гордеева Полина Александровна – профессор кафедры социальных и гуманитарных наук ФГКВБОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (г. Новосибирск); e-mail: bunny35749gmail.com

Gordeeva Polina Aleksandrovna – Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation (Novosibirsk); e-mail: bunny35749gmail.com

Губанова Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Gubanova Marina Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Жарков Александр Владимирович – аспирант института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург); e-mail: alessandro2017@mail.ru

Zharkov Alexander Vladimirovich – post-graduate student of the Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg); e-mail: alessandro2017@mail.ru

Карapkова Олеся Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru

Karapkova Olesya Grigorievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: olesya.karapkova@mail.ru

Концевич Ирина Владимировна – преподаватель ГБПОУ «Григорополисский сельскохозяйственный техникум имени атамана М.И. Платова» (станция Григорополисская); e-mail: kravtsova90irina@mail.ru

Kontsevich Irina Vladimirovna – Teacher, Grigoropolisskiy Agricultural College Named after Ataman M.I. Platov (Stanitsa Grigoropolisskaya); e-mail: kravtsova90irina@mail.ru

Лебедева Людмила Николаевна – учитель математики и информатики МБОУ «СОШ № 1 г. Анадырь» (Чукотский автономный округ); e-mail: unikalna@yandex.ru

Lebedeva Lyudmila Nikolaevna – Teacher of mathematics and informatics, MBEE "Secondary School No. 1 in Anadyr" (Chukotka Autonomous District); e-mail: unikalna@yandex.ru

Лидак Людмила Валентиновна – доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: ludalidak@mail.ru

Lidak Lyudmila Valentinovna – Doctor of Psychological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Intercultural Communication, Linguodidactics, Pedagogical Technologies of Education and Upbringing, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: ludalidak@mail.ru.

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Malakhov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Малахова Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Malakhova Anastasia Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Месропян Алексей Эрнестович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: mesropyan_2013@mail.ru

Mesropyan Alexey Ernestovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: mesropyan_2013@mail.ru

Мусин Олег Алишерович – старший преподаватель кафедры теоретических основ физической культуры ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (г. Нижний Новгород); e-mail: mysin332@mail.ru

Musin Oleg Alisherovich – Senior Lecturer of the Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Nizhny Novgorod); e-mail: mysin332@mail.ru

Омельченко Сергей Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: osvselive@gmail.com

Omelchenko Sergey Vladimirovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: osvselive@gmail.com

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Panarin Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National history, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru.

Редун Руслан Геннадьевич – преподаватель учебного центра, командир учебного батальона младших специалистов учебного центра ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» (г. Краснодар); e-mail: rredun@bk.ru

Redun Ruslan Gennadievich – Teacher of the Training Center, Commander of the Training Battalion of Junior Specialists of the Training Center, Krasnodar Higher Military Order of Zhukov and the October Revolution Red Banner School Named after General of the Army S.M. Shtemenko (Krasnodar); e-mail: rredun@bk.ru

Тимошенко Татьяна Александровна – аспирант кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: ta-polina001@yandex.ru

Timoshenko Tatiana Alexandrovna – postgraduate student of the Department of Intercultural Communication, Linguodidactics, Pedagogical Technologies of Education and Upbringing, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: ta-polina001@yandex.ru

Хабидулина Елена Борисовна – магистрант, преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: habibulina.lena2016@yandex.ru

Khabibulina Elena Borisovna – Master's student, Lecturer of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: habibulina.lena2016@yandex.ru

Шидов Альберт Залимович – преподаватель кафедры социальных, педагогических дисциплин и физической культуры Армавирского лингвистического социального института (г. Армавир); e-mail: shidik@mail.ru

Shidov Albert Zalimovich – Lecturer of the Department of Social, Pedagogical Disciplines and Physical Culture, Armavir Linguistic Social Institute (Armavir); e-mail: shidik@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 августа 2022 года.

Дата выхода журнала – сентябрь 2022 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **550 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Linguistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. *The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue*

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defence. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defence.

Keywords: *human right to self-defence, self-defence right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационно-ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Для заметок

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2 2022

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Дата выхода в свет: 24.08.2022. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 24,88. Уч.-изд. л. 14,29. Тираж 300 экз.
Заказ № 27/22. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4